

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Им рукоплещет планета: командир космического корабля-спутника «Восход-2» летчик-космонавт полковник Павел Иванович БЕЛЯЕВ и второй пилот — летчик-космонавт подполковник Алексей Архипович ЛЕОНОВ.

18 марта 1965 года в 10 часов по московскому времени в Советском Союзе на орбиту спутника Земли мощной ракетой-носителем выведен космический корабль-спутник «Восход-2», пилотируемый экипажем в составе командира корабля — летчика-космонавта полковника Беляева Павла Ивановича, второго пилота — летчика-космонавта подполковника Леонова Алексея Архиповича.

Корабль-спутник «Восход-2» выведен на орбиту, близкую к расчетной.

В тот же день, в 11 часов 30 минут, при полете космического корабля «Восход-2» впервые в мире осуществлен выход человека из корабля в космическое пространство. На втором витке полета второй пилот летчик-космонавт подполковник Алексей Архипович Леонов в специальном скафандре с автономной системой жизнеобеспечения совершил выход в космическое пространство, удалился от корабля на расстояние до пяти метров, успешно провел комплекс намеченных исследований и наблюдений и благополучно возвратился в корабль.

СЛАВА КРЫЛАТЫМ БОГАТЫРЯМ! СЛАВА СОВЕТСКИМ ПОКОРИТЕЛЯМ КОСМОСА!

Деталь скульптурного фриза Монумента в ознаменование выдающихся достижений советского народа в освоении космического пространства.
Авторы проекта Монумента — скульптор А. Файдыш и архитекторы М. Барщ и А. Колчин — выдвинуты на соискание Ленинской премии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

43-й год издания

№ 12 (1969)

21 МАРТА 1965

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НОВ
КОС

С. БОРЗЕНКО,
Н. ДЕНИСОВ

То, что сделали эти двое — Павел Беляев и Алексей Леонов,— не совершал еще никто!

Человечество уже привыкло, что в каждом полете советских космических кораблей преодолеваются все новые и новые рубежи. Четыре года назад на штурм космоса первым устремился Юрий Гагарин. Всего сто восемь минут длился его легендарный полет, навеки вошедший в летопись нашей планеты как величайший подвиг советского народа. Затем сутки провел на космической орбите Герман Титов. Более 112 витков вокруг Земли сделали в своем групповом космическом рейсе Андриян Николаев и Павел Попович. Трое суток работала в космосе Валентина Терешкова; пять суток — Валерий Быковский. Совсем недавно, в преддверии 47-й годовщины Великого Октября, в космос поднялся экипаж «Восхода» — летчик Владимир Комаров, ученый Константин Феоктистов, врач Борис Егоров. Девять космонавтов, девять неповторимых человеческих судеб, девять научных рубежей, казалось, таких же неодолимых, как высочайшие горные хребты.

Не будь этих космических «восхождений», не было бы нынешнего события, снова взбудоражившего весь мир, открывшего новые возможности освоения космоса. Подумать только — человек, словно молодой орленок, освободился от сковывавшей его скорлупы корабля и, раскинув руки, будто крылья, запарил над планетой. Человек плавает в космосе, как в море!

...Павла Беляева и Алексея Леонова мы часто встречали вместе. Их давно связывает крепкая мужская дружба. Они оба принадлежат к первой когорте наших славных космонавтов и приобщились к делу, ставшему целью их жизни, вместе с Юрием Гагариным, Германом Титовым и другими. Они тоже все начинали с космических азов и прошли трудную и долгую дорогу специальных тренировок, прежде чем занять свои места в космическом корабле. На

Фото А. Бочинина.

АЯ ЭРА: МОПЛАВАНИЕ

Очерк написан для журнала «Огонек» специальными корреспондентами «Правды».

этом пути каждому из них пришлось одолеть немало препятствий. Но сила воли и труд—упорный, настойчивый, самозабвенный,— поддержка товарищей, всего партийного коллектива космонавтов помогли прийти к заветной цели.

...Павел Беляев, командир нового космического корабля. Какой титанической силой воли, какой огромной верой в свои силы надо было обладать, чтобы так стойко воспринять неожиданный удар судьбы, который постиг этого человека в самом начале тренировок, проводившихся группой космонавтов! Среди них он был и годами постарше и опытом летной службы обладал бо́льшим, чем другие. Комэск, авиатор, прослуживший на Тихоокеанском флоте свыше десятка лет, офицер, с отличием закончивший Военно-воздушную академию, он как старший брат был любим молодежью. Часто и Юрий Гагарин, и Валерий Быковский, и Алексей Леонов да и другие товарищи делились с ним своими мечтами, сомнениями, радостями, тревогами. В этом всегда собранном офицере, коммунисте с немалым партийным стажем они видели доброго, отзывчивого и принципиального человека. И тут вдруг такое несчастье: стояла ветреная погода, и во время парашютного прыжка, в момент приземления, Павел Иванович сломал ногу. Перелом оказался сложный — двухсторонний. Инструктор, чемпион мира по парашютным прыжкам Николай Константинович Никитин, схватился за голову: из немногочисленной группы космонавтов выбывал один из самых надежных, и, пожалуй, выбывал навсегда.

В госпиталь к больному приехали товарищи, привезли фрукты, свежие журналы и последние «космические» новости. Алексей Леонов принес новое издание «Повести о настоящем человеке». Явно не без умысла: читай и думай. Это тоже «лекарство», преотличнейшее. Но у врача была своя точка зрения насчет всяких лекарств. Когда космонавты уходили, он сокрушенно покачал седой головой и сказал:

— Буду откровенен. Пожалуй, навсегда отлетался Павел Иванович... Не видать ему больше истребителей...

И тут встрепенулись друзья, даже как-то ополчились на доктора, будто это он виноват во всем.

— То есть как это отлетался? А Маресьев... А Захар Сорокин? А полковник Грисенко? — зашумели ребята, называя известные имена летчиков-истребителей, которым ни тяжелейшие ранения ног, ни перенесенные операции, ни протезы не помешали вернуться в боевой строй, чтобы сражаться с врагом до полной победы.

— Так ведь это было в дни войны!— возразил врач.

— Ну, а мы сейчас тоже, как на фронте,— загадочно улыбаясь, заметил один из космонавтов.

Доктор не знал тогда, что это за особый фронт и какие такие «особые» летчики приехали навестить своего потерпевшего друга. Не знал он и того, что его пациент принадлежит к людям особого склада, особого характера, к людям, для которых, кажется, не существует преград, преодоление коих зависит прежде всего от них самих. И доктор лишь пожал плечами и удивленно посмотрел вслед шумным друзьям его пациента.

Ему придется не раз удивляться, милому, доброму доктору. Он видел много упорных пациентов, боровшихся с недугом силой своей воли. Но таких, как Павел Беляев... Это уже рекордсмен в своем классе. Так стойко, так упорно «держать оборону» и даже переходить в наступление!

Летчик не желал стать инвалидом, не хотел оставаться калекой. Все в нем протестовало, все его усилия были подчинены одной цели — остаться в строю космонавтов.

Хирурги утверждали: нужна операция, только она спасет ногу, но летать уже не придется.

— А есть ли другие пути?

— Да, есть. Но это рискованно, и нельзя поручиться за результаты.

— Тогда пойдем на риск,— решительно заявил Павел Беляев. В этих словах чувствовался твердый характер человека, с детства прошедшего суровую школу жизни, выросшего в вологодских лесах, среди девственной природы.

— Ну что же, попробуем, — согласился врач.— Попытка не пытка...

Но это была самая настоящая пытка. Сломанные кости срастались под нагрузкой. Так, помнилось Павлу, давным-давно отец его Иван Парменович, деревенский фельдшер, лечил своих односельчан.

Сначала поврежденная нога испытывала нагрузку тела, а затем все возрастающий вес гимнастических гантелей. Процесс заживления проходил медленно, и Беляеву так и не удалось побывать на старте «Востока», проводить в космос Юрия Гагарина, встретить его в час приземления. Но когда в полет пошел «Восток-2», он вместе с Алексеем Леоновым уже был на космодроме и пожелал счастливой орбиты Герману Титову.

Шло время. Приближались дни группового полета Андрияна Николаева и Павла Поповича, а главный вопрос — быть или не быть Павлу Беляеву космонавтом — все еще оставался открытым. И друзья и Главный конструктор верили в Беляева, но медицина все еще сомневалась. Нет, теперь уже не хирурги. Оните — за, а вот коллеги их... Когда кости срослись и окрепли, когда многочисленные рентгеновские снимки убедительно подтвердили успех эксперимента, стали раздаваться возражения врачей-психологов: человек-де травмирован и не сможет прыгать с парашютом — побоится.

Больше всех верил в товарища Юрий Гагарин. Он вместе с Беляевым отправлялся на парашютные прыжки. Вместе поднялись они на самолете. Был ветер и облака — все, как в тот памятно-несчастливый для Беляева день. Но Юрий Гагарин не заметил на лице друга и тени сомнения или беспокойства, когда они вдвоем подошли к раскрытой двери самолета. Он положил руку на перетянутое парашютной лямкой плечо Беляева и скомандовал ему, словно перворазряднику:

— Пошел!

Прыжок опрокинул все прогнозы маловеров. И парашют раскрылся в заданные секунды, и приземление было точным, мягким. Отныне Павел Беляев вновь вступал в первый ряд космонавтов. А вскоре его, как полноправного члена этой дружной семьи, избрали секретарем партийной организации.

Таков всего один эпизод в большой биографии коммуниста Павла Беляева. Но в нем, в одном этом эпизоде, на наш взгляд, глубоко раскрываются черты характера человека волевого и целеустремленного. Этот характер начал складываться еще с детских лет, когда Павел подростком вместе с отцом ходил на медведя в вологодских лесах, когда в начале Великой Отечественной войны на заводе точил артиллерийские снаряды для фронта, когда в 1943 году добровольно вступил в ряды Советской Армии, попросив направить его в летное училище; когда, будучи курсантом Ейского училища морских летчиков, готовился стать в боевой строй защитников советского неба.

Он стал лейтенантом морской авиации двадцать лет тому назад, в День Победы над германским фашизмом, а первое боевое крещение получил над водами Тихого океана в борьбе с японскими самураями. А потом ему, авиатору Тихоокеанского флота, довелось охранять наши воздушные границы.

У Павла Ивановича Беляева, человека собранного и на первый взгляд несколько суховатого, тонкая и отзывчивая душа. Рассказывая о своих полетах, в которых случалось всякое, о беспокойной службе в истребительном полку, он говорит о самолетах, как о живых существах, с большой сердечностью вспоминает товарищей

и командиров, с которыми довелось учиться и трудиться всю жизнь.

Иногда вечером, тронув клавиши пианино, под чарующие звуки полонеза Огинского или романса Чайковского он вспоминает и одноклассника Васю Половнева, и командира гвардейского полка Митюрева, и командира звена Тимошенко, обучавшего его не только мастерству воздушного боя, но и давшего рекомендацию в партию, и начальника Военно-воздушной академии Маршала авиации Красовского, и многих, многих других. И он и жена его Татьяна Филипповна любят, когда в семейном кругу их старшая дочь Ирина читает вслух главы из исторических романов, а младшая, третьеклассница Люда, декламирует строфы из лермонтовского «Бородина» и пушкинской «Полтавы». На полке любимых книг в доме Беляевых рядом стоят «Война и мир» Льва Толстого, «Петр Первый» и «Хождение по мукам» Алексея Толстого, «Степан Разин» Алексея Чаплыгина, «Даниил Галицкий» Антона Хижняка, «Небо и земля» Виссариона Саянова, сочинения Джека Лондона, Теодора Драйзера, «Гроздья гнева» Джона Стейнбека и запомнившиеся с детства романы Фенимора Купера.

В многогранных характерах своих товарищей-космонавтов он узнает многие черты героев этих книг.

— А с кем из литературных героев вы могли бы сравнить Алексея Леонова? — спросили мы.

— О! Для Леонова нужны совсем другие мерила,— улыбнувшись, говорит Беляев. Его карие глаза засветились нежно и ласково.— Наш Леша — художник. И облик его скорее всего можно сравнить с известной скульптурой Григория Постникова «В космос»...

Как всегда, Павел Беляев точно выразил свою мысль. Память тотчас восстановила отлитую из металла фигуру юноши с красивой, гордо поднятой головой, раскинувшего сильные руки, как крылья, устремившегося вперед, навстречу к звездам. Действительно, было в его лице, и атлетически сложенном мускулистом теле, и в порывистом движении многое, присущее Алексею Леонову — коммунисту, сыну трудового народа. Наверное, так же, с такой же стремительностью, талантливо выраженной скульптором, собрав в единый комок разум, мышцы и волю, парил он в космосе!

Много раз приходилось нам встречаться с Алексеем Леоновым и на космодроме во время стартов космических кораблей, и в районах их приземления, и в домашней обстановке. Мы знаем его чудесных стариков — Архипа Алексеевича и Евдокию Минаевну, его милую, обаятельную жену Светлану Павловну. Приятно смотреть на шахтерские руки Архипа Алексеевича с въевшейся угольной пылью, когда они ласково гладят головку внучки Виктории, родившейся в знаменательном апреле шестьдесят первого года, через неделю после исторического полета «Востока». Глубокое уважение вызывает орден Материнской славы, приколотый на скромной кофточке Евдокии Минаевны, воспитавшей девятерых детей. Сколько их в Советском Союзе таких трудовых семей, давших Родине партийных и государственных деятелей, полководцев, героев труда, академиков, космонавтов...

Кто мог подумать в далекой сибирской деревушке Листвянке, что Алексей, восьмой ребенок, родившийся в семье бывшего шахтера, председателя сельсовета Архипа Леонова, через три десятка лет станет первым человеком, свободно парящим в таинственных просторах космоса. Но такова уж наша советская действительность — из самых народных глубин она выносит людей на гребень эпохи.

Биография Алексея Архиповича Леонова ничем особенным не отличается от жизнеописаний его сверстников-космонавтов. Так же, как и его друзья, он еще на школьной скамье решил стать летчиком.

В школах № 6 и № 21 города Калининграда, куда после Великой Отечественной войны перебралась из Сибири семья Леоновых, мальчика знали как искусного авиамоделиста. Он увлеченно мастерил модели планеров и самолетов, читал книги об авиаторах и их боевых подвигах. В то время одной из любимых книг подростка были записки трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба «Служу Родине». И, как это часто случается в жизни, по какому-то счастливому совпадению Алексей был принят в то самое Чугуевское авиационное училище, которое в свое время окончил прославленный советский ас.

Если для командира «Восхода-2» Павла Беляева началом летной службы был памятный День Победы, то его друг Алексей Леонов стал лейтенантом военно-воздушных сил в ту пору, когда советские ученые уже запустили первый искусственный спутник Земли. В тот год, перед окончанием училища, он был принят в члены Коммунистической партии. Это был юбилейный год — год сорокалетия Великого Октября!

Сделано было много. Но понадобилось еще почти восемь лет напряженной учебы и труда, пока Алексей Леонов смог отправиться в свой космический полет. Сначала он, как и Павел Беляев, нес нелегкую службу летчика-истребителя, с той только разницей, что комэск-тихоокеанец охранял дальневосточные рубежи Родины, а молодой летчик сторожил западные границы социалистического лагеря. И хотя их разделяло пространство свыше десяти тысяч километров, сердца их бились в едином ритме. И когда пришло время, они, как горные орлы, слетелись в одно гнездо — «звездный городок», где день за днем постигалась сложная наука космоплавания.

Алексей Леонов, кроме любви к небу и звездам, одержим еще тягой к живописи. И если бы он не стал летчиком, то наверняка был бы профессионалом-художником. Советским людям, может быть, интересно знать, как вырастал в сибирском пареньке недюжинный талант живописца. Все началось с того, что отец, разгадав в сыне-первокласснике дар художника, принес ему рулон оберточной бумаги, малярную кисть и несколько банок хозяйственных красок. Так появились первые пейзажи, восхищавшие и учителей начальной школы и соседей по улице.

Один, без чьей-либо помощи, самоучкой познавал Алексей секреты красок и светотеней, пропорции и перспективы. В школе он был бессменным редактором стенной газеты, его работы занимали первые места на выставках детского рисунка. Интерес Алексея к живописи, к творческой жизни художников все возрастал. До сих пор в доме Леоновых хранятся любовно сделанные им альбомы с репродукциями известных шедевров русской и зарубежной живописи, вырезанными из «Огонька». Журнал как бы заменял ему учителей-художников. И когда Алексей, будучи уже летчиком, впервые попал в Третьяковскую галерею, все ему здесь было знакомо.

Но, разумеется, одно дело— репродукции, а другое — оригиналы всемирно известных полотен. Стоило ему остановиться возле шишкинского соснового бора, и он сразу ощущал смолистый запах хвои и шум ветра в кронах мачтового леса. В людях, выписанных Суриковым, он увидел сильные характеры своих предков. Его потрясло умение Репина проникать в глубины человеческой души и выражать красками все ее страсти. А мягкая лирика Левитана! Что ни художник, то целый мир!..

Недавно мы видели последние картины Леонова, написанные маслом. Среди них преобладают пейзажи морских просторов, видимо, отвечающие душевному настрою космонавта-художника, влюбленного в бури и штормы, в необъятные океанские дали. Теперь, поплавав в космосе, воочию узрев все его таинственные разливы красок, он, несомненно, перенесет их на полотно.

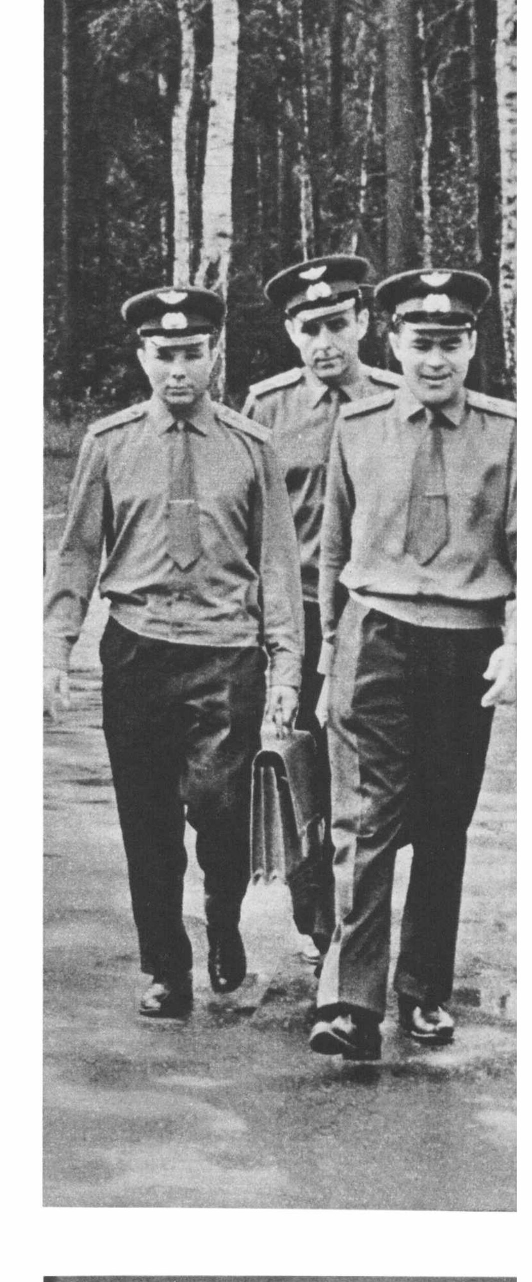
Космонавты высокого мнения о палитре своего товарища. Мы видели его картины в их квартирах. Юрий Гагарин привез ему с Кубы мольберт, Герман Титов подарил наборы красок. И как в далекие школьные годы, Алексей Леонов продолжает редактировать сатирическую стенную газету космонавтов —«Нептун». Человек жизнерадостный, он обладает неисчерпаемым оптимизмом, любит острое словцо, юмор, сатиру. Все полосы «Нептуна» украшают его дружеские шаржи и карикатуры. Неспроста товарищи сочинили о своем художнике шутливую эпиграмму:

Космонавт Алеша Л.
Он в рисунках преуспел,
В сатирической газете,
Говорят, собаку съел.
На орбите не забудь
Карандашиком черкнуть...

В дни подготовки к старту «Восхода-2» на космодроме, как всегда, вышел очередной номер «Нептуна». На видном месте в нем помещен автошарж Алексея Леонова. Несмотря на всю свою занятость, он нашел четверть часа, посвятив их любимому занятию.

...Читатели «Огонька» уже знают, как протекал полет Павла Беляева и Алексея Леонова. Многие на экранах телевизоров видели, как впервые в мире советский человек Алексей Леонов совершил выход в космическое пространство.

Весь мир восхищается крылатыми богатырями, все человечество приветствует славный экипаж восьмого космического корабля.

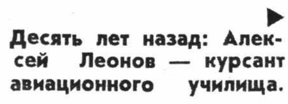

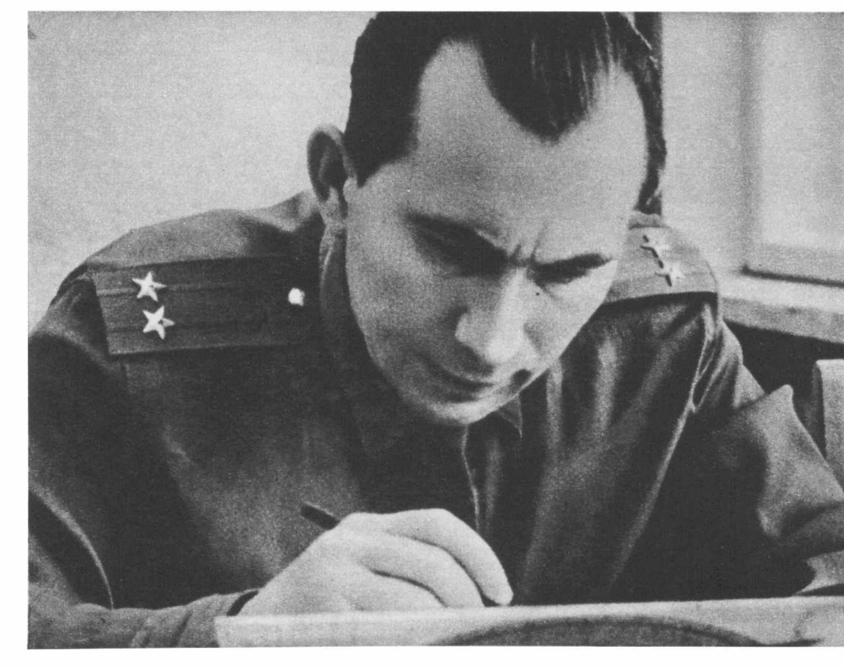

В звездном городке: летчики - космонавты Юрий Гагарин, Владимир Комаров, Андриян Николаев, Алексей Леонов и Павел Беляев.

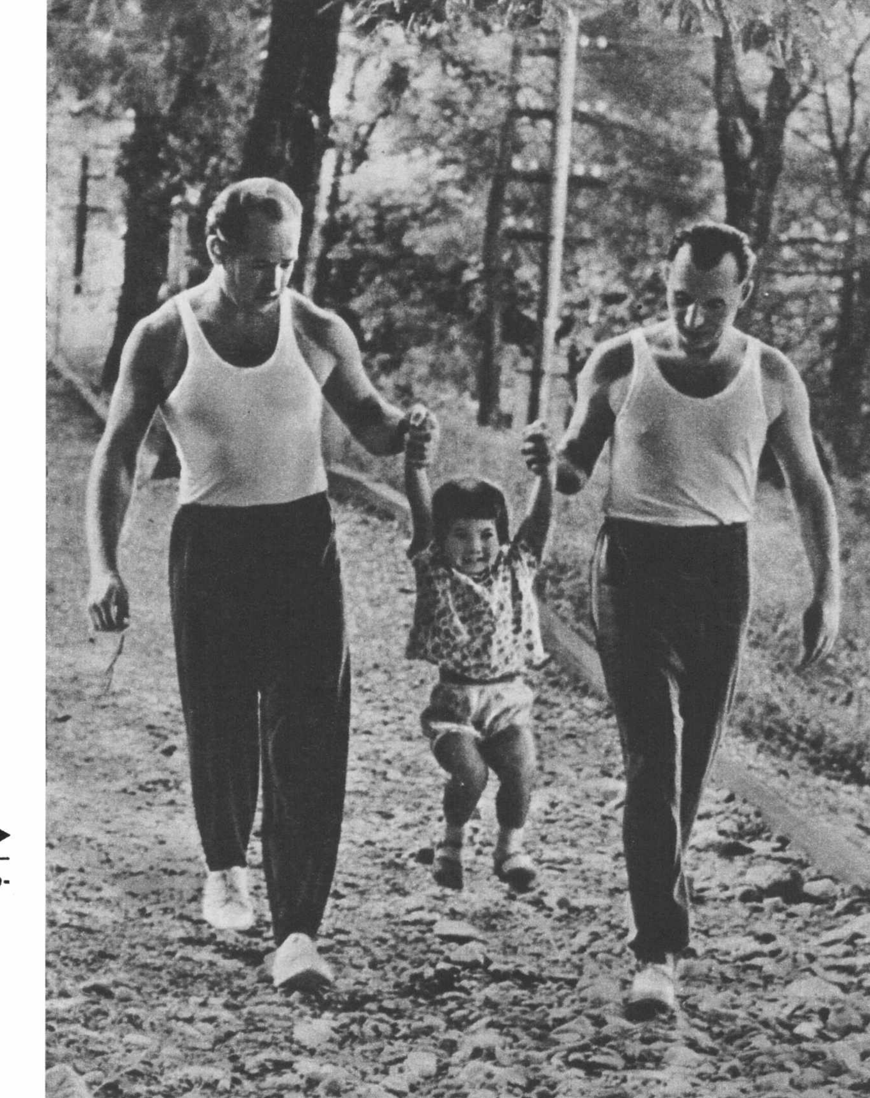
Десять лет назад: Алексей Леонов — курсант авиационного училища.

Павел Беляев. Сосредоточенность, собранность, отличное знание своего дела...

Павел Беляев и Алексей Леонов просматривают киноматериалы. Наверное, изучают опыт своих друзей...

Третья на этом снимке — Виктория, дочка Леонова...

На аппарате — Алексей Леонов. Ротор вращается одновременно в трех плоскостях.

Павел Беляев на предполетной тренировке.

Космонавты: «Десятый», «Первый», «Одиннадцатый»...

Фото В. Черединцева (ТАСС) и АПН.

„ВОСХОД-2" НАД ПЛАНЕТОЙ

СЛАВА

Александр ПРОКОФЬЕВ

Привет вторгающимся в Космос,
И кораблям их звездоносным!
От всей земли, от всех морей
Привет семье богатырей!
На том стояли и стоим,
Чтоб слава — им,
Чтоб слава — им!
Чтоб высока и велика,
Она гремела на века!

Ленинград.

ПЕСНЯ

Павел ПАНЧЕНКО

Да это же чудес чудесней
И все же просто и знакомо:
Мы в Космосе живем, как дома,
И с неба входим прямо в песню!

Эти кадры были сфотографированы с экрана телевизора, когда вся наша страна следила за беспримерным полетом космического корабля «Восход-2». Вы видите А. А. Леонова во время выхода из корабля в космическое пространство.

профессия? — волшебница!

Георгий БЕЛЯКОВ

Фото Дм. Ухтомского.

На заводе — пересменка. У проходной девушек — целый поток. Со всех концов страны съехались. Химики... Останавливаю дивчину и спрашиваю: «Чем вас заманил Чернигов?»

Смеется. Оказывается, она коренная черниговка! Об этом можно бы догадаться и самому. Глаза с хитринкой, украинские. Зовут Верой, фамилия — Рудич. И город ее не заманивал, как других, просто он ее никуда не отпустил... И еще выясняется, что Вера — комсомольское начальство, из заводского комитета. Вот удача!

Идем вместе по заводскому двору.

— Это и есть мой завод!

По-хозяйски распахивает двери в огромный зал. На улице весеннее солнце, но и здесь не темнее. На потолке сотни ламп дневного света. Зал оказывается цехом. Рядами стоят машины, мерно гудят. Чисто, светло, уютно. Вдоль проходов — цветы. Да и проходы ли это? Целые улицы города химии.

А хозяйка волшебного города ведет дальше. Ведет и старается поразить меня волшебством, проделывая разные штучки. На ладошке у нее белый порошок. Спрашивает: «Что это?» «Соль,— говорю, — какая-то». Усмехается. «Закрой,— говорит,— глаза». Закрываю. Жду, чем это кончится. «Теперь,— говорит,— открой!» Открываю, а порошка уже и нет. Лежит на ее ладошке шелковое тончайшее волокно. Каждая ниточка тоньше паутинки. Хитрая девушка! Заранее, видать, приготовила, чтобы обмануть. Я, конечно, изумлен. Не всерьез, а так, для виду. Она думает, что я совсем не имею представления о производстве синтетического волокна. Но в принципе загадка ее правильна. Из такого вот порошка на заводе получают всем известный капрон. Только на практике это в тысячу раз сложнее.

А девушки спешат. Торопятся. Это они каждый день включают машины, превращают порошок в волокно. Да только ли волокно их заслуга? А сам завод? Огромные цехи, протянувшиеся почти на километр,— не их ли рук дело?

Заводская поэтесса (нашлась, конечно, и поэтесса), черноокая девчушка, контролер ОТК Люся Шевченко посвятила своим друзьям такие стихи:

Мой ровесник! Время какое!
Дай размах неизмеренным силам!
Сотвори что-нибудь такое,
Чтоб земля твое имя хранила!

И ведь сотворили! На берегу Десны воздвигли завод-гигант синтетики, один из крупнейших в Европе.

Строители хорошо помнят, как по призыву комсомола в Чернигов съехались парни и девушки. Сроки сжатые. Стройка ударная, комсомольская. Прохлаждаться некогда. Записалась на стройку и Вера Рудич, прямо из школы, из десятого класса. Дали ей в руки лопату. Велели копать землю. И копала. Прибегала домой со слезами:

— Ой, мамо, бильше не можу!

А на другой день —снова за лопату.

Завод построили. Хлопцы собрали пожитки и попрощались с девчатами. Поехали на другую стройку. А девушки остались. Им предстояло совершить второе чудо, едва ли не более трудное,— вдохнуть в завод жизнь. Одна из них — Тамара Падалка. На заводе она человек известный. Активная комсомолка. Ударница.

Приехала она из Нежина. Думала, легко попасть на завод, да не тут-то было. Молодежь так и рвалась в Чернигов со всех краев. Еще бы, синтетика, химия! Специальная комиссия вела строгий отбор. Но Тамаре повезло. Отметки в аттестате зрелости хорошие. Химию знает. И комиссия сдалась. Так по крайней мере рассказывает сама Тамара. А мне все кажется, причина тут иная. Будь я в составе комиссии, за одни бы глаза принял девушку на завод... Может быть, поэтому ни в какие комиссии меня и не назначают.

Во всяком случае, в отношении Тамары комиссия не ошиблась. Работница оказалась замечательная. Сметливая, сноровистая. Станки сначала никак не хотели слушаться. Но работницы быстро изучили их капризы. Теперь станки работают как часы. Да что часы! Точнее. Освоилась девушка с техникой и задумалась: не пойти ли учиться дальше? Хочется ей поступить в институт. Подружки — на танцы, она — за книжку. Несколько раз в неделю бегает на подготовительные занятия.

В общежитии у девушек прекрасно. Удобные комнаты, чистота. На стене гитара. Трудно удержаться от вопроса, чья очередь унести гитару из общежития, кто надумал обзаводиться семьей.

Девчата смеются. Тамара — пунцовее всех.

— Тамарина очередь... Тамарина!

— Ой, ой, ой!— машет она руками.— Да откуда вы взяли?— А оправившись от смущения, уточняет:— Мы с Юрой решили так: сначала поступим учиться...

Девчата ахают:

— Молодец, Томка!

А таких молодцов, таких, как Тамара, на заводе тысячи! Работают, учатся, устраивают свою жизнь. И руки у девчонок нежные, без мозолей. Видно, это одна из особенностей времени. Вот девушка наводит маникюр, обтачивает ноготочки, полирует, покрывает их алым лаком. Куда она, на танцы? Нет, на работу. Иначе нельзя. Имеешь дело с тончайшими нитями — руки содержи в красоте и холе.

Когда зашел разговор о доме и заводе, нельзя умолчать о столовой. Здесь тоже девушки. Тоже молоденькие. Пооканчивали кулинарные школы и во всю меру своих талантов варят борщи и супы, жарят украинские битки. Поваров на заводе любят. Берегут.

Очень уж полюбилась парням Лида Хорошенко. Красивая девушка. Говорят, некоторые из ее поклонников по нескольку раз в день обедать приходят. И вдруг новость: трест столовых хочет перевести Лиду в город.

— Не дадим!— сказали ребята тресту.

— Не отпустим!— сказали они молодой поварихе.

И убедили повариху. Готовит она добрый украинский борщ, разливает его по тарелкам. Бросает в тарелку по чайной ложечке сметаны. А хлопцам кажется, что ложка у Лиды самая большая, уж больно борщ из ее рук хорош. Такова, видать, сила девичьего обаяния.

Заводской «огонек» стал традицией. Каждый такой вечер помнится долго. Талант утаить трудно, друзья знают, на что ты способен, и подготовка к «огоньку» идеть всесторонняя. Тут и хор, и чтецы, и солисты. Обязательно присутствуют гости. Смех, шутки: без этого и «огонек» не в «огонек». А запоет Нина Еременко, работница крутильного цеха,— забудешься. Голос у нее удивительный.

...Опять утро. Бегут девчонки. Торопятся. Известное дело — в молодости всегда не хватает пяти минут. Дверь заводской проходной так и стонет, так и охает, никак не может закрыться. Но вот наконец закрылась. Рабочий день начался. Дела на заводе идут все в гору да в гору. В прошлом году получили переходящее Красное знамя обкома комсомола. Нынче даже и мысли не допускают кому-либо отдать это знамя.

Где бы ни возникло что новое, девчата тут как тут: нельзя ли новинку применить и у себя? Сейчас они борются за выпуск продукции с личным клеймом. Продукция завода идет чуть ли не на 200 предприятий страны да еще и за границу. Черниговскую марку рабочие берегут.

...Растет Чернигов. Молодеет. Строятся новые районы. Строители поторапливаются. Недалек день, когда придется принимать гостей. В городе уже началось строительство нового предприятия. Там будут работать в основном хлопцы. Девчата их поджидают. А на заводе поговаривают уже о строительстве запасных детских яслей.

И еще хотелось бы предупредить будущее мужское сословие: есть у местных девчонок одна совсем немаловажная черта — гордость. Гордые девчонки, насмешницы. Так и смотри, что подшутят... Не годится, чтобы хлопцы попадали впросак, как это иногда бывает с приезжими. А дело вот в чем. На городском валу стоят старинные пушки. Это — излюбленное место свиданий. Но не стоит завидовать тому, кому свидание назначено возле тринадцатой пушки. Тут чертова дюжина проявляет всю свою силу. Напрасно хлопец будет разыскивать злосчастную пушку. На валу — только двенадцать пушек. Тринадцатая — в музее.

Повар-раздатчик Лида Хорошенко.

Дневная пересмена.

В демонстрации по случаю Дня независимости участвовал первый рыболовецкий кооператив страны.

Сегодня в Нуакшоте праздник.

Кавалерия пустыни на параде.

Георгий ЛЕЗГИНЦЕВ

Фото автора.

НА СТЫКЕ ДВУХ АФРИК

Неожиданно выяснилось, что в отпуск я не иду, а срочно лечу в Мавританию в числе советских экспертов, отправляющихся туда впервые по просьбе Исламской Республики Мавритании. Что мне известно об этой стране? Одна из самых отсталых французских колоний, получившая независимость в 1960 году, — вот, собственно, и все, что подсказала память. К сожалению, немногим больше сведений содержалось и в энциклопедии.

С Европой распрощались на марсельском аэродроме и через пять ночных часов приземлялись в столице Республики Сенегал — Дакаре.

Вступив на африканскую землю, мы увидели удивительно яркие звезды на черном-черном небе и жадно вдохнули влажную духоту океана.

...В аэровокзале, где мы ждем мавританский самолет, повсюду слышится французская речь. В откидных креслах читают толстые газеты пожилые господа с прилизанными волосами и нафабренными усиками. В баре, разукрашенном бутылками с пестрыми, крикливыми наклейками, вертлявые белые девицы в высоких, до колен, сапогах и с невероятно пышными прическами пьют соду-виски. Африканцы молча сидят на полу, поджав к подбородку колени и упершись спиной в стену.

Рассвело... Мы летим над Атлантическим океаном, лениво развалившимся до горизонта, еще сонным, спокойным. Недалеко от устья широкой реки Сенегал на берегу океана толпятся белые многоэтажные дома Сен-Луи. Сразу за рекой началась Южная Мавритания. Блестят на солнце озерца и болота в пойме Сенегала, возникшие здесь после недавних тропических ливней, а к северу тянется желтая пустыня с железисто-ржавыми и солончаково-белесыми заплатами.

И вот мы в Нуакшоте, столице Мавритании. Город начал строиться всего три-четыре года назад в безводной пустыне, в восьми километрах от Атлантического побережья. Сейчас здесь 8 тысяч жителей. Одноэтажные дома мавританского стиля, среди них стали расти трех-четырехэтажные, кое-где видны деревца и кустарники, но их мало: не хватает воды. Еще недавно воду возили в цистернах из Сенегала, сейчас городской водопровод работает четыре—шесть часов в сутки. Пресная вода — одна из главнейших проблем страны, решать ее думают за счет опреснения океанской воды и бурения скважин в пустыне. Мавританцы говорят, что аллах наделил их в избытке лишь солнцем и песком — за два месяца мы не видели на небе ни одного облачка, и пески нас преследовали, всюду пески. Почти вся территория страны покрыта ими.

Наши мавританские знакомые рассказали нам о трудной судьбе своего народа, всего четыре года назад, после долгих лет колониального рабства, получившего государственную независимость.

Мавритания находится на стыке двух Африк — арабской и черной, поэтому население ее многонационально, но преобладают мавры, а также тукулёры и сараколе. Берберы, завоевавшие Мавританию еще в 10-м веке, принесли сюда ислам, и в современной конституции подтверждена верность страны мусульманской религии. Из миллиона жителей Мавритании три четверти — кочевники. Среди населения несколько каст и социальных групп: хасаны, или воины, марабуты, или духовенство, ремесленники, мелкие земледельцы, наемные рабочие. В отдельных районах страны еще живучи унаследованные от колониализма рабовладельческие отношения, крайне сильны феодально-кастовые пережитки.

Не менее «богатое» наследство получила Мавританская Республика от французских колонизаторов и в области экономики — хозяйство ее находилось на уровне 12—15-го веков. В сельском хозяйстве и сейчас основным орудием является кол: им мавританец пробивает ямку, в которую бросает несколько семян,— вот и вся агротехника. Промышленность отсутствовала, была только примитивная разработка соляных залежей с помощью ручного труда.

В стране мало дорог, очень мало клубов, кино, стадионов—лишь на французских предприятиях. Много неграмотных и мало школ, поэтому только 20 процентов детей школьного возраста могут учиться; высшее образование недоступно, так как нет ни одного высшего учебного заведения. Почти нет больниц, и широко распространены различные болезни, в том числе туберкулез. Большинство мавританцев живут в палатках, нет электрического света, воды, топлива. Всему сказанному трудно поверить, но, поездив по стране, убеждаешься в этом своими глазами.

Министр экономики и финансов Ба Бокар Альфа говорил нам, что главная задача его правительства — скорее вытянуть экономику и культуру страны из прошлого в 20-й век, и этой цели служит четырехлетний план экономического и социального развития Мавритании на 1963—1966 годы. Перспективному планированию уделяется большое внимание — создан специальный Генеральный комиссариат плана, который пытается направить развитие страны по плановому руслу.

Много трудностей испытывает страна при решении своих проблем, и первая из них — отсутствие национальных кадров, что заставляет мавританцев всякий раз прибегать к помощи бесчисленных французских советников, экспертов и консультантов, интересы которых вовсе не всегда совпадают с мавританскими. Недостаток собственных средств вынуждает правительство Мавритании обращаться к международным и французским банкам, концернам и компаниям. Последние вкладывают деньги в основном в прибыльные для них предприятия. Французы вообще пользуются здесь очень большим влиянием, которое узаконено специальным франко-мавританским договором о содружестве от 19 июня 1961 года. В Нуакшоте предпочитают не говорить об этом договоре, который распространяется на все области политических, экономических и культурных отношений. Эти и многие другие трудности значительно корректируют наметки четырехлетнего плана, но по ряду статей он выполняется успешно.

Все мавританцы принимали нас, первых посланцев великого советского народа, очень хорошо и делали все возможное для успешного завершения нашей миссии.

Ознакомительные поездки по стране мы начали с севера, где расположены предприятия «Миферма» («Компания по разработке железных руд Мавритании»).

Компания «Миферма» — это государство в государстве, международный концерн, где больше половины капитала принадлежит французам, остальной распределяется между англичанами, итальянцами и западными немцами. Он хозяин богатейших железных рудников, городов (Консадо, Зуйрат), построенных в стране железных дорог длиной 650 километров, океанского порта, механических заводов, морских судов, автомобильного транспорта и автодорог, телефонной и радиосвязи и других огромных ценностей, составляющих две трети стоимости всех государственных и частных ценностей страны. Налоги с «Миферма» составляют 30 процентов всех поступлений в государственный бюджет Мавритании.

Мы летим в «Железную империю», где сможем находиться два дня: так решили ее хозяева.

Под крылом самолета Сахара серого и охристого цвета, иногда проплывают черные холмы, напоминающие острова среди моря. Самолет спускается к подножию высокого черного массива, где разведаны богатейшие железорудные месторождения Тазадит, Руэсса, Ф'Дерик. На аэродроме нас встречает главный инженер рудника Тазадит мсье Бастид. Через десять минут мы в городе Зуйрате, которому по благоустройству может позавидовать не один французский городок. Здесь есть все: удобные коттеджи, магазины, школы, больницы, спортплощадки с плавательными бассейнами,— и только песчаная буря и пятидесятиградусная жара напоминали, что мы в пустыне.

— Французы умеют хорошо жить везде,— не без гордости заявил главный инженер, когда мы, осмотрев город, ехали на рудник.

Все производственные процессы на руднике полностью механизированы, применяемое горно-транспортное и обогатительное оборудование лучших современных образцов, работы организованы четко, но ведутся без всякой системы, хищнически. Вместо нормального карьера отрыты десятки закопушек, из которых выдирается богатейшая руда.

— Как называется ваша «система» горных работ? — спрашиваю я главного инженера.

— Выборочная. Мы добываем руду с содержанием не ниже 65 процентов,— последовал ответ.

— Охотясь за богатейшей рудой, вы богатую, даже 55-процентную гоните в отвал?

— Да. Если мы будем вывозить и эту руду, то снизятся прибыли акционеров, — разводя руками, пояснил он.

Таков закон бизнеса — хищничество ради сохранения высоких прибылей.

Однажды в свободные часы мы поехали к океану купаться. На мелком, как крупчатка, горячем песке под разноцветными зонтами кучками сидели французы-рыболовы. Рыбы здесь много, и улов всегда богатый. Мы отплыли от берега метров на сто, и я, перевернувшись на спину, довольно долго качался на волнах. Вдруг произошло непонятное — я ощутил десятки ударов в спину и увидел, что вокруг меня закипел океан: сотни рыбок выпрыгивали из воды, поднимая фонтаны мелких брызг. Еще не понимая, в чем дело, я взглянул на берег и увидел толпу людей, энергично махавших руками и что-то громко кричавших. Почувствовав неладное, я быстро поплыл к берегу и вдруг в трех метрах от себя увидел огромный акулий хвост, на миг показавшийся над водой и исчезнувший в океанской пучине. Когда я подплыл к берегу, то услышал, что французы кричали:

— Акула, акула!

Пожилой рыбак рассказал, что три месяца назад на этом же месте разыгралась трагедия, после которой никто не рисковал заплывать на глубину...

— Акула промахнулась, а рыбы-собаки, которыми кишит Сенегал, не промахнутся: стаями по 50—100 штук они раздирают за десять минут быка, если он неосторожно забредет поглубже. Они страшней крокодилов и не брезгуют людьми, не дай бог, если опрокинется лодка,— закончил рыбак.

Поездки в другие районы мы совершали на добротном «лендровере» — вездеходе пустынь. Машина сильная, но и она буксует в песчаных дюнах, поэтому набираем с собой побольше воды. С самого раннего утра на небе торчит ненавистное здесь солнце. Времени всего семь часов, а дышать уже нечем. Едем пустыней, она плоска и гола, как стол, редкий низкорослый кустарник — единственное украшение пейзажа. Кругом песок — белый, красный, черный, а впереди мираж — озера и заливы с лесистыми берегами.

Скоро конец нашего трехсоткилометрового путешествия, а нам не встретилось ни жилья, ни единого живого человека, лишь человечьи и верблюжьи кости белели изредка на красном песке. Вынужденная остановка — наш «ленд-ровер» забуксовал в песочных волнах, бороздящих песчаный океан. Буксуем полчаса, час. Выйти из машины невозможно: солнце прямой наводкой раскаляет песок, ветер забивает его в уши, рот, волосы. А в машине нет воздуха, горячие пары бензина душат нас...

Все же выходим из машины и будто попадаем в доменную печь — пустыня казалась огромным раскаленным горном. Нас ожидал сюрприз — стая шакалов на почтительном расстоянии наблюдала за машиной. Было приятно увидеть здесь даже такие живые существа.

Обжигая о машину руки, долго толкаем ее и наконец трогаемся с места под печальный вой шакалов: им не хотелось отпускать нас. Вскоре въезжаем в саванны и у черной горы замечаем поселение из глиняных домиков — Акджуджт. Нас встречают начальник района и мэр городка, с которыми мы едем на меднорудное месторождение.

Осматриваем разведочные штольни и шахты и здесь впервые встречаемся с африканской гадюкой: их много, они прячутся от жары под землей. Месторождение богатое, но осваиваться оно будет также иностранной компанией «Сокума», президентом которой является министр экономики Мавритании Ба Бокар Альфа.

По ряду причин Мавритания вынуждена принимать иностранную «помощь». Например, оседлым жителям этого района не к чему приложить свои руки: здесь нет ни одного предприятия. На вопрос, чем же занимаются жители, мэр ответил: коммерцией. Мы побывали на местном рынке и наблюдали «коммерсантов». Одни меняли два литра молока на кусок мяса, другие—горсти овечьей шерсти на кусок домотканой материи. Деньги здесь не в ходу, натуральный товарообмен сохранился в своем первозданном виде.

Вечером наши гостеприимные хозяева устроили национальную трапезу — мишуи, и беседа за мавританским чаем затянулась за полночь. Хозяева вначале робко, а потом наперебой задавали вопросы о жизни в нашей стране.

Наступил рамадан, когда мавританцы в течение месяца постятся с восхода до захода солнца. Наш шофер от голода еле держится на ногах и все время сплевывает. Он часто опускается на колени, песком омывает лицо, руки (мавританцы за отсутствием воды омовение совершают песком) и монотонно напевает по-арабски молитву...

Мы завершили свои дела. Можем лететь в Москву. На аэродроме нас провожают мавританские коллеги. Заместитель министра иностранных дел мсье Кан говорит на прощание: «Вы были первыми советскими людьми, но, мы надеемся, не последними».

Смотрю напоследок из окна самолета на новостройки Нуакшота и думаю о том, что Мавритания делает лишь первые шаги по пути своего возрождения.

В наше время вся Африка горит желанием покончить с прошлым, весь этот великий континент устремлен в будущее. Мавритания не составляет исключения. Как и всюду, где властвовал колониализм, здесь народу предстоит сделать немало усилий, чтобы одержать победу в борьбе за будущее. Побывав в этой части Африки, мы еще раз убедились в том, сколь пагубно сказалось колонилистское лихолетье на жизни народа. Но независимость, которой добилась Мавритания, открыла перед страной новые горизонты. Когда народом руководят большие идеи национального возрождения, он находит силы и средства для того, чтобы добиться успехов.

Мавритания начала борьбу за перестройку своей жизни в условиях независимости. Нам хочется пожелать ее народу успехов на этом пути.

РАССКАЗ

Сенс

А. КОВАЛЕНКОВ

Своими несообразными поступками и любовью к необычному Евгений Володичев заслужил прозвище «Сенсатор». Был случай, когда работник милиции спросил у квартирохозяйки:

— Здесь проживает Евгений Александрович?

И та переспросила:

— Вам нужен Женя, наш Сенсатор? Ну как же, имеется, живет.

Милиционер интересовался, был ли Женька дома, когда утром посреди детской площадки был обнаружен внезапно, за одну ночь выросший дубок. И не какой-нибудь кустик, а всамделишный дубок толщиной с шею взрослого человека. Подозрение, что Евгений принимал участие в самовольной пересадке дерева, было вполне естественным. Почему Сенсатор? Потому что Женька на пари в июле прошелся по газонам Петровского парка на лыжах; потому что приобрел где-то на толкучке головной убор — котелок и скандалил, когда его не пустили в наш клуб-ресторан; потому что ездил задом наперед на велосипеде, ну и потому, что врал девчонкам о своем родстве с Игорем Ильинским, и, представьте, некоторые ему верили.

Для каждого должно быть понятно, что речь идет о тех днях, когда в Петровском парке не был еще построен стадион «Динамо», травяная лужайка на этом месте называлась футбольным полем «Санитас».

Вокруг дворца, о котором Пушкин писал: «Вот, окружен своей дубравой, Петровский замок»,— происходили мотоциклетные гонки. Над аэродромом, Ходынским полем — его тогда еще продолжали звать просто Ходынкой,— летали аэропланы, похожие на этажерки, и среди них моноплан «Моран» с надписью на обоих крыльях «Дедушка». Все знали, что на этом аппарате реет в небесах Борис Илиодорович Россинский. Не было в Петровском парке огольца, который бы не знал двухместного автомобиля Россинского системы «бенц», кепки знаменитого авиатора с очками-консервами и желтых бутылочных краг.

Сенсатор хвалился, что Борис Илиодорович с ним знаком, что поручал механику Быстрицкому катать Женьку на белом мотоцикле «индиан». Но это было, что называется, уж слишком, и мы Женьку за это били.

Дурную привычку лгать и преувеличивать Сенсатор со временем оставил. На него повлиял один случай, когда Лелька — уборщица кинотеатра «Аполло» — напилась и заснула в цветнике. Дворник Савельич и нэпач, владелец галантерейки, нарисовали ей жженой пробкой усы и начали поливать из брандспойта. Лелька вскочила и бросилась на них с криком «Ура!». Нэпач ударил ее палкой. Женька над пьяницей Лелькой тоже иногда смеялся, но здесь, видя такое дело, вступился. Лелька никогда доброго слова не слыхала, ну, сирота, ну, хромая, ну, живет в сарае под лестницей, так мало ль таких... Однако когда ее ни за что ни про что палкой — это уж слишком...

Женька сломал дворнику метлу, порвал лавочнику галстук. Это тоже была сенсация.

Мне важно, чтобы вам стал ясен характер Сенсатора, а для чего — узнаете дальше.

атор

Рисунок Л. Хайлова.

Впрочем, следует еще раз вернуться к событиям тех давних-предавних дней. Мы увлекались чтением фантастических сочинений Эдгара Берроуза — «Тарзан», «Боги Марса» — и, само собой, были взволнованы и даже, можно сказать, обескуражены, когда по дорожкам и скверам Петровского парка ринулось множество людей с возгласами: «Марсиане упали, марсиане упали!»

Я сидел на подоконнике и мастерил авиационную модель, когда услышал это невероятное известие. Модель была брошена, кепка забыта, и босиком, прыгая через деревянные трельяжи, я тоже помчался смотреть марсиан, вспоминая ужасных чудовищ Герберта Уэллса.

По деревянным переулкам старых московских окраин люди бежали к Бутырскому хутору.

Это теперь удивляются: хутор! Почему, дескать, такое наименование — асфальтированные проспекты, дома модерн, самоновейший транспорт, ну и все, что полагается для культурного центра. А тогда на полях хутора, не где-нибудь, а именно на этих полях, Владимир Ильич Ленин наблюдал, как проходят испытания первого электроплуга.

Когда вместе со всеми другими прочими я добежал до хуторских насаждений, то увидел, что из пыльной картофельной ботвы торчит штырем фюзеляж и хвостовое оперение «У-1». Самолет был с мотором в восемьдесят лошадиных сил, назывался «Авро», инструктор сидел на переднем месте, а учлет — на втором. «У» — значит учебный. В годы Отечественной войны наши учебные самолеты, особенно незабвенный «извозчик» «У-2», давали прикурить гитлеровцам, а первый «учебник Аврошка» должен быть помянут добрым словом в наших летописях.

Вы спросите, при чем здесь марсиане. Как и многие другие, я ожидал увидеть темный от перегрева, с гранеными иллюминаторами снаряд, а тут обыкновенный «У-1» на картофельном поле в позиции «неполный капот». И чудней всего было то, что многие граждане смеялись, а летчики в кожаных галифе и тужурках смущенно объясняли причины аварии товарищу в военной форме.

Дело было такого рода: в Московской авиационной школе училось несколько иранцев, их тогда называли персами. Вот двое из этих персов и сверзились в картофельные борозды Бутырского хутора. Кто-то сообщил в комендантское управление аэродрома: «Персиане упали». А кто-то перепутал: марсиане... Ну и образовалась сенсация.

А Евгений Володичев, спросите, при чем? Без него не обошлось. На обратном пути, прыгая через канаву, я подвернул ногу. Женька меня обнаружил, когда я сидел на краю немощеной дороги и растирал распухшую лодыжку. Мы поговорили с Сенсатором о происшествии, а потом он мне предложил:

— Садись на закорки, я тебя понесу.

— Нет,— сказал я,— пойдем так.

Путешествовали мы до дома всю ночь, и Сенсатор под конец все-таки тащил меня волоком, не ругаясь, заметьте, а рассказывая веселые случаи. А дома ему от матери попало больше, чем мне.

У каждого из нас есть склонность приписывать свои мысли знаменитым людям и классикам. Начало рассказа, где упоминается о воспитательной роли милиции, имеет существенное значение, ибо дальнейшее развитие повествования будет идти путем действительных фактов, и, может быть, нам придется вновь посетить воспитательное учреждение, где вместо иронического необходим серьезный тон. Да, собственно, и не все в поступках и действиях Евгения Володичева, особенно когда он стал взрослым, сенсационно в полном смысле этого слова.

Были в дни Отечественной войны у солдата Володичева дела, за которые ему бы надо не медаль вручить, а по крайней мере звездочку. Мы удивлялись, что Сенсатор вернулся с нашивками за ранение, а на погонах одна ефрейторская полоска.

Когда б сестра Лельки Наташка не обмолвилась, что в карманах Женькиной гимнастерки имеется много медалей и среди них два

кругляша «За отвагу», мы так бы и не осведомились, за что, дескать, и при каких обстоятельствах.

Евгений сперва отнекивался и рассказывать не хотел.

— А мне он сказал, что за дурость,— лукаво подначила Наташка, и, представьте, Володичев подтвердил:

— Ну, за дурость не за дурость, а за хайль-глупство.

Наших врагов-гитлеровцев Женька именовал разно и в данном случае насчет хайль-глупства был, по-моему, прав.

Он, стало быть, ефрейтор Володичев, получил от начальства задание пробраться с группой разведчиков во вражеский тыл. Действие происходило в холмистой местности. Ночью до невозможности сияла луна: единственный непросматриваемый путь в низинке между крутосклонами методично простреливался противником из минометов. По гористым верхушкам, или по так называемому хребту, передвигаться было, все равно что по краю театральной сцены.

— Зная умную хайль-методику, я и повел наших по этому самому хребту,— сказал Женька.— Скажем прямо, было ясное и хорошо видимое глупство. Идут русские солдаты цепочкой по лунному фону, хочешь — в бинокль рассматривай, хочешь — из пулемета стегай. На такую дурость с нашей стороны никто, конечно, из гитлеровского офицерства не рассчитывал. Мы над ихними окопчиками на виду движемся, а они по ущелью, по затени, жарят, огневых средств не жалеют. До того было интересно, что я даже остановился. «Бей,— говорю,— хайль, старайся: айн, цвай, драй...»

— Ну и надоел ты с этим «айн-драй»,— сказала Наташка.

Евгений ей тогда ничего не ответил, обнял за плечи, и они вдвоем удалились.

К тому дню, когда я вновь повстречался с Володичевым, у него от Натальи родилось трое детей, и Евгений жалел, что все мальчишки и ни одной девчонки.

Впрочем, это к рассказу прямого отношения не имеет.

В кафе «Незабудка» на Разумовском шоссе я сидел, тянул пиво и соображал, ехать ли мне автобусом или идти пешком к озерцу, где я намеревался ловить окуней, когда за моей спиной знакомый голос произнес фразу:

— Так, значит, она в вас влюблена, хочет встречи?..

Я обернулся и увидел: с толстым вислогубым гражданином беседует Женька-Сенсатор, то есть, извините, Евгений Володичев, вполне узнаваемый, хоть чуть полысевший.

— Ну и тип!..— сказал Евгений, здороваясь со мной.

Так сказал и так поздоровался, словно вчера со мной расстался, а сегодня от нечего делать встретился. И это меня немножко обидело. Я обрадовался, что друг жив-здоров, а он, ни о чем меня не расспрашивая, о каком-то типе... Однако и я как ни в чем не бывало поддерживал бесчувственно-деловитый тон старого приятеля.

— Брось типа, пойдем со мной ловить окуней.

— Пойдем,— без всякого удивления и несогласия сказал Женька.— Это в Новоречье, в Пашково, да?

— В Пашково? — неожиданно вмешался в разговор человек, которого мы без его согласия именовали типом.— Там окуней нет, там лежни.

— А ты не знаешь,— сказал Евгений.— Иди к своей, которая ждет, и не ввязывайся в доброе дело.

Пока собутыльники препирались, я собрал рыболовецкие вещички, расплатился с буфетчицей и собрался было тихо дать ходу и от типа и от Женьки, но они, продолжая говорить друг другу разные слова-словечки, пошли рядом со мной по обочине шоссе, а потом тропкой через Аносинскую рощу, Калязинское болотце, ну и так далее, вплоть до Лихой кручи, где дачная местность кончалась и начинался лес.

— Ты соврал, что у тебя есть любимая, признайся, соврал? — приставал к типу Женька.

— Ждет,— упрямо и непоколебимо твердил тип.

Сенсатор и тип, споря и переругиваясь, начали от меня отставать.

Голоса спорщиков смешались с шорохом листьев: тропинка вела меня по знакомым местам. Зимой я наезжал сюда, к волнистым склонам Лихой кручи, кататься на лыжах. Было интересно сравнивать летние, невозможные для пешехода осыпи и овражки с зимними, покрытыми снежком, лыжными, не раз и не два объезженными дорожками и слаломными спусками. Странно было глядеть на солнечные искры ручья в ольшанике, зыбкую тень деревьев в бочажках, где грелись красноперые голавлики и скользкие гольцы. Зимой подо льдом ручей был смирным. О том, что он жив-здоров, напоминали только полыньи, над которыми веял теплый дымок. Чудилось, сюда ходят снегурочки и деды-морозы посмотреться в зеркальце, подрумяниться и навести елочную красу.

На полянке в темно-лиловых лесных колокольцах девочка и мальчик в белых панамках и красных штанишках изображали сцены из жизни взрослых, и когда девочка начинала отмахиваться прутиком, а мальчик бросал в нее шишками, шелестела газета, и из куста бузины появлялся очкастый седобородый дед, и на полянке мгновенно вновь наступала тишь и благодать. Девочка лепила пирожки из песка, мальчик ей помогал вести хозяйство. Седобородый не читал газету: он просто прикрывался ею от солнца. Очередное «Дети, прекратить!» было произнесено, когда на полянке зашевелился ветерок и газета закувыркалась к ручью.

В полуверсте от озерца, где я собирался ловить окуней, мне встретилась невеста Женькиного знакомца — Вика. Ее сопровождал мужчина. Они расспросили меня, куда ведет тропинка, сколько километров до шоссе.

— Не ходи дальше, жди его здесь,— сказал мужчина.

Вика достала из сумки пудреницу, припудрила нос и взглянула на своего провожатого так, что мне подумалось: «Он ей не дядя».

Случается, знаете, этакое: едешь в поезде и думаешь о своем разном, а люди ведут разговор и тоже думают о своем разном. Кое-что запоминается, а кое-что пропускаешь мимо ушей. Мне запомнилось, как Вика сказала совсем даже несообразно для Подмосковья: «Ты будешь наш гондольер»,— а «недядя» засмеялся. Запомнилось — и позабылось.

Место я выбрал тихое, хорошее: глубокий бочажок, переходящий в отмель. С заозерья понизу шел ровный, теплый ветерок. Не сразу, с грузной плавностью поплавок прорезал зеленовато-желтую зыбь и поехал в глубину. С азартом, надеясь, что сейчас в моих руках будет шлепать хвостиком подлещик, я повел удилище, собираясь сделать подсечку, и неожиданно моя сатурновая крепчайшая леска так натянулась, что я сразу сообразил: на крючке сидит не рыба, а здоровенная коряга. С полным равнодушием я продолжал тянуть. Коряга или донная кочка медленно поддавалась моим усилиям. На отмели вдруг произошло нечто странное: удилище само собой распрямилось, леска обвисла, и сквозь раскачиваемую ветром мутную толщу взблеснуло широкое с косыми длинными плавниками и черным серпообразным хвостом. Полуметровый лещ лежал на боку, топорщил жабры, и через него не спеша перекатывались волны.

Я никогда не играл в футбол. Думаю, однако, что если бы опытный болельщик видел, как я бросился с невысокого бережка на отмель и схватил покрытую слизью плоскую рыбину, он бы подумал: «Этот парень — голкипер».

Меланхолия леща, как только он очутился в моих объятиях, сразу прошла. Он затрепыхался, на траву посыпались круглые перламутровые пуговицы-чешуи. Вполне здоровый, нормальный лещ. Почему он не сопротивлялся, когда я его тащил из глубины, непонятно. Упрись он в дно своим хрящеватым, толстолобым рыльцем — и крючок был бы сломан. Ну, кусок губы я бы ему оторвал. Такой был лещище... Я засунул его в сумку с мокрой крапивой и занялся ужением окуней.

Переход от вечера к ночи для рыбаков так называемой средней полосы начинается с того, что клев стихает и на смену разномастным рыбам приходит настырный ерш. Ладно, если он крупный, а то мелочь, колючка. Может так осточертеть, что садись, закуривай и не обращай внимания на прыгающие поплавки. Это я и сделал. Наломал еловых сучьев, развел костер, и плавное шествие звезд вперемежку с листьями ольхи над моей головой повело меня в дрему.

— Ты одрыхся? — сказал Женька, будто он все время сидел со мной рядом, ждал, когда я проснусь.

— Где ты расстался с тем типом? — спросил я.

— Завтра он к нам пожалует после свадьбы: он, Виктория и ее дядя.

— Так,— удивился я,— он, она и еще, значит, ее дядя...

— Он, если хочешь знать, этот тип,— загадка,— сказал Сенсатор.— Ну, что тебе стоит их поздравить! Ну, сваришь уху, а я переспорю типа. Он, понимаешь, полагает, что любовь должна быть обнаженной, и Виктория с этим согласна.

— У меня для ушицы есть окуни,— сказал я.— Можно сделать архиерейскую с ершом. Однако ты объясни, что значит «согласна быть обнаженной».

— А ты сообрази,— сказал Женька.— Вот идем мы с тем типом и спорим об античности, он доказывает, что древние греки не стеснялись наготы вследствие своей беспорочности, а я ему напомнил, что у нас тоже была лига «Долой стыд».

— Ну, когда это было? — сказал я.

— Не перебивай,— рассердился Евгений.— «Когда это было, когда это было»... Тип, понимаешь, придумал усовершенствование этой неумной затеи. Пригласил для консультации дядю Виктории, он юрист.

— Ну, а затея-то в чем? — спросил я, вспоминая, как Вика назвала дядю гондольером.

— Дядя будет руководить их отношениями.

— В холодную воду не лезь, в теплую можно,— догадался я.— Умный, должно быть, дядя.

Ночью теплый ветер с заозерья затих и вновь встрепенулся, когда там, где двигались звезды, зарозовели перышки облаков.

Сенсатор спал, скрючась от холода. Он снял ботинки, деревенские шерстяные носки положил под голову.

Я взял удочки и пошел к дальнему пляжу. Там в утренней пустынности, на самом что ни на есть мелководье, гонялось за мелюзгой нахальное окунье.

Женька явился ко мне, когда взошло солнце и первые купальщики стали расстилать на песке свои полотенца.

— Возвращаться прежним путем не имеет смысла,— сказал Женька.— Если идти берегом вперед, мы доберемся до автобуса к полудню. Наташка меня заждалась.

— Значит, уха и чествование новобрачных отменяются,— сказал я.

1945 Две

1965

Олег ШМЕЛЕВ

Генерал-лейтенант Телегин, ныне пребывающий в запасе, никогда за свою жизнь в запасе не отсиживался — он всегда был на передовой. Коммунист с февраля 1919 года, он участвовал под командой талантливейшего советского полководца Блюхера в сибирских походах и в сражениях против Врангеля. Служил в так называемые мирные времена на границах Дальнего Востока. Был членом Военного совета громадных фронтов Великой Отечественной войны, которыми командовали выдающиеся советские военачальники.

Короткая повесть о двенадцати часах из жизни генерала Телегина представляет собою попытку раскрыть пять строк второго тома «Истории Великой Отечественной войны».

В научных трудах и воспоминаниях, посвященных первому году войны, появившихся вскоре после победы, было немало субъективного, а стало быть, неточного. Что-то забылось, что-то получило не вполне верную оценку, и в общей картине, естественно, было допущено искажение перспективы. Задача более поздних историков состояла в том, чтобы искажение это устранить.

Нечто подобное произошло с историей битвы под Москвой осенью 1941 года, в частности с вопросом о времени возникновения первого острого кризиса, угрожавшего безопасности столицы.

До недавних пор по этому поводу существовал традиционный взгляд, который и собирались увековечить в «Истории Великой Отечественной войны». Но второй том этого труда, еще в виде макета, попал в руки к Константину Федоровичу Телегину, и он выразил редакторам тома свое удивление, что там не сказано об угрозе, на-

надцать часов из жизни генерала Телегина

висшей над Москвой 5 октября 1941 года.

Когда у Телегина спросили, на каком основании он так уверенно опровергает прочно установившуюся концепцию, он сказал: пойдите в Центральный архив Министерства обороны, там хранятся дела Военного совета Московского военного округа, и в том числе моя рабочая книга, в которой по минутам записаны события московской обороны, и тогда все станет ясно. Так и было сделано. И в «Истории Великой Отечественной войны» появились строки, восстанавливающие правду о тех трагических и героических днях. Вот они:

«В результате окружения противником значительных сил Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы и части сил Брянского фронта южнее Брянска на подступах к Москве создалась крайне опасная обстановка. Москва совершенно неожиданно оказалась под непосредственным ударом врага. К моменту прорыва немецких танковых соединений через вяземский рубеж на всем пространстве до Можайской линии обороны не было ни промежуточных оборонительных рубежей, ни войск, способных задержать наступление рвавшихся к Москве танковых групп противника».

Константин Федорович Телегин летом 1941 года был назначен членом Военного совета Московского военного округа. Как члену Военного совета, ему выдали особую тетрадь. Это обычная канцелярская книга большого формата с глянцевитой бумагой, пронумерованная, прошитая толстой суровой ниткой и опечатанная сургучными блинами. Она имеет название: «Записи боевых приказов и распоряжений члена Военного совета МВО — дивизионного комиссара Телегина К. Ф.».

Книга лежит сейчас в Центральном военном архиве в подмосковном городе Подольске. Этот факт способен навести на мысль, что в данном конкретном случае судьба не так уж слепа, ибо город Подольск играл в тот знаменательный день 5 октября, документально запечатленный в книге, очень важную роль.

После увольнения в запас по болезни Телегин поехал в Подольск и в течение двух месяцев аккуратно переписывал из книги в общую тетрадь свои записи. Ему хотелось еще раз пережить однажды пережитое.

А теперь обратимся к пронумерованной, прошитой и осургученной книге. С ее страниц встанут те грозные времена, когда смертельный враг рвался к Москве.

* * *

Штаб Московского военного округа, располагавшийся в трехэтажном здании на улице Осипенко, 5 октября 1941 года с утра жил, как и накануне, как и за много дней до этого, тревожной и напряженной жизнью. Стальные клинья ударных гитлеровских армий, обагренные кровью в сражениях на дальних подступах к Москве, уже нависли над самым сердцем страны. Фронт требовал людей, оружия, патронов, снарядов, и штаб МВО, ни на секунду не смыкая воспаленных бессонницей глаз, работал на пределе человеческих возможностей.

Командующий округом генерал-лейтенант П. А. Артемьев уже трое суток находился в Туле: там надо организовать оборону столицы с юга. Но кабинет командующего на втором этаже не пустует: его занял дивизионный комиссар Телегин, член Военного совета округа.

Буквой Т стоят два стола. Длинный, под зеленым сукном, уставлен массивными пепельницами, которые доверху набиты ночными окурками. Сбоку от рабочего стола на тумбе поблескивают телефонные аппараты. В стене — за рабочим столом — узкая дверь, ведущая в небольшую комнатку, где стоит старый диван. В прошедшую ночь Телегину удалось полтора часа поспать на нем, не раздеваясь.

Едва забрезжил туманный октябрьский рассвет, адъютант Телегина политрук Владимир Алешин, свежий, подтянутый, как будто это не он бодрствовал всю ночь, свернул на окнах плотные шторы светомаскировки, открыл форточку. Сизый воздух безнадежно прокуренного кабинета струями потянулся на улицу, а Телегин, иронически вздохнув в свой собственный адрес, набил трубку и чиркнул спичкой. Когда-то, до войны, ему удавалось не курить до завтрака, но сейчас подобное испытание было просто невозможно, потому что завтрака в довоенном смысле слова давно не существовало, так же как и обеда, и ужина, и сна в постели, и множества других довоенных вещей. Единственное, в чем дивизионный комиссар и его адъютант не могли себе отказать, было бритье.

Итак, день 5 октября начался обычно. И продолжался обычно до 12 часов. И до этого же времени прошитая и опечатанная книга члена Военного совета Телегина К. Ф. лежала спокойно на столе, ибо никаких из ряда вон выходящих событий, которые следовало бы записать, в сфере его деятельности не отмечалось.

Телефоны на тумбе звонили непрерывно, и, когда в 12 часов Телегин в тысячный раз поднял трубку, он никак не предполагал, что этот звонок заставит похолодеть его сердце. На том конце провода находился командующий воздушными силами округа полковник Сбытов. Он сказал слегка охрипшим голосом, в котором отчетливо чувствовалось глубокое волнение:

— Немецкие танки на подходе к Юхнову...

И замолчал, понимая, что тот, кто услышал сейчас это сообщение, не сразу, не вдруг сумеет оценить весь его чудовищный смысл. Затем, переждав несколько секунд, продолжал:

— Никаких наших сил перед ними нет.

— Николай Александрович, откуда у вас эти сведения? — наконец спросил Телегин.

— Два летчика только что вернулись из разведки. Летчики отличные. Они снижались над колонной, ясно видели фашистские знаки. Колонна глубиной до двадцати пяти километров движется от Рославля к Юхнову. Впереди танки, за ними мотопехота.

— Срочно пошлите самолеты для перепроверки. Результаты докладывайте немедленно.

Телегин опустил трубку на рычаг, встал, опершись кулаком о стол. Вначале он поймал себя на том, что ему не хочется верить только что услышанной вести. Это казалось неправдоподобным. В сводках о положении на фронте под Москвой, которые регулярно получал Военный совет округа, 3 и 4 октября ничего тревожного не было. И вдруг — противник у Юхнова. Это всего сто восемьдесят километров. И перед фашистскими танками ни одного нашего солдата. Что предпринять? Знают ли в Генштабе о происшедшем осложнении? А если не знают, уместно ли сообщать подобные сведения, основанные на данных однократной авиаразведки и не перепроверенные? Имеет ли право штаб округа, считающегося тыловым, по первому побуждению без оглядки ударить в колокола столь громкого боя над ухом напряженно, сосредоточенно работающих Ставки и Генштаба, держащих в своих руках все нервы войны? А что, если летчики ошиблись, приняв за противника какую-нибудь нашу передислоцирующуюся часть?

Вывод из всех размышлений единственный: надо подождать результатов перепроверки. Но пас-

---

— А, ты насчет этих?..— равнодушно вспомнил Евгений.— Нужны они мне, как твоему поплавку кошачья шкура.

Сенсатор чересчур строго отнесся к нашим вчерашним знакомцам, но, по сути, был прав. Собрав вещички, мы зашагали прибрежной тропинкой.

Я шел в травяных зарослях и вспоминал детство, а Сенсатор, в этом я не уверен, может быть, думал о чем-то другом.

С нами встретилась стайка мальчишек. Меньшой из них дымил окурком сигары. Евгений, не останавливаясь, отнял у пацана табачное изделие, дал ему щелчок и посоветовал сделать самоделку из сухого ольхового листа. Ее, дескать, курить садче.

Девочка, измазанная до самых бровей черникой, сидела на дощатом помосте для стирки белья, болтала ногами и плакала. Пока она купалась, кто-то унес ее туфлишки.

— Новые? — спросил Володичев.

— Хорошие,— сказала девочка.

И здесь я пожалел, что позволил Сенсатору нести свой рюкзак. Евгений смял и отбросил крапиву, извлек леща и, не обращая внимания на мои «э, ну, знаешь, это чересчур...», положил его на помост рядом с девчуркой.

— Хочешь, снеси домой, чтоб мать не ругалась, а хочешь — на базар,— сказал Евгений.

И я подумал, что он, конечно, псих. Босоножка испуганно глядела на двухкилограммовую рыбину, на чудака-рыбака, и я не забрал у нее обратно леща, потому что на девочке было латаное платьице, а я сентиментален.

Откровенно сказать, этот поступок Евгения Володичева меня рассердил. Дал бы ей рубль, а то — здрасьте, пожалуйста... И вообще все его действия совершаются несообразно и нелогично. Нет сомнения, что у него что-то не ладится в домашней жизни. Наташка Наташкой, а что-то не ладится.

Неподалеку от пристани Евгений поступил совсем неразумно. Мальчишка надул волейбольную камеру и пустил ее плавать. Ветер стал отгонять легкий прозрачный мячик дальше и дальше от берега, мальчишка поплыл вдогонку. Поплыл, а назад не оборачивался. Берег отдалялся, а мяч прыгал с волны на волну и тянул за собой мальчишку.

— Пашка! Стой, Пашка, вернись, Пашка! — кричал его белобрысый приятель.

И неуемный Евгений, вместо того чтобы бежать на пристань за лодкой, разулся, скинул пиджак и, не успев развязать галстук, бултыхнулся в воду. Плавал он, правда, хорошо, и в данном непредвиденном случае ему помогло искусство ныряния. Пашку пришлось доставать с глубинки. Пузырей из носу было пущено много. Сказаны были соответствующие слова. И, представьте, мне опять довелось беседовать с Евгением Володичевым в станционном кафе и, пока его штаны и рубашка сушились на кухне, согреваться коньяком.

Сенсатор, конечно, неисправим. Мне бы не хотелось повстречать его где-нибудь вновь. Не потому, что я боюсь сделаться соучастником разных там штучек и невероятностей. Нет, я не забываю, что был капитаном, а Евгений — только ефрейтором. Но очень уж заразительны, прилипчивы, можно сказать, его неделикатные словечки.

сивное ожидание было невыносимо, и Телегин снял трубку с кремлевского аппарата. Он решил позвонить в Генеральный штаб, позондировать почву,— может быть, там уже тоже известно что-нибудь.

К телефону подошел дежурный. На вопрос Телегина, нет ли каких-нибудь тревожных сообщений с Западного фронта на московском направлении, он спокойно отвечал, что ничего нового нет. Тогда Телегин попросил соединить его с начальником Генштаба маршалом Шапошниковым.

Представившись по форме и услышав в ответ короткое приветствие, Телегин задал маршалу тот же вопрос.

— Нет, голубчик,— вставив свое любимое словечко, добродушно ответил маршал,— никакой тревоги нет, все спокойно, если под спокойствием понимать войну.

И снова неумолчно звонят телефоны, требуют скорых и единственно правильных решений. И вот ровно в 12.40 в кабинет вошел полковник Сбытов.

щить маршалу о дважды полученных разведданных — слишком невероятной казалась сама мысль, что Генштаб, располагая мощными средствами связи, знает о положении на Западном фронте меньше, чем штаб округа с его весьма ограниченными возможностями. Чтобы окончательно развеять собственные сомнения, Телегин приказал Сбытову еще раз выслать самолеты в разведку на Юхнов, а затем позвал адъютанта.

— Садитесь к аппаратам. Будете соединять меня по очереди со всеми военными училищами и академиями, с частями гарнизона, запасными бригадами, с частями ПВО. Первым вызовите Подольское пехотное, затем артиллерийское.

Через минуту в Подольск летел приказ — выслать передовой отряд курсантов к Юхнову, навстречу прорвавшемуся противнику. Комбриг Елисеев, помощник командующего МВО, выехал в Подольск, чтобы обеспечить исполнение этого приказа.

Командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский и член Военного совета фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин. Гомель. 1944 год.

Фото О. Кнорринга.

— Летчики сто двадцатого истребительного авиаполка Серов и Дружков только что приземлились после полета к Юхнову. Сведения подтвердились. Голова фашистской колонны входит в Юхнов. Летчики прошли над колонной на бреющем, были обстреляны, в машинах имеются пробоины.

— Приводите авиацию в полную боевую готовность на случай экстренных мер. Готовьтесь к бомбежке противника в Юхнове.

Телегин во второй раз поднял трубку кремлевки и соединился с маршалом Шапошниковым. Стараясь не выдавать волнения, он как можно бесстрастнее — впрочем, это ему не удавалось — спросил о последних сведениях с Западного фронта. Тон маршала на сей раз был удивленным:

— Но послушайте, голубчик, ведь всего час назад вы уже спрашивали меня об этом. Повторяю: ничего нового нет.

Телегин попросил извинения за беспокойство, и разговор на том закончился. Он не решился сооб-

В разгар работы — третий доклад Сбытова. Летчики, в третий раз летавшие на разведку, доложили: немцы уже в Юхнове. Сомнений больше не оставалось, и теперь Телегин снял трубку кремлевского аппарата с твердым намерением. Но все же, втайне надеясь и желая оказаться перед лицом Генштаба в качестве информируемого, но не информирующего, он и на этот раз не сразу выложил добытую трехкратной разведкой тяжкую весть. Он спросил, как дважды перед этим, каковы новости с Западного фронта.

Маршал Шапошников имел право рассердиться на столь частое повторение одного и того же вопроса, что и сделал незамедлительно:

— Послушайте, Телегин, мне ваши звонки начинают надоедать. Не понимаю, чем они вызваны. В чем дело? Или вы думаете, что у начальника Генштаба нет других занятий, кроме телефонных разговоров? Вы начинаете мне мешать.

И Телегин совсем другим, громким голосом произнес:

— Немецкие танки вошли в Юхнов.

Долгая тишина была ему ответом. Казалось, что телефонный провод вибрирует и звенит, как рывком натянутая струна.

Маршал попросил подробно объяснить, каким образом штаб округа получил это сообщение. Телегин рассказал о трех вылетах летчиков. Едва он произнес последнее слово, Шапошников повесил трубку.

Через три-четыре минуты раздался звонок кремлевки, и Телегин услышал голос Верховного Главнокомандующего.

— Товарищ Телегин? Это вы докладывали Шапошникову о прорыве немцев на Юхнов? Кто доставил такие сведения и насколько им можно верить?

Телегин повторил Сталину то, что уже говорил Шапошникову.

— Какие приняли меры?

Он доложил, что поднял по тревоге академии, училища, запасные части, все войска гарнизона, ПВО, что передовой отряд из курсантов Подольска уже формируется и скоро выступит навстречу танкам врага, чтобы закрыть образовавшуюся брешь.

— Хорошо,— сказал Сталин,— мобилизуйте все, что есть, но противник должен быть во что бы то ни стало задержан на пять—семь дней. За это отвечаете вы, Военный совет округа.

...Здесь надо прервать поминутное изложение событий и сказать о книге.

После звонка Верховного Главнокомандующего Телегин внес в нее содержание разговора и тут же, прикинув ход дальнейших событий, вызвал к себе секретаря партийной комиссии округа полковника Петрова, очистил на рабочем столе один угол для него и положил перед ним книгу. Договорились действовать так: все, что Телегин будет говорить по телефонам, Петров станет заносить в книгу, оставляя пустые строчки для слов собеседников, которые находятся на другом конце провода. Окончив разговор, Телегин должен продиктовать Петрову вторую часть диалога. Иного способа вести точную запись не было. Петров должен был также заносить в книгу приказы Телегина работникам штаба и его управлений.

После разговора с Верховным Главнокомандующим, в короткой паузе между двумя звонками Телегин подумал о собственных действиях: правильно ли было не докладывать Генштабу после первого же сообщения авиаразведки о положении в Юхнове? Имел ли он право тратить на перепроверку два-три часа драгоценнейшего времени?

В тот момент Телегин не мог знать, что Ставка посчитала не лишним и, более того, необходимым послать в район Юхнова представителей Генштаба на самолетах, чтобы еще раз проверить данные авиаразведки округа.

Новый звонок оборвал ход его мыслей. Говорил Берия. В самом этом факте не было ничего чрезвычайного, ибо он тоже числился членом Военного совета МВО, однако, как оказалось, звонил Берия в другом своем качестве.

— Кто доставил сведения о противнике в Юхнове? — был вопрос.

— Это данные авиаразведки. Дважды перепроверенные.

— Это — паникерство тыловиков, а не данные.

— Им можно доверять. Летчики летали надежные.

— Не знаю. Наши люди и наша связь надежнее. Мы таких сведений не имеем, а мы получаем сведения раньше, чем Генштаб.

— Летчики, вылетавшие на разведку, уже обстреляны в боях и даже отмечены правительственными наградами.

— Ну, хорошо...

Телегин не уловил по тону, что разговор окончился не точкой, а многоточием. Он понял это несколько позже, а пока надо было думать о более важных делах. Оборона столицы на направлении Юхнов — Малоярославец — Подольск волею Главнокомандующего на несколько предстоящих суток поручена Военному совету МВО, и отныне у него нет и не может быть иных задач. Штабу округа придется очень трудно, так как с резервами положение совсем неутешительное. Где их взять, чтобы создать мало-мальски боеспособные части, которые сумели бы остановить противника на рубеже реки Угры, под Юхновом, и не только остановить, но и продержаться пять — семь дней? Решение о военных училищах и академиях, о частях гарнизона и ПВО, принятое им час назад, было результатом трезвой оценки положения и единственным выходом. Штаб приступил к его осуществлению.

В сложившейся ситуации необходимо было активизировать действия воздушных сил, с тем чтобы бомбежками и штурмовкой противника в районе Юхнова мешать его продвижению. Телегин позвонил полковнику Сбытову.

— Командующий отсутствует,— ответил дежурный по штабу ВВС.

— Где он?

— Не знаем. Был какой-то звонок. Командующий вызвал машину и уехал. Куда — не сказал.

— Как только прибудет, пусть позвонит мне.

Но Телегин не дождался звонка командующего ВВС. Сбытов явился самолично. Он буквально вбежал, встал во фронт и сказал громко и мрачно:

— Прошу немедленно освободить меня от командования ВВС и отправить на фронт рядовым летчиком. Вот мой рапорт.

И положил на стол бумагу.

Телегин посмотрел на него, пораженный. Он хорошо знал полковника Сбытова, его прямой, открытый характер, его смелость и настойчивость, трудолюбие и преданность делу. Неужели он мог спасовать перед трудностями? Нет, это исключалось. Одной причиной можно было объяснить такое неуместное заявление — горячностью полковника. Но чем он так возбужден в данном случае?

— Что произошло, Николай Александрович? Не верю своим ушам.

— Я сейчас от Абакумова,— едва сдерживая гнев, объяснил Сбытов.— Меня обвиняют в... не знаю, в чем... Так работать не могу!

— Подожди, надо разобраться. Садись, рассказывай.

Полковник Сбытов сидеть был не в состоянии. Махнув рукой на предложенный стул, он начал сдавленным от волнения голосом:

— В четырнадцать часов меня вызвали... По первым вопросам стало ясно, что они там совершенно запутались в хаосе сведений с фронта. Абакумов спрашивает: «Откуда вы взяли, что к Юхнову

идут немцы?» Я отвечаю: «Воздушная разведка не только обнаружила, но и несколько раз подтвердила, что идут фашистские танки и мотопехота». Он говорит: «Предъявите фотоснимки авиаразведки». Отвечаю: «Это были истребители, они без фотоаппаратов. Да этого и не нужно. Они летали на высоте двести—триста метров и все отлично видели. Нашим летчикам нельзя не доверять». Тогда меня попытались сбить с толку, заставить отказаться от того, что сведения воздушной разведки правильные, и вообще, говорят, никаких немцев в Юхнове нет. Что мне делать?.. Потом Абакумов говорит: «Ладно, поезжайте». Я спрашиваю: «Куда?» Отвечает: «Пока в свой штаб». Я не сдержался, говорю: «А я думал, прямо в тюрьму». И знаешь, что он мне сказал? «Тюрьма от вас не уйдет. Это мы еще успеем сделать». Спрашивается, могу я после этого спокойно оставаться на своем месте?!

Не сразу нашелся Телегин, что сказать Сбытову. Все это смахивало на какую-то немыслимую, чудовищно неуместную фантасмагорию.

Оставалось одно — обратиться за помощью к партии. Телегин позвонил в ЦК, коротко изложил происшедшее и попросил о вмешательстве ЦК, чтобы Абакумов понапрасну не дергал людей, которым надо защищать Москву, а не защищаться от нелепых обвинений и подозрений. В ЦК обещали это сделать.

— А теперь иди и забудь о своем заявлении,— тихо и устало сказал Телегин.— Поднимай авиацию в воздух и бей противника в Юхнове.

Сбытов ушел. Оставив на минуту кабинет командующего МВО в доме на улице Осипенко, надо сказать, забегая вперед, о двух деталях. Полковника Сбытова впоследствии больше никто не обвинял в паникерстве, но около 19 часов в тот же день на командный пункт авиагруппы, где находился Сбытов, приехал уполномоченный Абакумова с протоколом допроса и потребовал его подписать. Суть ответов Сбытова в протоколе излагалась таким образом, что вроде немцы к Юхнову не прорывались. Сбытов отказался поставить под протоколом свою подпись. И вторая деталь. Эскадрильи, подготовленные командованием ВВС Московского округа для нанесения удара по прорвавшимся колоннам фашистских войск, чьим-то приказом были задержаны на аэродромах впредь до особого распоряжения. И только на рассвете 6 октября командованию объявили: «Ваша разведка была права. Это фашисты. Делайте, что хотите, но противника восточнее реки Угры быть не должно...»

Так сложились эти двенадцать часов из жизни Телегина.

Наступил вечер. Адъютант давно уже опустил на окнах плотные шторы светомаскировки, но Телегин не заметил этого, потому что осенью 1941 года никто в штабах Красной Армии не замечал, как день переходит в сумерки, сумерки — в ночь, а ночь — в день. Табачный дым начал копиться в кабинете до следующего утра.

* * *

От Подольска в сторону Малоярославца — Юхнова двигалась в холодной октябрьской ночи ударная группа подольских курсантов. Они были плохо вооружены, они не успели доучиться и потому были плохо подготовлены к бою. Большинство из них совсем не походило на закаленных бойцов, пропахших пороховым дымом. Это были юноши, чьи щеки еще не знали прикосновения бритвы. В клеенчатых бумажниках, которые хранились у них в карманах гимнастерок слева, у сердца, вместе с комсомольскими билетами лежали маленькие фотографии отцов, матерей, сестер, но мало у кого имелись карточки любимых девушек, ибо они еще не успели полюбить и узнать, что такое женская любовь. Они многого не успели. Им даже некогда было получить перед выступлением на фронт теплое белье.

Но, несмотря на свою непростительную молодость, они все же были бойцами, хорошо понимавшими свой долг. Они не думали умирать, но были готовы к смерти в бою. И только смерть могла погасить их верность и их ненависть.

Передовой отряд искал соприкосновения с противником. 6 октября он завязал первый бой.

...Константин Федорович Телегин писал впоследствии:

«Первые удары прорвавшегося в районе Юхнова противника принял на себя 6 октября передовой отряд подольских курсантов. С 6 по 11 октября этот отряд совместно с авиадесантным отрядом капитана И. Г. Старчака, артиллеристами 222-го зенитного артполка и батальоном 108-го запасного стрелкового полка, поддержанный авиацией ВВС МВО, трижды отбрасывал противника за реку Угру. Только к исходу 12 октября немцам удалось подойти к переднему краю можайского оборонительного рубежа в районе села Ильинского.

Противник на шесть суток был задержан на подступах к можайской линии обороны. Эти шесть суток позволили подтянуть резервы Ставки, сформировать несколько танковых, минометных и артиллерийских частей, произвести перегруппировку сил фронта».

Спустя много лет после описанных событий некоторые военные высказывали мнение, что прорыв под Юхновом не представлял серьезной угрозы для Москвы. Но вот красноречивая выдержка из дневника гитлеровского генерала Гальдера. «Сражение, развернувшееся на фронте группы армий «Центр», принимает все более классический характер,— отметил Гальдер в записи от 4 октября 1941 года и, имея в виду бросок к Юхнову, добавил:— Перед правым флангом танковой группы Гёпнера, за которым следует подвижный корпус из резерва, до сих пор не участвовавший в боях, противника больше нет». Нетрудно догадаться, какие выводы могло и должно было сделать фашистское командование из последних трех слов этой записи.

Курсанты военных училищ — юноши, оставшиеся лежать недвижно на вспоротых снарядами, простроченных пулями рубежах под городом Юхновом и на других рубежах под Москвой,— не рассуждали на стратегические темы. Там был главный и последний рубеж их жизни.

За красоту в ответе

Вл. ВОРОНОВ

Нынешний сезон в Москве начался на редкость счастливо. Сначала в Третьяковской галерее открылась выставка произведений Валентина Серова — к 100-летию со дня рождения великого художника, затем на Кузнецком мосту — персональная экспозиция старейшего русского скульптора Сергея Коненкова. Наконец, 6 февраля в Центральном выставочном зале раскрылись двери громадной «Советской России» с филиалом на Кропоткинской, в Академии художеств, где расположены предметы декоративного и прикладного искусства. Собственно говоря, выставку работ Коненкова тоже следует считать филиалом «Советской России». Все это вместе взятое довольно полно представляет российское художество с его успехами и трудностями.

ОПЫТ ПЯТИЛЕТИЯ

«Советская Россия» — выставка деловая: она не приурочена к какому-то определенному событию, не ограничена одной заданной темой. Художники многонациональной России отчитываются в своей работе за последние пять лет. Думается, что и разговор о выставке нужен деловой, с учетом как достоинств, так и просчетов сделанного.

В апрельские дни 1960 года открывалась первая выставка художников России, положившая начало доброй традиции. Прошедшие годы наполнены трудом, творческими поисками, жаром дискуссий и споров о путях развития советского искусства. В некоторых дискуссиях, к сожалению, все-таки не обошлось без парадной шумихи и необоснованных эмоционально-импровизационных оценок. Вторая выставка «Советская Россия» с живописной наглядностью несет в себе многосложный опыт художественной жизни минувшего пятилетия.

Если выделять главное в этом опыте, то, наверно, придется говорить об утверждении и здоровом соперничестве различных творческих стилей и направлений. Придется говорить о постепенном отмирании нормативных требований, предъявлявшихся порой к произведениям искусства.

Сейчас уже трудно представить, что найдется критик, который станет отлучать художника от социалистического реализма только на том основании, что его творческая манера не во всех пунктах совпадает с представлениями критика. Благоприятная рабочая атмосфера, возобладавшая в художественных организациях, практически исключает вздорную войну мышей и лягушек в искусстве, о которой в свое время едко

писал Луначарский: «И подчас, иная, очень серая реалистическая «мышь» до такой степени убеждена в единоспасительности своих идей, что не в состоянии расслышать некоторые глубокие соображения и некоторые важные доводы противников. Она, так сказать, глуха на это ухо, на левое. Но так же глухи на правое ухо и левые «лягушки». Прыгают, квакают, полны самодовольства и задора и плохо отдают себе отчет в огромной односторонности своих подходов к искусству, хотя бы даже и социальной, не хотят понять, что явилось бы культурным и моральным безобразием...—искусственно, бюрократически дать гегемонию одной из них». Луначарский верил, что истинно талантливый художник, движимый любовью к народу, преданный партии, сможет создавать немалые ценности, используя лучшие качества именно своего дарования. Уважение к таланту — одна из ленинских норм нашей жизни.

УВАЖЕНИЕ К ТАЛАНТУ

Вторая российская выставка как раз и доказывает, что советская живопись может быть и чрезвычайно условной и создающей полную иллюзию предметного мира, хотя в любом случае она должна быть человечной. Полотна уфимского живописца Б. Домашникова («Стадион», «Цветы») декоративны, плоскостны, они не прорываются воображаемой перспективой, все действие картин разворачивается на поверхности холста. А вот ленинградца В. Петрова-Маслакова в «Тропе вдоль реки» увлекла задача передать свето-воздушную среду, сияние весенней тундры, ослепительный блеск воды. Карельский художник С. Юнтунен пишет пейзажи в сдержанных голубых тонах, созвучных северной природе, и достигает отличных результатов. Ю. Тулин, напротив, любит полнозвучную колористическую гамму, и его живописное панно «Нет!— войне» не менее выразительно, чем холсты Юнтунена. Можно признавать или не признавать метод работы москвича Д. Жилинского, но в его «Гимнастах» и в «Семье» по-своему развиваются традиции древнерусской живописи с ее чистым, красочным тоном, независимым от освещения предмета. В картинах художника нет и намека на свето-воздушную перспективу, он не скрывает, что его персонажи откровенно позируют,— короче говоря, условность преобладает в картинах Д. Жилинского. И это отнюдь не формальный прием, взятый напрокат из арсенала модернистского искусства, а одна из многих традиций русской живописи, позволившая художнику запечатлеть внутренне-значительное мгновение человеческой жизни в ее сгущенных, цветовых контрастах.

А рядом с картинами Д. Жилинского — яркая северная сюита В. Стожарова, выполненная в традициях В. Поленова и К. Коровина. Стожаров (его картина «Каргополь. Склады» печатается в следующем номере журнала) поистине воспел маленький русский городок Каргополь с древними соборами, говорливыми базарами, с причудливым переплетением старины и нашего современья. Художник непринужденно вписывает людей в свои городские пейзажи, прислушиваясь к звенящему весеннему небу, журчанию ручьев и негромкому людскому гомону.

В речах на вернисаже и последующих выступлениях прессы не раз звучали слова о том, что нынешняя выставка в Манеже кладет конец понятию художественной периферии, что по мастерству художники краев, республик и областей не уступают столичным собратьям. Все это верно, однако хочется сделать некоторое уточнение. Во-первых, никто всерьез не делил советскую культуру по географическому принципу. Лучшие мастера нашей страны, где бы они ни жили, никогда не плелись за московскими коллегами: назовем лишь Сарьяна, Гудиашвили, Тансыкбаева, Шовкуненко, Окаса.

Но есть в понятии художественной периферии, а точнее, художественной провинции более точный смысл — он заключается в качественной неполноценности, которая одинаково встречается и в столицах и в самом заштатном райцентре. Поэтому может быть и столичная провинциальность и периферийное мастерство. Поговорим сначала о столичной провинциальности, без нее не обошлась и «Советская Россия». Возьмем три картины — москвичей Тимофеева, Сидорова и ленинградца Песиса.

СТОЛИЧНАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОСТЬ

«Базар в Переславле-Залесском» А. Тимофеева производит удручающее впечатление. На первом плане — ушаты, розвальни, бидоны, лошади, козлята; написано все это разбеленными красками; трудно понять, зачем понадобилось автору разгонять картину на десятки квадратных метров, чем вдохновился художник, разве что натуралистическим принципом «вижу забор — пишу забор». И в самом деле, очевидно, для придания холсту весьма современного звучания автор оклеил забор объявлениями о танцах, кинофильме, хоккее и т. п.

Другой столичный автор, В. Сидоров, выставил свой «Первый венец». Серым летним днем где-то на окраине деревни складывают новый сруб. Людские фигуры удалены от зрителя ровно настолько, чтобы он не испытывал к ним никакого интереса. Живопись сырая, неряшливая, картина явно не прописана. Как всегда в таких случаях, лезут в глаза технические погрешности: охапка хвороста на первом плане не лежит на траве, а повисла над землей. «Первый венец» Сидорова действительно представляет лишь первый венец живописного здания, который почему-то вывешен для всеобщего обозрения. Какой человеческий материал можно извлечь из того же сюжета — закладка нового дома,— доказывает отличная картина братьев Ткачевых «Отец», демонстрируемая на выставке. Значит, дело не в сюжете, а в глубине и своеобразии художнического видения жизни.

В отличие от В. Сидорова художник Г. Песис в своей «Земле» изображает прежде всего людей — сельских механизаторов. Трое парней сидят за столом на полевом стане, обедают. Сначала поражает полное безмыслие изображенной сцены—отсутствует какое-то определенное состояние — задумчивости либо шутливого разговора... Потом замечаешь и профессиональные неполадки: стол удлинен и наваливается на зрителя, тракторист в куртке не сидит, а висит в полуметре от скамьи, огурцы, помидоры вырываются из полотна — и вот вы уже видите не цвет, а краску... Серьезные погрешности рисунка и колорита могли пройти почти незамеченными, если бы художник решил главную задачу — характеры механизаторов.

КОНЕЦ ПЕРИФЕРИИ

Порой многометровые полотна оставляют зрителя равнодушным, а скромная картина волнует, наполняет его светом и радостью. И уже не смотришь фамилию художника, его местожительство. Вот в десяти шагах от «Базара в Переславле-Залесском» висят два небольших пейзажа ивановского живописца В. Федорова — «Осенний мотив» и «Апрель». В этих непритязательных работах поражает необычайная светоносность живописи, достигаемая точно взятым соотношением тонов. Околица среднерусского села, пожелтевшее поле со скирдами сена, кривые, отбрасывающие длинные тени березки — как много здесь притихшей красоты, застенчивого очарования родной земли! Привлекает живописная манера мастера, между прочим, самая традиционная, приятна шероховатая, зернистая поверхность красочного слоя. В «Осеннем мотиве», в «Апреле» чувствуется добрая школа, идущая от молодого Серова и Фешина.

По-настоящему трогают скромный пейзаж Н. Сергеева «Подмосковье», картины хабаровского художника А. Федотова, горьковчанки М. Касьяновой «Хохлома». В последнем произведении оправдан горячий, словно пышущий жаром цветовой строй, любовно изображены три мастерицы, увлеченные росписью хохломских изделий (см. «Огонек» № 13).

Не будем перечислять удачные вещи — их немало, да и не в том наша задача. Бесспорна определенная ценность произведений, повествующих о поэтических сторонах труда и быта наших людей. В этом смысле десятки картин, графических листов действительно отображают жизнь страны. Таковы «Объяснение» воронежца М. Лихачева, «Весна» ленинградки Е. Табаковой или «Прошли тракторы» ростовского художника А. Тимофеева.

ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Поэтизация человека, человеческих отношений занимает и наших скульпторов. Они достойно соперничают с живописцами, используя свои художественные средства. Сама природа ваяния требует от мастера особого внимания к человеческому лицу, к гармоническим формам человеческого тела. Он не озабочен колоритом, перспективой и прочими живописными иллюзиями. В этой, казалось бы, ограниченности скульптуры кроется ее сила: она пластична, обладает убедительностью реально существующего объема, допускающего круговой осмотр. Превосходно использует природу скульптурного образа Е. Белашова, ее работа «Моя дорогая» — о радости материнства: девочка положила на плечо матери головку. Скульптура одинаково выразительна со всех сторон.

Возвышенно-поэтическое «Утро» создал И. Козловский: рубленая в розоватом, мерцающем граните обнаженная девушка светится целомудрием и чистотой. Вот и другое «Утро» — ваятельницы Валентины Рыбалко: молодая женщина перед работой повязывает головной платок. Особое место занимает проникновенная работа И. Тенеты «Возвращение»: встреча солдата с маленьким сыном. Мальчишка обвил ручонками шею отца, и у того захватило дух. Поначалу даже не различишь это детское тельце, распластавшееся на отцовской груди, на грубой солдатской шинели.

Ряд интересных произведений выполнен в жанре мелкой, бытовой скульптуры: здесь авторы подмечают характерные движения, с улыбкой любуются непосредственными, свободными позами своих героев. Много доброго юмора в позе девушки-штукатура, облокотившейся в задумчивости на плиту (автор — Татьяна Вельцен из Тамбова). Вся в стремительном движении легкая фигурка «Монтажницы» ленинградского скульптора Тамары Малушиной. Хороша мечтательная «Невеста» москвича А. Щербакова, сделанная в строгих, очищенных от случайных деталей ритмах.

Поэтичны три полотна москвича В. Цыплакова. В каждом из них этюдная незавершенность возмещается живописным мастерством, ярко выраженным настроением — ликующей радостью наступившего утра и морозного дня, сияющим розовым светом весенней реки. Ярославец А. Мазитов создал лирический портрет своей знаменитой землячки Чайки — Валентины Николаевой-Терешковой. Вы смотрите на картину М. Савченковой «Из родильного дома» и отмечаете добротность художественного решения; тут нет парадных улыбочек, гулявших ранее в изобилии по многим полотнам на эту тему; начинается новая жизнь, никто не обещал, что она будет легкой. Почерневшие рабочие руки отца неловко держат ребенка; эти руки и особенно сосредоточенное лицо матери заставляют задуматься...

Да, выставка отображает жизнь сегодняшней России. Но ведь отображают жизнь и фотография, и ежедневное телевидение, и документальное кино. По степени информации о происходящих событиях живописцам не угнаться за репортерами с фотокамерой и киноаппаратом. Значит, остается для художников **что-то** свое, не доступное ни фотографии, ни кино и телевидению. Это **что-то** — поэтическое осмысление жизни, закрепленное в прекрасной живописной форме или скульптуре. Здесь одинаково важно и **поэтическое** осмысление, о котором мы говорили, и поэтическое **осмысление.**

«Советская Россия» убеждает, что все большее число художников успешно уходит от внешней фиксации событий, простого отражатель-

А. Мазитов (Ярославль). ЧАЙКА.

ВТОРАЯ ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

А. Тимофеев (Ростов-на-Дону). ПРОШЛИ ТРАКТОРЫ.

Ю. Тулин (Ленинград).

НЕТ ВОЙНЕ! Из серии «Япония сегодня».

ства, бездумного копирования увиденного. Мастера живописи не только воспевают красоты гор, лесов, задумчивых рек и степей; художники стараются проникнуть в заботы и думы народные, стремятся передать в своих работах ощущение сложности реальной жизни, дать представление о невыдуманных трудностях исторического пути, пройденного нами почти за пять десятилетий. Были на этом пути крутые повороты, трагические столкновения, были дни изумительных побед и всенародного ликования.

СЕРЬЕЗНАЯ ЖИЗНЬ

XX—XXII партийные съезды определили углубленные творческие поиски художников России. Они хотят рассказать о жизни как можно больше, пытаясь даже преодолеть ограниченность живописного полотна, представить поэтическую мысль в движении. Здесь им приходит на помощь древняя форма триптиха — композиция из трех картин, подчиненных одной художественной идее. Триптих позволяет автору с большей наглядностью раскрыть многогранность образной мысли. Ради этого в свое время кубисты принялись расчленять, разлагать изображение на составные части, но это привело к разрушению живописного образа. Потребность выразить **движение образной мысли** в живописи осталась; наши художники, не нарушая специфики искусства, добиваются этого в триптихе.

Насколько сложна эта форма, доказывают триединые композиции братьев Ткачевых, Л. Кабачека, Г. Коржева; с триптихами выступили Е. Моисеенко, А. Бубнов, Е. Самсонов; две талантливые картины из серии о послевоенной деревне представил ленинградец А. Романычев; центральную часть — «Мать» — из триптиха «За Родину» экспонирует С. Тутунов.

За одним-двумя исключениями каждое из этих произведений несет в себе серьезную поэтическую мысль. Мы остановимся на первых трех перечисленных произведениях.

Братья Ткачевы работают увлеченно и производительно: кроме триптиха «Семья», они выставили еще три картины, объединенные внутренней темой с живописной трилогией. Авторы горячо, непосредственно пишут современную деревню с ее трудами и заботами. Вглядитесь в центральную часть триптиха «Мать-героиня Вера Петровна Пакетова». На скамейке у избы уселись мать и семеро ее детей, один, грудной, на материнских руках. Эти деревенские ребята знают, каким трудом добывается хлеб. Особенно выразительна сидящая девочка-подросток с длинными, тонкими руками. Герои ткачевских картин — сильные, трудолюбивые люди, поднимавшие из пепла войны русские села. Им и сейчас еще нелегко, но они верят в свои силы, в завтрашний день.

Леонид Кабачек тоже пишет о сегодняшней деревне; ему полюбилась Северная Чувашия — песенный край, где до сих пор бережно сохраняются старые народные напевы. Сами названия частей триптиха поэтичны: «Парней увозят поезда», «Былые напевы», «И снова весна». Почти шестиметровая центральная часть картины — проводы парней в армию. Маленькая железнодорожная станция. Здесь, как всегда, надрывается гармошка; какие-то очень важные слова люди так и не успевают сказать. Крупным планом показывает художник своих героев — они полны для него духовной значительности, внутренней красоты. И никакой внешней красивости. В минуты прощания люди думают о жизни, о прошлом и будущем — эту сложную гамму мыслей и переживаний, драматизм сцены сумел передать живописец в обостренных, угловатых ритмах, в стереоскопическом освещении ветреного весеннего дня. Картина очень повествовательна и все-таки лаконична в своей композиции. Иной аккорд триптиха — задушевный, лирический — звучит в «Былых напевах». На поверхности холста в прихотливом ритме изображены женские лица. Их семеро — от юной девчонки до старой женщины, опершейся на ограду. Каждая героиня Кабачека по-своему прекрасна, в каждом лице — своя мелодия. Бесконечные оттенки белого цвета (обе картины написаны темперой) создают изысканный колорит. Можно долго рассказывать о душевной щедрости и нравственной силе каждой героини «Былых напевов». К сожалению, не столь удачна правая часть триптиха: в ней все-таки присутствует неверно взятая, сентиментальная нота.

Много споров вызывает триптих Г. Коржева «Опаленные огнем войны». Максимально упрощенная композиция — три погрудных портрета: солдат с обожженным лицом, аккордеонист в черных очках и в центре склонившаяся в горе мать.

Сначала внимание приковывает к себе солдат, его единственный глаз. Поражает какое-то даже спокойствие, внутренняя уравновешенность этого немигающего взгляда. Потом — играющий аккордеонист. И вдруг мелодия словно обрывается: окаменевшая в тяжком раздумье мать, ее натруженные, в ссадинах руки. Она в неизменной телогрейке военных лет, на плечах большой грубый платок. В глазах ее уже нет слез; проникаясь ее состоянием, неожиданно ощущаешь, как появляется и растет громадное уважение к этой простой женщине, молча, без позы вынесшей удары войны. Около коржевской матери трудно рассуждать — она захватывает целиком: автор неотвратимо доносит свою мысль до зрителя, свой страстный протест против войны, доносит «весомо, грубо, зримо». Мне кажется, крайние части триптиха менее определенны в художнической концепции, чем «Мать», и могут допустить поэтому разноречивые толкования.

◀**Е. Табакова** (Ленинград). ВЕСНА.

ТЕМЫ ГЛАВНЫЕ И «БОКОВЫЕ»

Сегодняшнее искусство не удовлетворяется отвлеченными фантазиями о должном или выспренним восторгом перед сущим: искусство участвует в общенародном процессе осмысления и переделки жизни, оно формирует действенный наш оптимизм, включающий в себя и веру в реальность коммунистической программы и трезвый учет объективных факторов. Наше искусство воспитывает человека в главном — в его активном отношении к миру, помогает человеку осознать его подлинное место в истории.

Это и есть главные темы современного искусства — человек, его возрастающий удельный вес в переустройстве жизни. Личность современника в ее связях с обществом, достоинство и ценность личности — вот что волнует сегодня лучших художников. Посмотрите два великолепных портрета ивановского живописца М. Малютина: на одном — Валя Смирнова — новатор, прядильщица; на другом — дояр Заботин, Герой Социалистического Труда. Это сложные человеческие характеры, истинные герои 60-х годов — люди дерзкого ума, щедрого сердца, повышенных моральных критериев. Вот где раскрывается подлинная история нашей революции—в формировании таких людей, как дояр Заботин.

Подобно живописцам, скульпторы ищут в своих героях углубленные раздумья о времени и человеке. Не случайно портрет стал ведущим скульптурным жанром выставки; в нем выразились наиболее сложные гуманистические искания мастеров резца. Поражает разнообразие характеров и лиц, созданных скульпторами в металле, дереве, камне. Это люди, которых вы ежедневно встречаете у проходной завода и на сельских проселках, в научных лабораториях и за рулем автомашины. А. Файдыш в портрете Юрия Гагарина создал героический характер человека нашего времени. Лукавый дед Сучок вологжанина А. Щепелкина и умудренная жизнью старая домбристка калмыцкого скульптора Н. Санджиева; хлопотливый овцевод Самоследов ростовчанки Евдокии Бражниковой и озабоченный литейщик Волков красноярского ваятеля Ю. Ишханова...— уже в выборе типажей проявляется направление творческой мысли скульпторов. В этих портретах радует богатство индивидуальных черт и одухотворенность, нравственная значительность сегодняшнего человека. Когда вы видите блестящий портрет Д. Кабалевского работы В. Цигаля или портрет академика Иоффе скульптора М. Аникушина, вас не удивляют вдохновенные лица композитора или ученого, ибо все-таки их профессия — творчество. Художники раскрывают ту же силу мысли, творческое озарение в рабочих людях, в образах строителей и хлопкоробов. В смешливом лице старой колхозницы Ядовой волгоградский скульптор М. Павловский увидел громадный духовный опыт, неторопливый ум, цельную личность. Пожалуй, пафос современной скульптуры выражает мужской портрет, вырубленный из черного гранита скульптором А. Шекояном (Нальчик) и названный коротко: «Думы». В орлином профиле, сведенных бровях, в устремленных вдаль глазах зреет трудная человеческая мысль.

Сказанное не означает, что скульпторы вышли на суд зрителя с одними удачами. Встречаются на выставке, к сожалению, и ложномонументальные работы («Сталевары» Р. Будилова и В. Стамова) и просто примитивные, например, «Колхозная молодежь» Н. Никоновой. Здесь нет даже попытки проникнуть за внешнюю оболочку факта. Очевидно, о такого рода авторах Щедрин писал: «За душою у него всего один медный грош, и он даже не старается ввести насчет его в заблуждение. Он прямо и всенародно ставит его ребром, как бы говоря: вот вам грош, и знайте, что другого у меня нет».

До сих пор еще иногда вспыхивают ненужные споры о магистральных и «боковых» темах в искусстве; споры эти чаще всего призваны подкрепить скидки на тему, утвердив неравноправие жанров искусства. Но практика с очевидностью свидетельствует, что, например, в бытовом портрете талантливый художник может сказать о человеке и времени не меньше, чем иной автор в станковой тематической картине; дело, видимо, не в жанре и не в размере полотна. Сравните для примера глубину проникновения в характеры у казанского мастера Х. Якупова (портреты пастухов Шакирова и Зиганшина) с поверхностной фиксацией людей и среды в «Ижорских ударниках» ленинградца И. Пентешина. Поэтичные, хотя и малые по размеру, пейзажи покойного С. Герасимова несут в себе больший эмоциональный заряд и активнее воздействуют на зрителя, нежели полотно В. Мордовина «Сельские коммунисты», в котором художнику, на мой взгляд, не удалось найти выразительных примет современности, определить социальные связи изображенных людей.

ЭКЗАМЕН

Наше искусство достаточно созрело для того, чтобы без скидок на тему решать труднейшие художественные проблемы. Ответственным творческим экзаменом в ближайшие годы станет подготовка к знаменательным историческим датам — 50-летию Советской власти и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Обе даты, конечно, не сводятся к непосредственному отображению в искусстве жизни и деятельности Ленина или событий 1917 года. Речь идет о масштабном осмыслении советской эпохи, о полувековом пути народа. Разумеется, здесь необходимо и прямое обращение к событиям Октябрьской революции, к образу Владимира Ильича Ленина. Из показанных на «Советской России» произведений, посвященных вождю, многие идут в русле сложившихся традиций советской Ленинианы: картины В. Буланкина «Потомкам на память», В. Нечитайло «На Красной площади», В. Серова «Горки. 23 января 1924 года».

Большое полотно горьковчанина В. Холуева «Солдаты революции» (см. «Огонек» № 6) открывает выставку. Композиционное дарование автора бесспорно; правда, в трактовке характеров он двигался в основном уже освоенными в нашем искусстве путями. Кроме того, чисто живописные недостатки — искусственность освещения, недостаточно

умелое изображение воздушной среды (из картины словно выкачан воздух) — также ослабляют впечатление от картины. Думается, что работа над столь ответственной темой явилась хорошей школой для молодого художника.

Нужно отметить серьезную работу В. Иванова в плакатном триптихе «Ленин — вождь. Ленин — мыслитель. Ленин — наше знамя». Много работают над воплощением образа вождя наши скульпторы; здесь особенно интересны произведения Ч. Дзанагова, Л. Кербеля, А. Кибальникова, Н. Томского.

ГРАФИКИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ...

Пожалуй, не меньшее внимание на «Советской России» привлекают графики. Объясняется это, наверно, тем, что профессиональный уровень представленной графики в общем, на мой взгляд, выше, чем живописного раздела.

Но даже в сильной графической экспозиции выделяются произведения двух молодых авторов из Петрозаводска — Тамары Юфы и Мюда Мечева.

Т. Юфу увлек сказочный мир древнего эпоса «Калевала». Мы видели много иллюстраций на темы «Калевалы». Три работы Т. Юфы трудно даже назвать иллюстрациями. Это самостоятельное проникновение в самые тайники поэтического мироощущения народных сказителей. Необычно сочетание гуаши, акварели и карандаша — художница словно не заботилась о том, как выразить переполнявшие ее представления.

Совершенно в иной манере — классически ясной, строгой—работает М. Мечев. Каждый его лист имеет свой цветовой ключ: сиреневый, голубой, черно-белый; художник скуп на краски, главное для него — тональные отношения. На листах Мечева — виды заполярных гаваней, озерного края, Северной Двины. Особенно хорош «Первый снег в Заозерье» — с веткой рябины, схваченной первым морозцем.

Культура нашей графики общепризнана; здесь соревнуются мастера: две изысканные акварели 83-летнего А. Фонвизина («М. Плисецкая в роли Черного лебедя» и «Гладиолусы») соседствуют с артистическими работами Ю. Пименова. Акварельная серия Ю. Коровина «Репетиция в цирке» по-своему столь же виртуозна, как иллюстрации Е. Кибрика к «Борису Годунову» или гравюры на дереве А. Гончарова к «Гамлету». Авторы продумывают композицию книжного листа, связывают гравюру с типом наборной полосы и рисунком шрифта. Так создается графическая структура книги как законченного произведения искусства. В графическом разделе что ни имя, то особый мир красок, линий, ритмов, неповторимый мир мыслей и чувств. Строгие монотипии А. Ермолаева из серии «Пресня. 1905 год» и рядом — многоцветные, блещущие фантазией, юмором акварели Е. Рачева к «Русским народным сказкам» и его же пастельные рисунки к басням С. Михалкова. По-прежнему пленяют зрителей Кукрыниксы — их бытовые и политические карикатуры по отточенности мысли и формы, безусловно, можно признать лучшими. Они выполнены так же вдохновенно, как представленные на соискание Ленинской премии произведения Кукрыниксов.

Трудно пройти мимо талантливых цветных монотипий челябинца М. Ткачева «Будни целинного совхоза». Зорко подмеченные приметы дня, привычки и нравы нынешней молодежи, улыбчивая симпатия автора к своим героям присутствуют в лучших листах М. Ткачева: «С работы», «Не клюет», «Маляры».

Наше обозрение подходит к концу. Оно ни в коей мере не могло, конечно, заменить каталога «Советской России», а ведь читать каталог — занятие увлекательное; оно волнует не меньше, чем изучение железнодорожных расписаний (об этом писал еще Жюль Ренар в дневнике). Например, из каталога можно узнать, что нынешняя «Советская Россия» — результат десяти зональных выставок, которые предшествовали итоговому смотру российского изобразительного искусства, что в экспозиции участвуют 638 художников сорока трех областей, пяти краев и шестнадцати автономных республик России, что в выставочный комитет входили видные художники не только Москвы и Ленинграда, но и всей нашей многонациональной республики.

И, разумеется, наше обозрение ни в коей мере не может заменить непосредственного общения с выставкой.

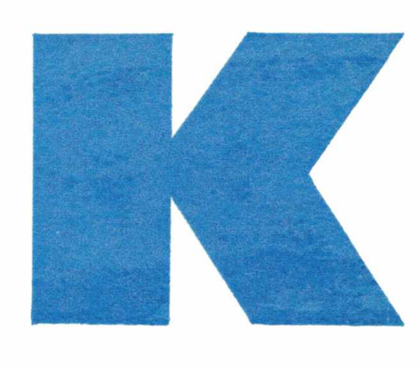
* * *

В газете «Советская культура» 9 февраля опубликовано открытое письмо деятелей искусства «Коммунизм — эра красоты». В письме есть хорошие слова о требованиях, предъявляемых сегодня к мастерам культуры.

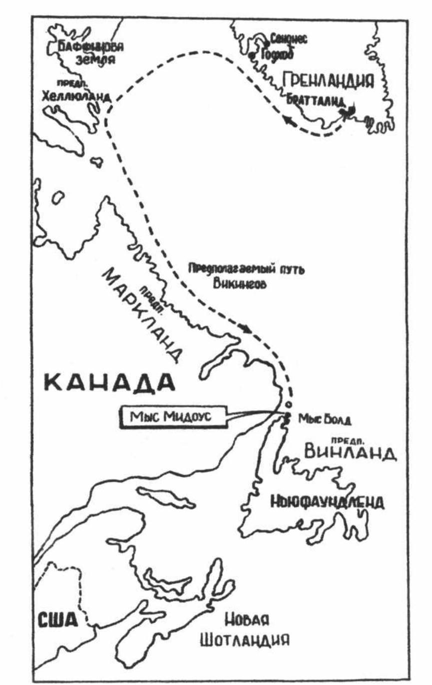
«Все, кто за красоту в ответе,— художник ли, инженер, конструктор, экономист, мастер, рабочий на производстве,— давайте каждый на своем месте, каждый в своем труде будем бескомпромиссно требовательны, взыскательны и неутомимы. Пусть не будет места равнодушию, пусть не будет места скидкам, диктуемым рутиной, неповоротливостью, застарелыми понятиями, халатным отношением к делу. Пусть эстетические богатства создаются нашими соединенными усилиями, на высшем взлете таланта, на высшем качестве труда...»

Пусть не будет места равнодушию... Это слово об ответственности художника, о его совести. Авторы письма предлагают начать широкое движение за красоту советского быта, за эстетическую целесообразность труда.

Но ведь красота не только вокруг человека, но и в самом человеке. Его сердце должно быть открыто всей красоте мира, всем бурям века. Искусство и открывает людские сердца — своими правдивыми, поэтическими творениями. Именно коммунистическое искусство формирует гармонически развитых людей, идейно-убежденных, способных выстоять на шквальных ветрах истории. Наверное, это самое трудное. И когда мы говорим, что коммунизм — эра красоты, мы утверждаем, что коммунизм — эра **человеческой** красоты.

откр

Были ли в Америке европейцы до Колумба? Все говорило о том, что были. Но как доказать это? В Мексике нашли римские монеты и статуэтки II века н. э. Но их могли забросить морские течения вместе с мертвым кораблем. В исландских сагах рассказывается о плаваниях норманнов (в начале XI века) на юго-запад от Гренландии, о чудесных странах — Винланде, Маркланде, Хеллюланде. Но Америка ли это?

В парке города Ньюпорта (штат Род-Айленд) стоит древняя башня, возможно, построенная норманнами-викингами. У индейских племен, которые жили здесь, не осталось никаких преданий о ней, и неизвестно, кем она построена и с какой целью. Так же неизвестно происхождение дыр, высверленных в гранитных скалах, и пирамид камней, обнаруженных на берегах озер в штате Миннесота.

Ошибка в переводе!

О чем же повествуют исландские саги?

«Сага об Эрике Рыжем» рассказывает о плавании Лейва Эрикссона из Норвегии на запад, об открытии новой земли, которую он назвал Винланд, о неудачной попытке брата Лейва—Турстейна попасть туда же и о трехлетней экспедиции в Винланд с целью его колонизации Турфинна Карлсевно на трех кораблях со 160 мужчинами, женщинами и домашним скотом.

«Сага о гренландцах» включает плавание Бьярне Херьулвссона, в котором он после шторма видит берега неизвестных земель, но не высаживается на них, экспедицию Лейва Эрикссона по следам Бьярне, путешествие в Винланд Турвальда; неудачное плавание Турстейна, трехлетнее путешествие в Винланд Турфинна Карлсевно и экспедицию сводной сестры Лейва Эрикссона — Фрейдис. Из саги явствует, что экспедиции Лейва, Турвальда, Турфинна и Фрейдис высаживались и жили в построенных ими домах только в Винланде, а Турфинн, может быть, и еще где-то южнее.

Наименования новых земель объясняются по сагам следующим образом: Хеллюланд — это страна валунов или плоских камней, Маркланд — страна лесов. Больше всего ученых волновал сказочный Винланд, благодатная страна, где норманны-путешественники жили подолгу. Единственное место, где, возможно, сохранились следы их пребывания.

Вот что сказано об этой земле в «Саге о гренландцах»:

Они поплыли под парусами в пролив, который лежал между островами и тем мысом, что тянулся к северу от страны. Они плыли прямо на запад, мимо мыса. Там была очень мелкая вода во время отлива. И тогда корабль сел на мель, и было далеко от корабля до моря. А они были столь нетерпеливыми в желании попасть на землю, что не захотели ждать, пока прилив поднимет их корабль. Они поспешили на землю, где из озера вытекает река.

Но когда море подняло их корабль, они взяли лодку, и поплыли на веслах к кораблю, и ввели его в ту небольшую речку и затем в озеро, и бросили якорь. Они вынесли свои грузы в кожаных бочках и расположились там. Они решили жить здесь зимой и построили здесь две большие дома. Не было недостатка в лососе ни в речке, ни в море, и это была более крупная порода лосося, чем те, какие они видывали прежде. Там были столь хорошие условия жизни, что им казалось, что скот не будет нуждаться зимой в корме. Там не бывало зимой никакого мороза, и трава почти не увядала...

Долгое время название Винланд расшифровывалось как страна винограда. Это заставляло исследователей искать ее в районе Новой Шотландии или еще где-то южнее, например, в штате Род-Айленд (США), и так вплоть до Флориды. Виноград, о котором упоминают саги, вблизи побережья встречается не выше 44° северной широты.

Первое сомнение в правильности перевода слова «Винланд» внес еще в 1888 году шведский языковед Свен Сёдерберг. Он указал в докладе в городе Лунде, что «вин» в древненорвежском языке

Г. АНОХИН,
научный сотрудник Института этнографии АН СССР

то
ыл Америку?

имело значение «пастбище», «луг», «травостой», а следовательно, «Винланд» мог значить «страна пастбищ». В 1950-х годах это толкование подхватил писатель Хельге Ингстад.

Хельге Ингстад понял, что там, где искали Винланд, его никогда не было.

Если поверить сагам...

Саги порой удивительно точно согласуются с данными навигации, астрономии, зоологии, географии и ботаники. Это было известно Хельге Ингстаду. И он решил поверить сагам и как бы повторить путешествие викингов XI века. Попытаться найти на американском континенте места, изображенные в сагах, и там произвести раскопки. Этого еще не делал никто из исследователей проблемы Винланда.

Изучив письменные источники раннего средневековья, Хельге Ингстад в 1958 году на шхуне «Бенедикта» начал обследовать берега Гренландии, обращенные к Америке. Он ознакомился с расположением древненорвежских поселений, с результатами раскопок. На шхуне «Хальтен» и на самолете он осмотрел берега Восточной Канады и США.

Сопоставляя физико-географические условия, ориентиры суши, течения и расстояния в море, которые вряд ли претерпели существенные изменения за прошедшее тысячелетие, Ингстад предложил как наиболее вероятное по всем этим данным отождествлять Хеллюланд с Баффиновой землей (наиболее близкой к Гренландии), Маркланд — с Лабрадором (с лесами и длинной и широкой полосой песчаного берега, упоминаемой в обеих сагах), Винланд — с Ньюфаундлендом, где есть все необходимые по сагам ориентиры: и пастбища на северной оконечности острова и даже сейчас сохранились пеньки от еще недавно существовавших участков леса.

Каков же был путь Лейва Эрикссона?

От района поселка Готхоб в Гренландии (поблизости — древний Санднес) до устья залива Фробишер на Баффиновой земле — около 400 морских миль. Оттуда до мыса Поркюлайн Поинт на Лабрадоре (очевидно, мыс Килевой в Маркланде, описанный в сагах) — 490. А далее, до северной оконечности Ньюфаундленда — еще 200. А всего 1 090 морских миль. При скорости парусного корабля 120 морских миль в сутки норманнам, по расчетам Ингстада, понадобилось бы 9 суток, чтобы достигнуть северной оконечности Ньюфаундленда. А если учесть сильное Лабрадорское течение, то они могли бы пройти быстрее раза в полтора. И в сагах действительно сообщается, что до Маркланда экспедиция Карлсевно по известным им ориентирам добралась за четверо суток, а оттуда в Винланд — еще за двое суток!

Следовательно, следы Винланда, если он действительно существовал, нужно искать где-то на севере Ньюфаундленда.

После длительных поисков и расспросов населения Ингстад и его жена археолог Анне Стине, по рассказам местного рыбака Джорджа Декера, нашли на береговой террасе мыса Мидоус на Ньюфаундленде затянутые толстым слоем дерна руины древнего поселения.

Археологические раскопки по обеим сторонам реки Черной утки обнажили в течение 1961—1964 годов остатки дерновых капитальных стен поселения. Возможно, над ними когда-то стояли бревенчатые срубы. Экспедиция Ингстада, в составе которой были норвежские, исландские, шведские, канадские и американские археологи, раскопала девять построек. Из них, видимо, шесть или семь были жилыми, одна — баня и одна — кузница. На площадках построек найдены вещи, типичные для древних скандинавов. В самом большом жилом доме размером 24,5 на 16,8 метра и в других, меньших жилых постройках, судя по перегородкам, видимо, состоявших из нескольких комнат, обнаружен длинный, вдоль всего пола, очаг открытого типа. Сбоку него помещалось углубление, выложенное сланцевыми плитами и заполненное золой. Такие же камеры с горячими углями (для растопки очага на другой день) повсеместно встречались у норманнов в Гренландии, Исландии и Норвегии, как и лангилл — очаг в центральной части пола жилой комнаты. В кузнице сохранились обломки обработанного железа, куски местной болотной руды (поблизости — место, где она выкопана), ржавые гвозди, оббитая и растрескавшаяся каменная наковальня.

Сотни кусков шлака и толстый слой древесного угля подтверждают, что в поселении плавили железо. Ни эскимосы, ни индейцы не знали ни способа плавки, ни горячей ковки.

При раскопках на мысе Мидоус не было найдено ничего, что могло бы принадлежать индейцам, эскимосам или было бы типично для более поздних европейских переселенцев, появившихся в этой части света после открытия Америки Колумбом, например, стекла.

Сейчас над всеми этими площадками с целью их сохранения от разрушительного действия непогод и ветров правительство канадской провинции Ньюфаундленд выстроило защитные дома-музеи.

Это было в XI веке

Самой последней и, пожалуй, одной из самых важных улик оказалось прясло, найденное 14 августа 1964 года, когда просеивали землю и песок в помещениях и возле стен снаружи. Диаметром 3,5 см, оно было выточено, по-видимому, из обломка горшка. Наличие прясла в этом поселке не удивительно. В экспедициях норманнов, как рассказывают саги, были и женщины, в частности Фрейдис и жена Карлсевно — Гудрид, родившая сына Снорре — первого европейца, получившего жизнь на земле Америки.

Это прясло — маленький грузик для веретена — было изготовлено из клеберстейна, и это обстоятельство, в свою очередь, особо подчеркивало норманское происхождение находки. Ибо клеберстейн — обожженная смесь талька с небольшой примесью каолина и углекислого бария — та смесь, которая еще в бронзовом веке употреблялась в древней Норвегии, отчасти в Дании и впоследствии была широко распространена у норманнов в Исландии и Гренландии.

Анализ пыльцы, взятой на раскопках, еще не опубликован. Он должен дать представление о растительности и климате мыса в те времена. Зато уже готово очень важное свидетельство, которое позволяет установить приблизительно древность построек норманнов. Его дал анализ содержания радиоактивного углерода С-14 в пепле из очагов и ям жилища и в угле из кузницы. Средний возраст дерева, определенный десятью пробами угля, относится к 900-м годам н. э. плюс-минус 80 лет, причем материал из кузницы дал два значения: одно — 860 год плюс-минус 90 лет, другое — 1060 год плюс-минус 70 лет. Учитывая, что анализ показывает не время сожжения древесины, а время смерти самого дерева, можно считать, что анализы подтвердили существование норманского поселения в Америке именно в начале XI века н. э.

Потребность в строительном лесе для постройки лодок и кораблей должна была заставлять гренландских норманнов посещать Винланд и, наверное, Маркланд и в более поздние времена. И хотя свидетельств об этом очень мало и они сбивчивы и лаконичны, все же можно установить, что о Винланде будто бы не забывали.

В Исландских анналах от 1121 года есть сообщение, что епископ Эрик Упси отплыл из Гренландии для того, чтобы навестить Винланд. И больше ничего! Даже не объяснено, где этот Винланд. Кажется, что писавшим ученым монахам это было хорошо известно и не было необходимости в пояснениях. А что делал епископ в Винланде? Было ли там норманское население? Об этом ничего не сказано.

В 1342 году исландский историк Гисле Оддсон в своих записках как бы между прочим сообщает, что жители Гренландии «обращались с просьбой к людям Винланда». Можно предположить, что в Винланде существовала постоянная колония норманнов.

За 1347 год в тех же записках упомянуто, что один корабль пришел в Исландию из Маркланда. И все. Как будто Маркланд — также что-то очень хорошо известное.

Много позже в Исландии Винланд изображали даже на картах. Так, он показан у Стефаунссона (1590 год). Есть он и на карте Резена 1605 года. В обоих случаях надпись «Винланд» венчает острый мыс, вытянувшийся строго на север. Ингстад, изучая эти карты, ассоциировал мыс Винланд с мысом Мидоус на Ньюфаундленде. И оказался прав...

Какова была судьба Винланда в средние века? Мы еще не располагаем фактами, чтобы ответить на этот вопрос. Если еще можно предположить на основании археологических раскопок, что норманны в Гренландии вымерли к XVI веку вследствие физической деградации в условиях изолированности, недоеданий, болезней и тяжелых климатических условий, то Винланд в Америке еще ждет своих кропотливых исследователей...

Осенью 1964 года в Вашингтоне Хельге Ингстад доложил о результатах своих работ ученым, а затем конгрессу США. Признавая убедительность научных доводов Ингстада, конгресс рекомендовал и президент США Джонсон подписал законопроект о праздновании 9 октября — Дня Лейва Эрикссона. Таким образом, США официально признали норманна первооткрывателем Нового Света.

Это не отменило давно существующий День Колумба 12 октября, но теперь эта дата будет отмечаться как День нового открытия Америки и начала освоения ее европейцами.

Хельге Ингстад. Он нашел следы Винланда.

Сергей ГОЛЯКОВ,
Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

12

Рихард закурил трубку и облокотился на прохладный металлический поручень. Отсюда, с крыши-веранды отеля «Тэйкоку», весь город был как на ладони.

Шумная, хлопотливая восточная столица поражала воображение своей необъятностью и несхожестью ни с одним городом мира. Конечно, в ней были и широкие проспекты, и охваченная пламенем неоновых пожарищ прямая, как стрела, магистраль Гиндза, и просторные площади, окруженные массивными многоэтажными зданиями.

Но все это еще не Токио. Сердце Токио билось в хитросплетении множества кривых, узких улочек и переулков, большинство из которых не имело названий. Именно здесь, в уютных домиках с черепичными крышами, собирались у своих очагов миллионы токийцев, чей труд, талант и фантазия заставили ужиться тяжеловесную архитектуру деловых районов с неповторимым изяществом и легкостью древних буддийских храмов.

Трехэтажное здание императорского дворца в глубине парка, отделенное от улиц рвом и высокой оградой, огромное здание городского вокзала, дымные трубы текстильных фабрик, красная кирпичная башня университета Васэда были лишь островками в буром черепичном море, разрезанном в разных направлениях серебристыми лентами каналов и речушек.

Десять лет назад, осенью 1923 года, сильнейшее землетрясение и пожар уничтожили почти половину японской столицы. Но, глядя сейчас на раскинувшуюся перед ним панораму, Рихард почти не находил следов недавней трагедии. В строительных лесах стояло лишь здание парламента — массивный архитектурный ансамбль, увенчанный тяжелой квадратной башней, напоминавшей утюг, поставленный вертикально. Сколько труда и упорства потребовалось токийцам, чтобы всего за несколько лет залечить раны, нанесенные их городу разбушевавшейся стихией! И Рихард вдруг поймал себя на мысли, что чем больше он всматривается в лицо этого города, тем больше растет в нем чувство уважения к его скромным и безответным обитателям. Но эти люди никогда не узнают, что он приехал к ним как искренний друг...

Снова и снова он вглядывался в хитроумную паутину городских перекрестков. Память цепко фиксировала расположение полицейских постов, глухих тупичков, парков и скверов, где впоследствии можно будет легче укрыться от чужих глаз. Он должен прекрасно ориентироваться в этом городе, знать, по каким улицам легче ускользнуть от преследователей...

Рихард почувствовал за своей спиной прерывистое дыхание. Он обернулся и увидел запыхавшегося посыльного — совсем еще мальчика в голубой ливрее и больших белых перчатках.

— Господин Зорге,— проговорил бой, сгибаясь в почтительном поклоне,— вас просят подойти к телефону.

Кланяясь, бой попятился назад, указывая путь к аппарату.

— Говорит секретарь посла,— отозвалось в трубке.— Его превосходительство хочет побеседовать с вами сегодня вечером. Встреча назначена на девятнадцать часов.

— Благодарю вас. Я рад буду встретиться с его превосходительством,— ответил Рихард.

Что мог означать этот неожиданный вызов?

С германским послом в Токио Гербертом Дирксеном Рихард встречался только однажды,— когда представлялся в качестве корреспондента. Это был обычный протокольный визит. Посол уделил ему не более минуты. Он даже не поинтересовался последними берлинскими новостями. Несколько ничего не значащих слов — и все.

Герберт Дирксен был из той породы немецких дипломатов, услугами которых охотно пользовались нацисты. Высокомерный и самоуверенный, он не только располагал крупными связями в Германии, но и владел огромным поместьем. Это был высокий худощавый человек с длинным лицом и тонкими губами. Обычно он ни при каких обстоятельствах не снисходил до личных, доверительных бесед со своими подчиненными или низшими чинами. Что же произошло, если Дирксен вдруг пожелал встретиться с корреспондентом «Франкфуртер цайтунг»? Быть может, посол хочет сделать важное заявление для печати? Но Рихард еще новичок в Японии, и вряд ли Дирксен остановит свой выбор на нем. Тогда что же? Может, в Берлине все же докопались до его прошлого? Или возникли другие подозрения? Не предстоит ли услышать от посла требование немедленно покинуть территорию Японии? Неужели тщательно разработанная операция провалилась, даже не начавшись?

13

С тех пор, как 6 сентября 1933 года Рихард сошел с океанского лайнера на японскую землю, прошло около двух месяцев. Чиновник морской полиции в Йокогаме долго и придирчиво разглядывал паспорт немецкого корреспондента, потом попросил заполнить длинную анкету для иностранцев.

В Токио Рихард поселился в одном из самых шикарных столичных отелей — «Тэйкоку». Здесь было много иностранцев, главным образом американцев и европейцев. Через несколько дней Зорге попросили явиться в полицейское управление. Ему пришлось снова заполнять подробные анкеты, и в заключение, принося тысячи извинений, чиновник положил перед Рихардом специальную карточку из плотной белой бумаги и с заискивающей улыбкой попросил гостя оставить отпечатки своих пальцев. Протестовать было бесполезно. Полицейские брали отпечатки пальцев у всех иностранцев, точно так же, как к каждому из них приставляли своих шпиков.

Рихард почувствовал, что за ним установлена слежка сразу же после приезда в Токио. Первым желанием было отделаться от ищеек. Для этого существовало множество самых различных способов. Но он решил до поры не прибегать к ним. Сейчас в его поведении шпики при всем желании не смогли бы найти ничего подозрительного. Все эти дни Рихард был занят корреспондентской работой: он устанавливал необходимые связи и знакомства с коллегами из других газет и телеграфных агентств, посещал пресс-конференции, дипломатические приемы. Почти каждое утро отправлялся в новое семиэтажное здание агентства Домэй Цусин в квартале Ниси-Гиндза. Там можно было встретить весь журналистский цвет Токио и узнать последние новости.

Именно здесь, в этом шумном пресс-штабе, к Рихарду подошел как-то крепко сложенный, начинающий лысеть человек в больших круглых очках.

— Вы, кажется, недавно прибыли из Берлина? — обратился он и, понизив голос, добавил: — Как там чувствует себя Эльза?

— Эльза Крамер просила передать вам, что ее здоровье пошло на поправку,— ответил Рихард и протянул незнакомцу руку.

Так встретились будущие боевые соратники — Рихард Зорге и Бранко Вукелич, корреспондент белградской газеты «Политика» и французского журнала «Ви». Пароль для встречи был определен еще в Москве.

Через несколько дней Рихард снова встретился с Вукеличем. На этот раз они сидели в небольшом уютном ресторанчике на Гиндзе и с аппетитом закусывали.

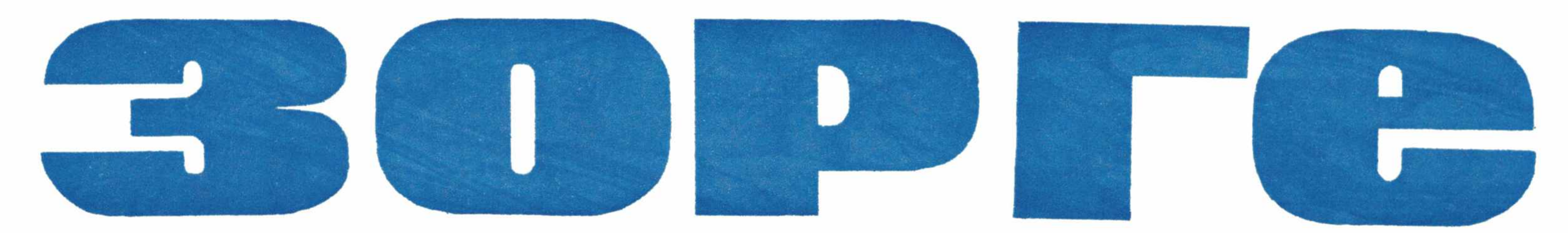
Бранко по заданию Старика приехал в Токио на семь месяцев раньше Рихарда, чтобы заранее подготовить для него места конспиративных встреч, завязать столь нужные в будущем связи среди иностранных дипломатов и журналистов.

Бранко нравился Рихарду. Еще в Москве Зорге слышал о нем много хорошего и был рад, что ему придется работать с этим общительным, умным и наблюдательным человеком. Революционная стойкость Вукелича неоднократно проверена прежней партийной работой. Это испытанный, надежный боец. Сын полковника королевской армии Югославии, он еще в юности избрал путь революционной борьбы.

Семья Вукеличей постоянно разъезжала из одного гарнизонного городка в другой. Конец первой мировой войны застал их в Загребе. Бранко, в то время ученик средней школы, был членом группы, называвшей себя «Клубом прогрессивных дарвинистов». Окончив среднюю школу, он поступил в Академию художеств. Будучи студентом, Бранко стал членом коммунистической секции марксистского студенческого клуба Загребского университета.

Несмотря на то, что Бранко Вукелич был сыном полковника, в полицейском комиссариате Загреба на него была заведена специальная карточка. Однажды он несколько дней провел в тюрьме за участие в студенческих демонстрациях на Петриньской улице. Позднее агенты врывались в дом Вукеличей, подозревая, что там скрываются подпольщики-коммунисты. Жизнь в Загребе становилась невыносимой.

В октябре 1925 года Бранко уехал на

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—11.

Рисунок Г. Калиновского.

учебу в Чехословакию, в Брно. А через год он вместе с матерью уже был в Париже. Здесь он поступил в Сорбонну. Здесь он стал коммунистом, партийным инструктором. Вукелич вел работу среди сотрудников типографии, организовывал забастовки в рабочем предместье Левало-Пере. Однажды его схватили и бросили в тюрьму...

К Бранко часто обращались друзья — югославские коммунисты. От них он узнавал многие подробности событий, происходивших на его родине. В то время в Югославии свирепствовал полицейский террор. Все политические партии были распущены. Коммунистическая партия беспощадно преследовалась. Слушая приехавших товарищей, Бранко все более укреплялся в своем убеждении: революционная борьба потребует еще многих усилий и жертв. Он не хотел оставаться в стороне от этой борьбы.

Как-то летом Бранко вместе с матерью возвращался после просмотра советского фильма «Броненосец «Потемкин».

Держа мать под руку, Бранко внезапно сказал:

— Мама, ты сейчас видела этот замечательно правдивый фильм. Хочешь ли ты, чтобы было сохранено все, что для блага грядущего и человечества создано в Советском Союзе?

— Хочу, сынок, ради тебя хочу. Потому что это твой мир!

— Видишь ли, мама, Советский Союз окружен врагами. Против него вооружается весь капиталистический мир. Защищать сегодня СССР — значит защищать себя и свою родину.

Бранко сказал матери о самом сокровенном. Он избрал очень трудный фронт — разведывательную работу в пользу единственного в мире социалистического государства, потому что эта его работа была в интересах и его родины, его народа, всех миролюбивых народов. Он выбрал этот путь добровольно и шел по нему без колебаний.

В последние два года жизни в Париже Вукелич постепенно перестал открыто участвовать в работе марксистских групп. Некоторые его друзья недоумевали: неужели отступил? Думали: женился, получил хорошее место в электрической компании у графа де ля Рока — и прощай жизнь, полная тревог и опасностей. Но это была лишь маскировка. Она нужна была Бранко для того, чтобы внешне его поведение не вызывало никаких подозрений.

Бранко вдруг приобрел несколько фотоаппаратов и стал заядлым фотолюбителем. В его парижской квартире появилась маленькая лаборатория, в которой он часами просиживал за ванночками с проявителем и фиксажем. Вскоре в парижском иллюстрированном журнале «Ви» появился первый фоторепортаж за подписью Б. Вукелича. Он стал печататься и в других изданиях. И вот Бранко поручили подготовить для специального номера журнала «Ви», посвященного Дальнему Востоку, серию фотографий и статей из Японии. Через своих друзей в Загребе и Белграде он предложил югославской газете «Политика» свои услуги в качестве корреспондента в Токио и быстро получил из редакции утвердительный ответ вместе с солидными рекомендациями. Все было подготовлено безукоризненно и четко.

И вот ранним утром 29 декабря 1932 года Бранко Вукелич на борту итальянского парохода «Квин оф Сиз» отплыл из Марселя к японским берегам. В Токио его ждал пока что только один член группы — радист Бернхард. Бранко знал: шеф должен появиться позднее. Когда? Об этом ему дополнительно сообщат из Центра.

К приезду Рихарда Вукелич уже занял видное положение в Токио, приобрел широкий круг знакомств. Он познакомился с несколькими офицерами японского генерального штаба, был на короткой ноге с английским военным атташе генерал-майором Френсисом Пиготтом, с влиятельным корреспондентом агентства Рейтер Майклом Коксом, с корреспондентом «Нью-Йорк геральд трибюн» Джозефом Ньюменом, не говоря уже о сотрудниках французского посольства. Все эти и многие другие связи Вукелича впоследствии должны были оказаться очень полезными для Зорге.

Но сейчас, в ресторанчике на Гиндзе, они говорили совсем не об этих своих делах. Бранко по праву старожила с увлечением рассказывал о токийских достопримечательностях, о японском гостеприимстве, об «икэбана» — классическом искусстве составлять букеты.

— Нельзя ставить много цветов в одну вазу,— объяснял Бранко.— Это по местным обычаям считается дурным вкусом — все равно что надевать кольца на все пальцы. Здешние девушки учатся в специальных школах, как составлять самые разнообразные букеты, искусно подбирая три цветка и две веточки или два цветка и одну веточку.

Бранко взял со стола несколько ножей и вилок и стал наглядно показывать, как это делается.

В какой-то момент Рихард, внимательно следивший за манипуляциями Вукелича, скосил глаза в сторону. За соседним столом сидел уже примелькавшийся ему шпик. Видимо, Вукелич был не слишком точен в своих объяснениях «икэбана», и японец, забыв о своей миссии, сгорал от желания вступить в разговор. Вид шпика развеселил Зорге: «Да, нелегкий твой хлеб! О чем же ты напишешь сегодня в отчете своему шефу? Два подозрительных европейца битый час говорили о цветочках...»

Рихард подозвал официанта и попросил счет.

Автомобиль Бранко стоял за углом. Рихард сел на переднее сиденье. Вукелич за-

вел мотор. Машина тронулась. И лишь после этого Рихард достал из кармана небольшой конверт.

— Это для Бернхарда. Здесь несколько коротких шифровок. Их нужно немедленно передать в Центр.

Вукелич кивнул. Бернхард и был тем самым таинственным радистом, который уже успел доставить столько неприятностей полковнику Номуре.

14

В приемную посла Зорге вошел за несколько минут до назначенного времени. Он ничем не выдавал своего волнения. Хильда, секретарь Дирксена, пышная голубоглазая блондинка, приветливо улыбнулась.

— Его превосходительство уже спрашивал о вас, доктор Зорге.

Рихард вошел в кабинет. Широкие окна были задернуты шторами. Комната тонула в полумраке. На письменном столе горела небольшая лампа. Хозяин кабинета сидел в глубоком кожаном кресле и просматривал газеты. Увидев Рихарда, он поднялся и вытянул холеную белую руку в нацистском приветствии.

Потом спросил:

— Как вы себя чувствуете в Токио, доктор Зорге?

— Благодарю вас, господин посол. Конечно, Токио — это не Берлин. Но все же я надеюсь привыкнуть.

— Полагаю, я не очень затрудню вас этой встречей,— проговорил посол, снова опускаясь в кресло. — Не в моих правилах вести с корреспондентами подобного рода беседы. Но на сей раз изменю себе. Я прочитал ваши первые японские корреспонденции во «Франкфуртер цайтунг», и они мне понравились.

Рихард скрыл вздох облегчения.

— Вы первый человек, который за такой короткий срок успел разглядеть в этой стране то, что другие не могут увидеть за целые годы. Обычно ваши коллеги стараются превзойти друг друга в описании гейш, чайных домиков и хризантем. Для них Япония — лишь родина мадам Баттерфляй, гора Фудзияма, кимоно и разноцветные зонтики. В лучшем случае они пишут, что японцы предпочитают есть рис тонкими деревянными палочками.

Рихард сделал протестующий жест, что должно было означать: «Зачем так сурово судить моих коллег? Хотя, впрочем...»

— Да, да! — продолжал посол.— В Берлине, на Унтер-ден-Линден, любой немец может купить маленькую японскую куколку. И наш соотечественник совершенно искренне считает, что за пять марок он получил полное представление о стране Восходящего Солнца.

Зорге улыбнулся.

— Поверьте, ваше превосходительство, я начинал с того же.

— Но, к счастью, вы на этом не остановились,— проговорил Дирксен.— Я увидел в ваших корреспонденциях глубокий анализ серьезных политических явлений. Скажу откровенно: для меня это было открытие столь же неожиданное, сколь и приятное. Нам важно, чтобы в Германии знали: японцы строят не только бумажные домики, но и современные заводы. Что здесь есть не только гейши, но и мощная армия, вооруженная по последнему слову военной техники. Япония превратилась в самую динамичную силу в Азии. Она утверждает себя на материке и уже подошла к границам России. Нам бы очень хотелось, чтобы она не остановилась на этом и продолжала двигаться дальше. Но,— посол сделал небольшую паузу,— нельзя слишком ускорять события.

Дирксен умолк. Потом продолжал:

— Япония и Германия расположены далеко друг от друга. Однако у наших стран много общих интересов. А главное, у нас общий враг — большевизм. Наступит время, когда Германия, выполняя великую волю фюрера, выступит против большевизма, против России. Как вам известно, я три года провел в Москве. И я реально представляю: Советская Россия — слишком большой кусок, чтобы Германия могла проглотить его в одиночку. Поэтому мы проявляем особую заинтересованность в союзе с Японией и хотим, чтобы в будущем наши планы в отношении России и установления нового мирового правопорядка сошлись. Фюрер учит, что основная задача внешней политики — это подыскать товарищей по оружию. Вы меня понимаете? Именно поэтому немецкая нация должна знать, кого именно она выбирает себе в союзники. Вот ваша задача.

— Постараюсь выполнить ее в меру своих сил,— сказал Рихард.— Для меня нет задачи выше, чем служить своей родине и объективно сообщать ей все, что я знаю о ее потенциальных друзьях — и врагах.

— Вы совершенно правильно поняли мою мысль,— улыбнулся посол.— Я рад, что нашел в вашем лице именно такого человека, какого хотел найти. Желаю вам удачи!

С этими словами Дирксен снова придвинул к себе стопку газет. Аудиенция была окончена.

Рихард покинул кабинет посла со смешанным чувством радости и тревоги. Итак, теперь ясно, что сам он вне подозрений. Это важная победа. Но устами посла подтверждены самые худшие опасения Москвы: Германия стремится к союзу с Японией против СССР. Что ж, значит, в Москве не ошиблись, послав его сюда. А он обязан сделать все возможное, чтобы держать Центр в курсе всех событий: «сообщать все о друзьях — и врагах».

15

Рихард спустился с крыльца и медленно зашагал по ярко освещенной, усыпанной мелким гравием дорожке. Вечер был тихий. С залива тянуло прохладой. Рихард решил пройтись до гостиницы пешком. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как на его пути возникла женская фигура.

— Я не ошиблась, вы Рихард Зорге?

Он остановился и пристально посмотрел на незнакомку. Женщина лет тридцати, полная, в белом платье и большой белой шляпе. Где же он видел ее?

— Вы меня не узнаете, дорогой Рихард? Неужели?

Но он уже вспомнил: Мюнхен! Перед ним была жена молодого архитектора, с которой он познакомился на вечеринке в Мюнхене лет десять назад. Эта молодая особа, помнится, весь тот вечер болтала о политике.

— Очаровательная Тереза,— улыбнулся Рихард, наклоняясь к ее руке.— На свете вряд ли найдется хотя бы один мужчина, который сможет забыть ваши прелестные глаза. Какими судьбами в эти края?

— Я приехала сюда с мужем.

— Насколько я помню, ваш муж — архитектор. Что ж, такая поездка не пройдет для него бесследно. Лично я преклоняюсь перед гением японских зодчих: попробуйте найти в Европе здание, которое, простояв тысячу лет, сохранилось бы таким, каким оно было построено.

— Вы абсолютно правы, дорогой мой! — рассмеялась Тереза.— Но архитектор —это мой первый муж. Увы, он был совсем еще мальчик, когда мы поженились. К тому же несносный. Постоянно бредил социализмом. Одним словом, красный. Я быстро устала от его постоянных причуд, и мы разошлись.

— Ого, да вы, я гляжу, решительная женщина! — сказал Рихард, обдумывая, как вести себя дальше.

Тогда, в Мюнхене, он был на партийной работе. Местные товарищи пригласили его на чей-то семейный праздник, и среди друзей дома оказался муж Терезы. Молодой архитектор руководил партийной ячейкой на пивоваренном заводе. Правда, в тот вечер о делах никто не говорил. Все пили вино и веселились. Но, может быть, Тереза потом что-то узнала от мужа?

— Но кто же счастливец, кого вы удостоили своим вниманием теперь?

— Подполковник Отт,— небрежно сказала Тереза.

— Надеюсь, он не увлекается социалистическими утопиями? — как можно непринужденнее спросил Рихард.

— О, что вы! В германской армии служат хорошие солдаты. Он приехал сюда как военный стажер. Но сейчас он не в Токио: японцы пригласили его на какие-то артиллерийские маневры. Он скоро вернется, и я вас обязательно познакомлю. Надеюсь, вы понравитесь друг другу.

— Я буду рад познакомиться с господином подполковником,— сказал Рихард.— Только боюсь, что вряд ли понравлюсь ему: военные по уши начинены всякими секретами и не очень-то любят болтливых журналистов...

«Не слишком ли много сюрпризов за один вечер?» — подумал Рихард, расставшись с Терезой. Конечно, будет совсем не лишним познакомиться с подполковником, которого японцы приглашают на свои маневры. Но лучше, если это произойдет без помощи Терезы. Правда, за время их беседы Рихард успел убедиться, что немка не имела ни малейшего представления о причинах его поездки в Мюнхен. И все же он предпочитал вступать в контакты без таких посредников.

«Эйген Отт. Отт...» — повторил он про себя, запоминая. Он еще не знал, какую неоценимую роль сыграет в его судьбе муж мюнхенской знакомой.

16

Машина уже ждала их у подъезда. Аритоми Мацукава первым подбежал к ней, взялся за ручку дверцы:

— Прошу вас, коллега!

«Любопытно, как все это кончится?» — подумал Рихард, опускаясь на потрескавшееся кожаное сиденье.

Мацукава назвал шоферу адрес. Потом, повернувшись к Рихарду, пояснил:

— Ехать всего минут пятнадцать. Но за это время вы успеете перенестись в совершенно новый мир.

— Уж не хотите ли вы сказать, что через пятнадцать минут мы окажемся в Советской России? — пошутил Рихард.

— О, нет! Смею вас заверить, дорогой коллега, мой дом меньше всего напоминает знаменитый Кремль,— стараясь попасть ему в тон, ответил Мацукава.

Аритоми Мацукава, моложавый, энергичный японец с круглым скуластым лицом и короткой прической, был одним из местных журналистов, с которыми Рихард уже успел завести знакомство. Мацукава сотрудничал в «Дзи-дзи» — довольно влиятельной консервативной газете, весьма близко связанной с «Сэйюкай» — старейшей политической партией Японии.

У него был веселый нрав. Он был неглуп и крайне предусмотрителен, он сам предложил взять на себя роль гида, и, хотя Рихард из вежливости отказывался, несколько раз сопровождал его во время вечерних прогулок. Коренной токиец, он знал город как свои пять пальцев. Правда, он не был силен в архитектуре, но зато мог безошибочно сказать, в каком районе Токио располагалось то или иное учреждение, где помещались редакции газет, банки, конторы, посольства. На первых порах Рихард очень нуждался в таком сведущем человеке. Несколько дней назад Мацукава предложил Рихарду пообедать в ближайшее воскресенье в кругу его семьи. «Вам будет полезно увидеть, как живут настоящие японцы»,— уговаривал он Зорге.

«В самом деле, почему бы не побывать в типичном японском доме?» — подумал Рихард и согласился. Тем более, что ему уже давно хотелось проверить некоторые свои наблюдения. Где-то в глубине души Рихарда начинало раздражать уж слишком подчеркнутое желание Мацукавы завоевать его расположение. Временами он казался ему просто навязчивым. Однажды, придя в гостиницу, Рихард увидел его у стойки портье. Между Мацукавой и портье происходил явно конфиденциальный разговор.

Конечно, все это еще ничего не значило. Доверительная беседа с портье? Вполне воз-

можно, что Аритоми хотел лишний раз обратить внимание прислуги на своего друга, чтобы Рихард не испытывал никаких неудобств.

Так или иначе, Зорге хотел поближе узнать этого человека: газета «Дзи-дзи» была тесно связана с крупнейшими японскими монополиями, и Мацукава мог бы впоследствии стать одним из источников информации о готовности японской промышленности к войне.

Пробравшись через лабиринт узких улочек, машина остановилась возле невысокого каменного забора.

— Кажется, я даже здесь чувствую благоухание черепашьего супа,— весело подмигнул Мацукава, помогая Рихарду выбраться из кабины.— Ставлю десять против одного, что вы не пробовали ничего подобного. Суп из молодой черепахи — коронное блюдо моей жены.

Рихард шагнул за калитку и огляделся. После шума и духоты токийского центра этот крошечный садик перед легким опрятным домом действительно показался ему райским уголком. Два дерева отбрасывали прохладную тень. Кустики карликовой японской сосны распростерли свои пушистые лапы над самой землей, усыпанной мраморной крошкой. Живописное нагромождение серых пористых камней, образующих небольшой грот. Из темной игрушечной пещеры бежала тонкая струйка воды. Ручеек впадал в прозрачное озеро величиной с таз.

Мацукава запер калитку и медленно повел Рихарда по тропинке, выложенной плоскими зелеными камнями.

— Говорят, дом англичанина — его крепость, — разъяснял он на ходу. — Но жилище японцев не имеет такого воинственного значения. Оно стоит открытым на все четыре стороны, и солнце проникает в самые отдаленные его уголки. Стоит только убрать легкие раздвижные стены, и все комнаты легко соединятся в одну. Правда, в таком доме почти невозможно найти уединение. Но в дружной семье это и не очень нужно. У вас, должно быть, тоже есть семья, господин Зорге?

На какую-то долю секунды Рихард помедлил с ответом. Перед глазами неожиданно четко возникло лицо Кати. «Как она там?..»

— К сожалению, нет. Боюсь, что я не создан для семейной жизни. Друзья считают, что по натуре я закоренелый холостяк.

— Понимаю! Стоит ли с головой бросаться в реку, когда хочешь только напиться? — ухмыльнулся Мацукава.

Рихард поморщился: плоская шутка.

— Я не сторонник подобной философии, господин Мацукава. Просто жены таких бродяг, как я, бывают не очень-то счастливы.

В голосе Рихарда прозвучало столько искреннего сожаления, что его собеседник поспешил принести извинения за свою бестактность и, пытаясь исправить положение, вернулся к начальной теме разговора:

— Японцы считают, что их дом ведет свое начало от туземной хижины. Скорее всего это так и есть. Мы живем по законам теплых стран, в которых принято отдохнуть на широкой веранде, погреться на солнце, перекинуться несколькими словами с соседом, от которого тебя отделяет садик с цветами и птичками. Дом японца — это тихая пристань, в которой легко обрести покой. Сейчас вы, дорогой коллега, сможете убедиться в этом сами.

С этими словами Мацукава толкнул легкую дверь, и они вошли в большую, светлую прихожую. Она была совершенно пуста. Лишь у самого порога стояли две пары мягких бархатных туфель. Рихард снял ботинки. Входить в дом в уличной обуви не полагалось.

Обед был восхитителен. Рихард не успевал расхваливать кулинарное искусство изящной госпожи Мацукава. Хозяйка была рада угодить гостю. Блюда сменяли одно другое. Тут была рыба, креветки, курица, морская капуста, редька, грибы, побеги молодого бамбука и еще многое такое, что выглядело аппетитно и загадочно. Хозяин дома то и дело подливал в маленькую фарфоровую чашечку гостя подогретое сакэ. В конце десерта госпожа Мацукава принесла мокрые, крепко отжатые салфетки, которыми полагалось обтереть лицо и руки.

Рихард поблагодарил хозяев: отныне его знания японской кухни ни у кого не вызовут сомнений.

— Не угодно ли отдохнуть на нашей набережной природы? — предложил Мацукава. Они вышли на широкую веранду и опустились в шезлонги. Воздух был пропитан ароматом ночных цветов. Сияла луна.

Несколько минут оба молчали. Мацукава откупорил бутылку, плеснул в стаканы желтоватую влагу. Тихо звякнули о стекло кусочки льда.

— Сознайтесь, дорогой коллега,— нарушил молчание Мацукава, протягивая Рихарду стакан,— не очень-то хочется уединяться в четырех стенах после вот такого свидания с ее величеством природой?

— Да, вы правы,— отозвался Рихард.— Мне уже порядочно надоело таскаться по космополитическим приютам вроде отеля «Тэйкоку». При всем своем великолепии они не более чем бетонные клетки, в которых никогда не чувствуешь себя, как дома.

— Да, да, вы совершенно правы! — согласился Мацукава.— Я бы, вероятно, не перенес и недели такой жизни.

— Ну, вам, видимо, это и не грозит,— сказал Рихард.— А если и довелось когда-нибудь стать гостем отеля, то вы вряд ли испытывали те неудобства, с которыми мне приходится сталкиваться чуть ли не каждый день.

— Разве вас плохо обслуживают?

— О нет, прислуга безупречна. Но что бы вы сказали, если бы во время вашего отсутствия кто-то постоянно копался в ваших личных вещах и даже не пытался скрыть своих следов?

— Это возмутительно! — воскликнул Мацукава.— Наши полицейские власти полагают, что мир сплошь состоит из шпионов. Конечно, у нас немало врагов, но нельзя же видеть их в каждом иностранце. Я завтра же позвоню в отель от имени редакции и потребую, чтобы эти безобразия не повторялись. Подозревать нашего уважаемого коллегу, немецкого национал-социалиста! Какая глупость!

— Вы меня очень обяжете,— сказал Рихард.— Надеюсь, что это вас не очень затруднит. Ведь вы знакомы с нашим портье? Если он сам не сможет ничем помочь, то пусть хотя бы скажет, куда я должен обратиться.

Мацукава спросил:

— Почему вы думаете, что я знаком с портье?

— Однажды я видел, как вы оживленно беседовали с ним, и подумал, что вы старые приятели.

Мацукава поднес к губам стакан, но поперхнулся.

— Должно быть, вы ошиблись, дорогой Рихард,— сказал он, пытаясь скрыть смущение.— Впрочем, нет, я, кажется, действительно заходил к вам в отель, чтобы купить несколько поздравительных карточек,— торопливо поправился он.— Это было две недели назад. Как раз накануне дня рождения тещи.

«Неплохой экспромт»,— подумал Рихард. Теперь он уже не сомневался, что за встречей Мацукавы с портье скрывалась какая-то тайна.

Продолжение следует.

СТИХИ ИЗ ФРОНТОВОЙ ГАЗЕТЫ

И ПОДЪЕХАЛ К КОЛОДЦУ КАЗАК МОЛОДОЙ...
Фотоэтюд Ольги Ландер.

В газете 3-го Украинского фронта «Советский воин» вел боевой поэтический репортаж Алексей Недогонов. После войны А. Недогонову принесла известность поэма «Флаг над сельсоветом», за которую ему была присуждена Государственная премия.

Стихи безвременно умершего поэта-фронтовика издавались неоднократно, но до сих пор еще не включены в такие издания некоторые произведения, оставшиеся в подшивках военных газет. Вот одно из «найденных» стихотворений вместе с фотографией военной поры.

От копыт ветерок обдувал краснотал;
По дороге лихой эскадрон пролетал.
И свернули к селу, что правей от реки,
Молодые кубанцы, орлы-казаки.
У колодца ведерко плескало водой,
И подъехал к колодцу казак молодой.
— Я не зря, молодайка, к тебе прискакал,—
Улыбаясь, ефрейтор Боярский сказал.—
Мы тебе, молодайка, поклон привезли
От далекой привольной кубанской земли.
Не жалей ты, голуба, студеной струи —
Из ведерка кубанских коней напои...
Улыбнулась дивчина в ответ казаку
И ведерко с водой поднесла дончаку...

Отдыхающий полдень вставал над плечом,
И весеннее солнце играло лучом.
И казалось дивчине, что с дальней земли
Это солнце с собой казаки привезли.

Алексей Недогонов

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

АРХИТЕКТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Г. ВАГНЕР,
научный сотрудник Института археологии АН СССР

Двухтомная работа профессора Н. Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков» посвящена на первый взгляд уже известным памятникам. В самом деле, кто не знает церкви Покрова на Нерли, или единственной на весь мир по своей фантастической скульптуре Дмитриевского собора во Владимире, или белокаменных соборов Звенигорода, Загорска, Москвы?.. Но, во-первых, это только малая доля того, о чем говорится в книге. Во-вторых, до Н. Н. Воронина все эти памятники никогда не рассматривались вместе, как звенья единой великой цепи, связывающей эпоху Киевской Руси с Русью Московской. Эта мысль и проходит через всю работу Н. Н. Воронина.

За время своих более чем 30-летних археологических исследований Северо-Восточной Руси Н. Н. Воронин ввел в науку много новых памятников архитектуры, не замечавшихся прежними исследователями либо исчезнувших с лица земли.

Под пером Н. Н. Воронина воскресли погибшие архитектурные памятники XII—XV веков Ростова Великого, Ярославля, Твери, Старицы, Можайска, Коломны, то есть все те ступеньки, которые вели к архитектуре Москвы. Предложены неожиданные оригинальные реконструкции, расширившие наши представления о творческой фантазии древнерусских зодчих. Таким образом, положен конец вековому спору о том, кому обязана культура Северо-Восточной (то есть Владимиро-Суздальской, а позднее Московской) Руси своим возвышением: Византии, Западной Европе, Кавказу, Азии? Никому! Она явилась результатом самостоятельного развития.

Архитектура в то время была центром грандиозного синтеза всех видов творчества: живописи, скульптуры, прикладного искусства, даже литературы, поскольку при главных городских соборах велось летописание, работали переводчики, миниатюристы. Здесь же, в этой творческой лаборатории, формировались кадры местных мастеров, о происхождении которых многие русские ученые столь безуспешно гадали. Труд Н. Н. Воронина — это поэма о безымянных, но изумительных русских мастерах.

Автор через образы архитектуры показал живую жизнь Руси XII—XV веков, сложную борьбу ее прогрессивных сил за национальные идеалы, борьбу, в которой формировался замечательный эстетический и нравственный кодекс русского народа. При этом культовые формы архитектуры, неизбежные для того времени, оказываются насквозь пронизанными земным общественным содержанием. Знакомясь по книге Н. Н. Воронина с сооружениями Владимиро-Суздальской, а затем Московской Руси, читатель воспринимает через их сильные, почти классические образы все животрепещущие жизненные побуждения, руководившие их создателями.

В образе храма Покрова на Нерли читатель познает намерения Андрея Боголюбского и его сподвижников сделать Владимирскую Русь ведущей силой всей русской земли, слабеющей от усобиц. Его смысл — высшее покровительство Владимиро-Суздальской земле. Может быть, поэтому храм и выстроен на совершенно необычном месте, не в городе, а среди клязьминских лугов, на специально насыпанном холме, там, где в Клязьму впадает речка Нерль. По Нерли шел путь в глубь Владимиро-Суздальского княжества. Храм Покрова был как бы триумфальными воротами Владимиро-Суздальской земли, политической программой князя Андрея. Отсюда особая эмоциональная приподнятость архитектурного образа.

В Дмитриевском соборе — дворцовом храме Всеволода III — воплощена в камне фраза из «Слова о полку Игореве»: «Князь великий Всеволод!.. Можешь ты разбрызгать Волгу веслами, можешь вылить Дон шеломами...» Пропорции храма спокойны и могучи. Покрывающая все верхние части стен скульптура очень образно сравнена Н. Н. Ворониным с богатым княжеским плащом, украшенным княжескими эмблемами — фантастическими грифонами и прочими могучими зверями. Вверху, во главе всего этого мира, восседает царь Давид, олицетворяющий мудрость мироустройства. Н. Н. Воронин установил, что на северном фасаде здания рядом с Давидом изображен сам князь Всеволод с сыновьями. Очевидно, он сравнивал себя с Давидом. В условиях феодального дробления Руси, когда так необходимо было сплочение всех национальных сил, архитектура и скульптура Дмитриевского собора представляли такой же призыв к единению, как и «Слово о полку Игореве». Таким образом, культовое по форме здание показано исследователем во всем богатстве своего общественного гражданского содержания.

Архитектура Владимиро-Суздальской Руси замыкается Георгиевским собором в Юрьеве-Польском. Это исключительное по своему национальному значению здание дошло до нас в очень искаженном виде. Н. Н. Воронин реконструирует его в виде стройного, ярусно устремленного вверх сооружения, во многом перекликающегося с образами деревянного зодчества. В богатейшей фасадной скульптуре собора Н. Н. Воронин отмечает рост фольклорных черт. Здесь впервые появляются образы фантастического Змея-Горыныча русских былин, сиринов, птиц... Глубина и яркость народных черт в образе Георгиевского собора помогают понять, как после разгрома Владимиро-Суздальской Руси татарами эти великие художественные традиции не прервались и постепенно возродились в архитектуре Москвы и подмосковных городов.

Владимиро-Суздальские традиции в архитектуре Москвы заключаются вовсе не в повторении старых архитектурных форм. Здесь время вносило все новое и новое. Но сохранялась и развивалась главная архитектурная идея здания — монумента, здания — памятника больших национальных событий.

Она живет в могучих и четких образах соборов Коломны, Звенигорода, Загорска... И, наконец, Московского Кремля. Это большие главы летописи русской жизни. Отсюда идет прямая линия к эпохе Рублева, к храму Василия Блаженного, к шатровой архитектуре XVI века. Так, труд по архитектуре Северо-Восточной Руси превращается, по существу, в труд об основах художественной культуры единого Русского государства. Более того, автор постоянно подчеркивает большие демократические и гуманистические идеи, лежащие в основе творчества древнерусских мастеров. И это превращает книгу о прошлом в книгу о настоящем.

Ия МЕСХИ

В книге Эльзы Триоле о Париже есть снимок: в лаборатории городского водопровода за вделанным в трубу смотровым окном резвятся форели. Что им надобно здесь? Они несут в трубе службу санинспекторов. Их держат в специально отведенном для анализов отсеке, чтоб знать, насколько чиста питьевая вода. Для определения физико-химического состояния водопроводной воды существует много современных средств. Но и форелька не помешает. Она живое существо. Она не выносит никакой мути. Муть для нее смертельна.

Мы говорим «форель» — и воображение рисует звонкий горный ручей, в котором играют веселые пятнистые рыбы. Мы говорим «форель» — и слышим чудесную мелодию шубертовской «Форели»... Словом, наша приязнь к форели определяется не только ее высокими вкусовыми качествами, но и множеством приятных ассоциаций. Это ведь тоже очень важно!

Одна из этих ассоциаций — Черная речка в Абхазии. Недалеко от Гудауты стоит высокая гора с древним пещерным замком в отвесной вертикальной стене, и прямо из-под горы, из самого ее чрева, вытекает река. Известна кристальная чистота таинственных карстовых рек. Вода в них прозрачна, как слеза. Поток бурлит вокруг речных валунов, поросших темным мохом. Форель любит кислород. Чем его больше, тем активнее она резвится. Смотреть на это — одно удовольствие.

В холодную пору более всего форели на перекатах, там, где она нерестится. Рыбак закидывает сеть — и в ней сразу же полно трепещущей рыбы. Ее отправляют в инкубатор, берут у самок икру, сцеживают, ее оплодотворяют молоками самцов. Что же делать, если река может накормить совсем мало людей и то только в определенный сезон, а при искусственном воспроизводстве на этой же реке рыбоводы получают в течение года более 300 центнеров форели. А через несколько лет, когда закончится здесь большая реконструкция, Черная речка будет давать 2 700 центнеров форели в год. Вот тогда ее будет вдоволь в курортных городах.

Но знаете, сколько требуется времени, чтобы вырастить рыбу весом в 150 граммов? Полтора-два года. А как много забот с икрой, с мальками, какой замысловатый им нужен корм, вплоть до омлета! А болезни? Сколько их!.. Есть даже такая, при которой форели кружатся,— танцуют вальс и так, в вальсе, и погибают. А кроме того, бассейны и пруды — это все-таки не то, что сама река с ее шумными перекатами и стремительным течением. Надо все время что-нибудь придумывать, чтоб форель не стала скучной. Очень важно поддерживать в ней постоянно ее живой нрав.

Именно ради этого и была совершена недавно операция переселения 40 тысяч мальков радужной форели из эстонского хозяйства «Пилула». В «Пилулу» выезжала целая экспедиция во главе с черноречентским директором Давидом Хутоевичем Убилавой. По всем расчетам, пассажиры в состоянии были вынести 12 часов пути. Уже посадили мальков в полиэтиленовые мешки с водой, довезли в машинах до Таллина. Уже вылетел из Таллина специальный самолет с необычными пассажирами на борту, а порт назначения не мог по условиям погоды их принять. Пришлось ночевать в Одессе, доставать кислород, закачивать его во все 120 мешков. Давид Хутоевич посылал домой яростные телеграммы, слезно молил Адлеровский аэропорт «дать погоду»...

Можно представить себе, что творилось у финиша, как мчались из Адлера на Черную речку машины с переселенцами, как судорожно разрывали мешки, чтоб скорее сбросить в пруды совсем было загрустившую «эстонку»! Но все закончилось благополучно. Из 40 тысяч мальков погибло в трудном пути всего лишь сто. Остальные живут, здравствуют, привыкают к новой обстановке. Предстоит скрещивание с чернореченкой. Это должно улучшить местное маточное стадо, разогреть рыбью кровь...

Деятельность чернореченских рыбоводов исполнена и романтики, и драматизма, и волнений. Чего, например, стоит такая оказия, как нашествие водяных крыс в пруды осенью прошлого года. Ведь с ними пришлось вести сражение!

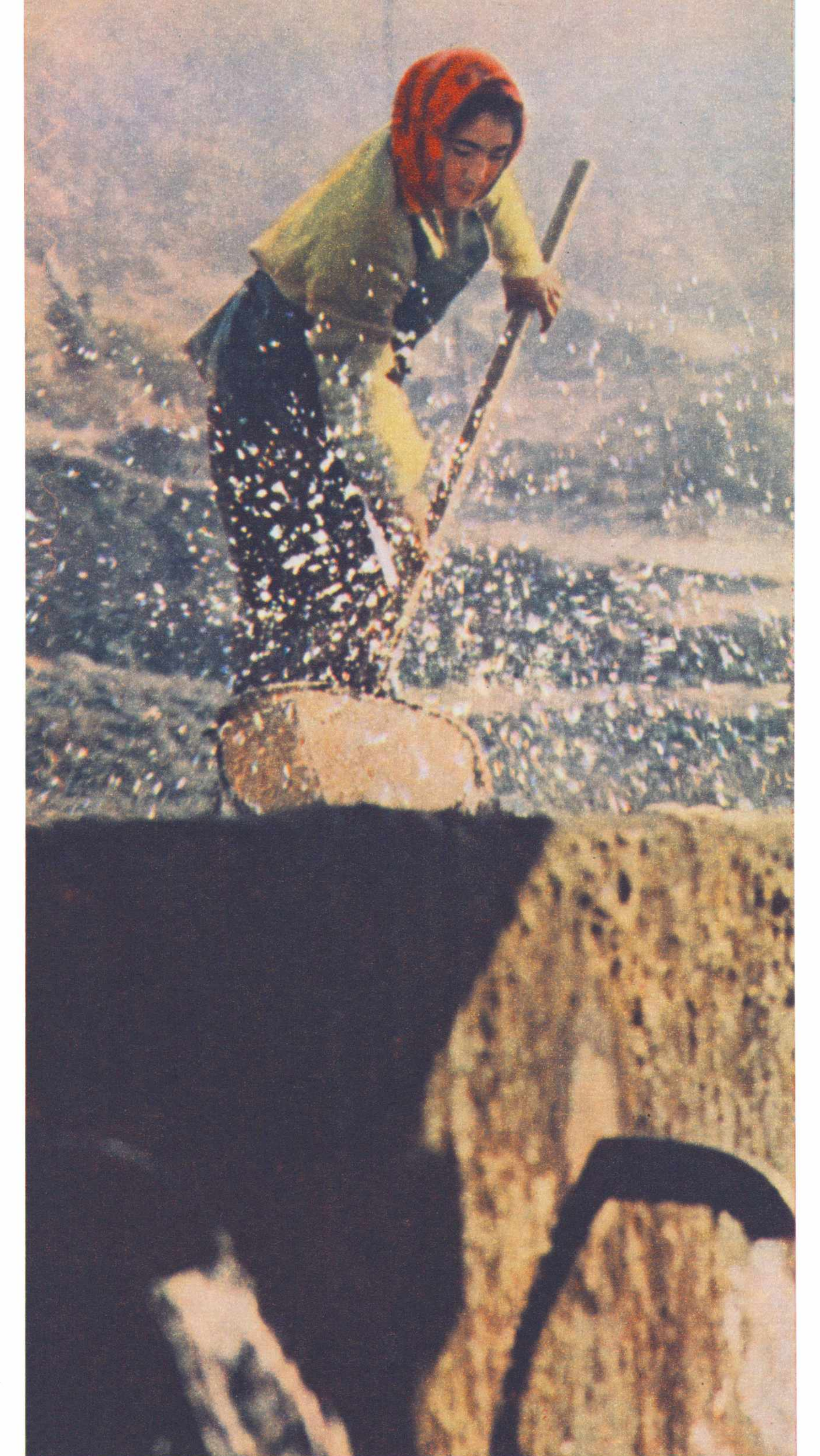
Но вернемся к так называемой чистой поэзии, к Шуберту, к ручью. Есть такой Ленкин ручей, впадающий в Кепшу, которая, в свою очередь, впадает в Мзымту, стремящую свои воды к Черному морю. На этом ручье живет Павел Малахович Громов, сапер, фронтовик, пробитый пулями и контуженый человек, которому врачи сулили от силы пять лет жизни после войны. А он живет здесь уже около 20 лет, заведует пасекой сочинского санатория «Прогресс».

Ленкин ручей — непередаваемой поэтичности и чистоты местечко в горах, в буково-кленовом лесу. С прошлой весны ручей перегородили небольшой бутовой дамбой. Образовалось два пруда. В пруды перебросили с Черной речки крупную радужную форель, стали возить из санатория отдыхающих.

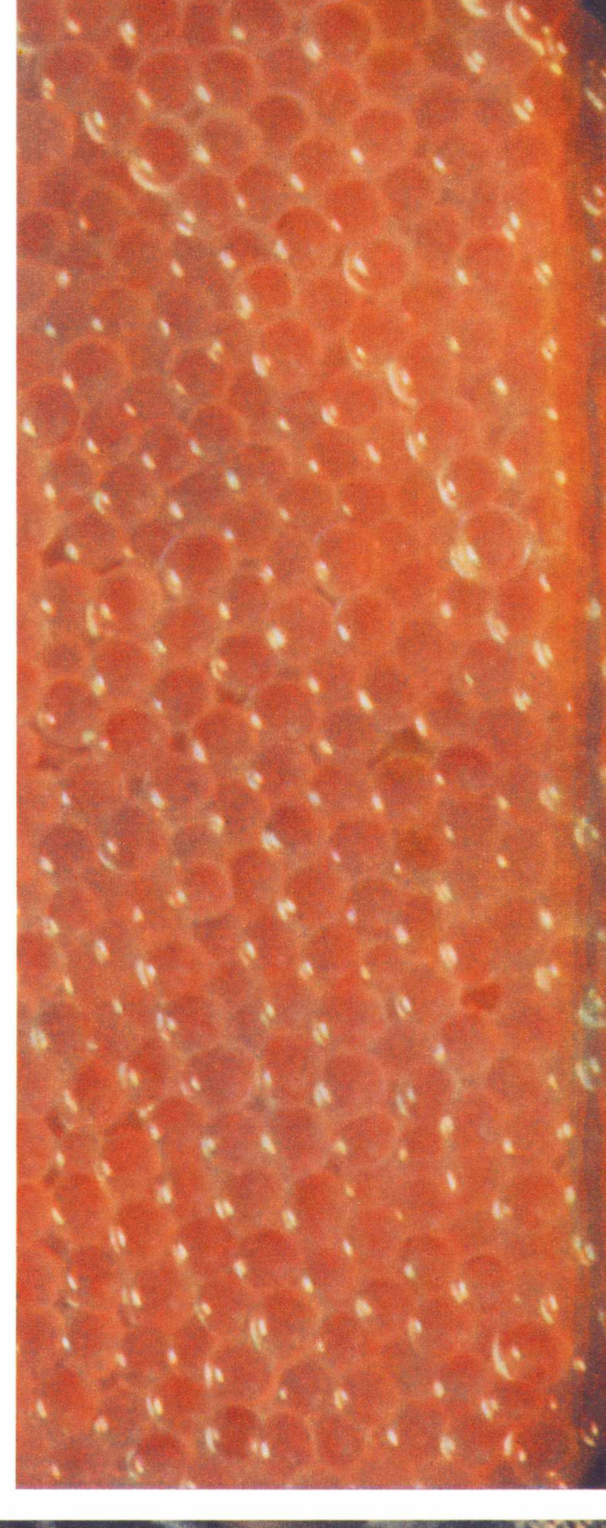
Представьте: после чинной, размеренной жизни в санаторных корпусах и чуть-чуть прискучившего морского берега — сухой паек в руки, горная дорога, пасека, тишайшие пруды и ловля форели на удочку. А потом собственноручное приготовление ухи в походной кухне. Вечером над прудами зажигаются сильные электролампы, на свет летят насекомые, кружат в воде хороводы причудниц. Павел Малахович потчует чаем с медом, добытым прямо из ульев. Можно и переночевать в уютных лесных коттеджах. Все это, как в сказке, как в песне...

Чтоб сложить эту песню, надо было подумать о людях, об их хорошем настроении и не побояться лишних хлопот. Это сделал главный врач «Прогресса» Александр Сергеевич Губин. Но пока только он один. А санаториев много и в Сочи и в Гагре, а близко, в горах, уйма ленкиных ручьев, а чернореченцы всегда выдадут на хороший почин толику своей жизнерадостной рыбки, которая, оказывается, и к климатотерапии причастна.

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Русико Ратиани — маленькая хозяйка форелевого пруда.

Икра форели.

Радужная форель.

Отдыхающим санатория «Прогресс» разрешается ловить в этом пруду форель.

Резкий бросок накидки — и самец выловлен.

Петрос АНТЕОС

Страна восходящего человека

Под таким названием в Афинах в декабре 1964 года вышла книга новых стихов греческого поэта-коммуниста Петроса Антеоса, одиннадцатая по счету.

ПОКОЛЕНИЕ КОММУНИЗМА

О мать!
Там, где кончаются
твои мечты,
Берут начало
дела твоих сынов.
А их мечты
берут начало там,
Где завершаются
дела отцов.

КТО-ТО ПОЗВАЛ МЕНЯ

Кто-то позвал меня с улицы.
Кто-то позвал... Ребята!

Я оставляю рукописи
и выскакиваю на балкон.
Улица лоснится после дождя.
Асфальт отражает свет.

Меня зовут мои шестнадцать лет,
Меня зовут мои двадцать лет,
Меня зовут
Друзья моей юности.

Мои ребята
Идут по улице,
Мои ребята зовут меня,
Проходя по моему переулку,
В горы на вечернюю прогулку,
К морю на утреннюю прогулку,
В жизнь на долгую, долгую
прогулку...
Чтобы с девушками перекинуться
словцом,
Чтобы сходить на рыбалку,
Чтоб, наконец, посидеть
за винцом
На веселой нашей пирушке.

Ах, что были у нас за пиры!
Для одних они окончились
Пулею в сердце
На заре
В тюремном дворе.
Для других они тянутся
Девятнадцать годов
За тюремной решеткой.
А для третьих длятся вдали
От родимой земли.

Кто-то позвал меня с улицы.
Кто-то позвал... Ребята!

Я свесился с балкона,
Я простираю руки,
Я простодушно крикнуть готов:
«Иду, ребята!»

Но кто-то
Шестнадцати лет или двадцати,
Невидимый во тьме,
С соседнего балкона
Кричит на мою беду:
«Ребята, иду!»

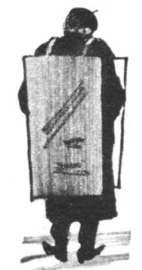
Я захлопнул дверь,
На стол упал головой,
Как дети падают,
В горе утыкаются в подушку...

Ах, ступайте, ребята,
Веселитесь, ребята,
Оставайтесь, ребята,
На земле,
А не под землей,
У себя, а не на чужбине!
Ступайте по этой бескрайней
улице,
Сверкающей
После дождя.

ТАМ...

Там люди — рекламы,
За рекламой исчез человек.
Он не нужен. Не нужны его руки.
Нужны только ноги, чтобы упрямо
Сквозь толпу продиралась
реклама.
Нужны только шея, грудь
и спина.
А голова?
Для рекламы она не нужна.
Для рекламы нужны ноги и шея,
А голова —
чем глупее она,
чем тупее,
Тем для рекламы лучше она.
Там люди—рекламы.
Там за рекламой
Навеки растворяется человек.
Люди — рекламы,
рекламные люди —
Ноги, шеи, спины, груди —
Две стороны одной медали...
Рекламы, рекламы...
Вы их видали?

ДОВОЛЬНО

Все томлюсь. Томлюсь.
Не пойму никак,
Кто упрятал нас
Под стеклянный колпак
Небосвода?..
Зачем?..
Доказать, что мы
Пауки? Ну что ж!
Опыт удался.
Сотни тысяч раз
Пожирали мы, пожирали нас...
Но колпак разбит
Взлетами ракет.
И открыт простор.
Звездные ветры
Гладят нам виски,
Словно ветер с гор...

Знать, пришла пора
Опровергнуть
Экспериментатора.
Да, пришла пора
Доказать, что мы
Не пауки с волосатыми лапами
И безжалостными челюстями,
Заключенные в стеклянном
сосуде,
Что мы люди,
Наделенные
Сердцем и разумом
Люди.

Перевел Д. САМОЙЛОВ.

ГОЛОСА ТИШИНЫ

Что ж, если мы не первые
и не последние,—
час наш пришел,
вслушаемся
в песню Великой Тишины!
Все на свете
имеет свой голос.
Голос тишины —
это голос всего на свете.
Вот звезды —
ты слышишь? —
то бубенчики золотые,
которые время колышет
на темном древе Вселенной.
А корни ты слышишь?
А семена?
В молчанье глубин
рождаются в этот час
зеленые песни лесов.
Молчанье глубин
к нам доносит, как зов,
непропетые песни
ушедших
в Великую Тишину.
Час наш пришел.
Прислушаемся!
Ты слышишь?
От застывшей воды,
над которою властна Луна,
от недвижных камней,
над которыми властна Земля,
поднимается песня веков.
Все, что жило,
оставило голос живой,
чтобы стать
тишиной.
Наши уши — волшебные
раковины.
В этот час —
ты слышишь? —
океаны жизни звенят
и качаются между
архипелагами звезд,
континентами древних
туманностей,
между веной моей
и твоей.
В этот час —
в этот наш —
мы впервые со дня сотворенья
внимательно слушаем
вечные песни твои,
о Великая Тишина!

САМОЕ СТРАШНОЕ

Перед смертью, в последние эти
минуты,
Он со страшною ясностью понял
внезапно:
Под землею
он будет лежать
совершенно один.
Сколько жил на земле,
не заплакал ни разу,
А сейчас прослезился сухими
глазами,
Только капельки пота
едва проступили на лбу.
Нет, не смерть, не по этой он
плакал причине:
Если смерть — это есть
одиночество только,
Значит, прожил он всю свою
жизнь
на земле
мертвецом.

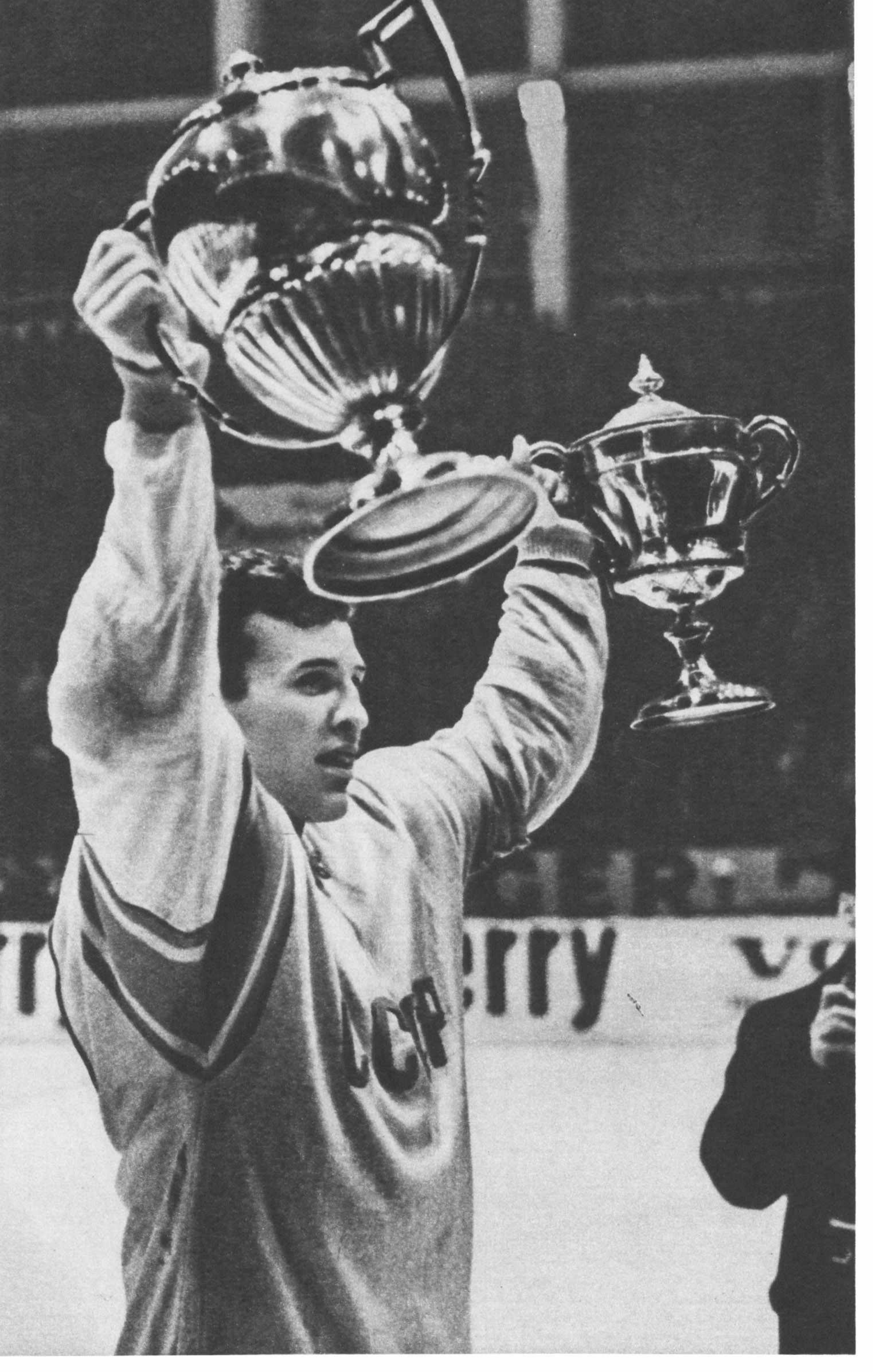

БЕСПЕЧНЫЕ И КОСТОЧКИ

Беспечные,
они похрустывают
Сегодняшних дней
плодом,
А твердые,
горькие косточки
Выплевывают
притом.
Им в голову не приходит,
Что в маленькой
твердой косточке,
В горькой
косточке той
Завтрашний день
таится,
Зеленый
и золотой.

Перевел Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Сборная СССР в третий раз подряд завоевала звание сильнейшей. Капитан команды Борис Майоров с кубками чемпионов мира и Европы.

Не парни

В. ВИКТОРОВ **Фото Л. Бородулина.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Смелого шайба боится

Старая солдатская песня «Смелого пуля боится, смелого штык не берет» вспомнилась мне утром 10 марта в корпусе «Жи» ультрасовременной олимпийской деревни в Тампере, где жили наши хоккеисты. На белоснежной стене этого коттеджа я увидел боевой листок — газету, которую выпускали советские спортсмены во время чемпионата. В ней рядом с дружеским шаржем на Старшинова, проливающего слезы на штрафной скамье (подпись гласила: «10 минут. Это не должно повториться»), была помещена заметка следующего содержания: «Сегодня шведы. Это первый серьезный экзамен на пути к золотым медалям. Мы убеждены, что добьемся успеха в результате уверенности вратаря, жесткой и строгой игры защитников, согласованности в нападении. Большая работоспособность, огромное желание победить, самообладание, дружба — вот ключ к успеху. Так сделаем же все для победы!»

А из соседней комнаты, словно продолжая эти строчки, доносились голоса тренеров Чернышева и Тарасова, ставивших перед командой боевую задачу на предстоящую игру: «Вы умеете кататься все вместе, а они—лишь втроем, двое в это время отдыхают. Выматывайте их, пусть хорошенько устанут. И главное, точнее пас». Затем кто-то из игроков, выступая перед товарищами, убеждал не бояться, быть уверенными в своих силах.

Потом дверь комнаты распахнулась, коридор заполнился хоккеистами. Тренеры сообщают нам состав редколлегии боевого листка: художник — Брежнев, редакторы — Кузькин и Давыдов.

С нами охотно говорили обо всем, кроме сегодняшнего матча, словно через несколько часов нам не предстояло увидеть на льду всех этих парней: и капитана Бориса Майорова, аспиранта МАТИ, виртуозно владеющего клюшкой, и защитника Виталия Давыдова, совсем недавно оправившегося после тяжелой травмы, полученной в Канаде, и нападающего Александра Альметова, только что напоминавшего своим друзьям о том, что смелого шайба боится.

Да, мы понимали, что после неудачи в матче с хозяевами чемпионата — финнами—шведы будут сражаться с особым упорством!

Вспомните, сколько усилий потребовал этот матч, и особенно его последний период, от наших хоккеистов. Третий гол забит Александровым. Но вскоре шведы сравнивают счет. Лишь на последних десяти минутах нам удалось с помощью Старшинова и Ионова выйти вперед и закрепить победу.

Нет, не так уж слабы шведы, как это могло показаться после их встречи с финнами. И Анатолий Владимирович Тарасов на пресс-конференции прямо заявил, что ему трудно назвать хотя бы одного плохо сыгравшего шведского хоккеиста. Все они были под стать ветерану Тумбе. Ну, а он, конечно, герой этого матча.

Но когда я зашел в номер к Борису Майорову, он заговорил со мной не о вчерашней встрече на льду, а о другой, предстоящей — с командой ЧССР.

— Удалось ли вам познакомиться с игрой чехов здесь, в Тампере?

— Конечно. Я видел их встречи с командой ГДР, с американцами, с норвежцами и с финнами.

— И каково ваше впечатление?

— Самое сильное. Это, вероятно, для нас наиболее грозные соперники. Как быстро сумела войти в форму эта молодая команда! Нападающие Вацлав Недоманский, Франтишек Шевчик, Ян Клапач, Иржи Холик — все они играют замечательно. Не отстает и Иозеф Чапла, хотя он и старше других новобранцев сборной. А вратари команды! Трудно сказать, кто стоит лучше, Владимир Надрхал или совсем юный Владо Дзурила.

Что удивительного в том, что уже после победы над шведами наши хоккеисты думали не о Тумбе, а о Голонке?

Расчет или импровизация!

Когда я наблюдал за борьбой чехословацких и канадских хоккеистов, я подумал, как сильно за последние годы сдал прославленный канадский хоккей.

Весь ход матча говорил о том, что тренеры «Кленового листа» все еще придерживаются традиционного взгляда на хоккей, считая его игрой ошибок. Они попрежнему надеются не на точный расчет, а на импровизацию во время игры. И это в то время, когда тактика хоккея разрабатывается со скрупулезной точностью.

Пожалуй, до нынешнего года традиционный последний матч СССР — Канада всегда был основным. Но не сейчас. Первые же матчи чехословацких хоккеистов показали, что все опасения их тренеров, вызванные решительным омоложением команды, лишены основания. По воле жеребьевки мы заранее убедились, с каким грозным, умелым, целеустремленным соперником нам придется бороться за золотые медали.

Матч Чехословакия — Канада был ярким зрелищем. Как известно, он окончился со счетом 8 : 0.

Да, было над чем подумать руководству советской сборной 12 марта, накануне главной проверки сил, накануне встречи советских и чехословацких хоккеистов. А сколько предположений высказывали в эти дни спортивные обозреватели. Их в первую очередь интересовали проблемы вратаря сборной СССР. Наших тренеров расспрашивали по этому поводу на многих пресс-конференциях, а после матча с командой США Тарасова прямо спросили: не собирается ли он после одиннадцати шайб, пропущенных Виктором Коноваленко, поставить на игру с чехословаками второго вратаря, Зингера? Тарасов ответил, что решают в конце концов не пропущенные, а забитые шайбы.

Но ведь сборная ЧССР уже тогда по разнице забитых и пропущенных шайб вышла на первое место, хотя мы и имели на четыре забитых больше.

Как же мы сыграем с чехословацкой командой? Какой план избрали Чернышев и Тарасов? Каково настроение ребят? Все это да и многое другое тревожило нас 12 марта. И лишь одно немного успокаивало: наша команда на поле не импровизирует в борьбе с грозным соперником, а точно действует по продуманному плану...

Удастся ли осуществить этот план?

Последние два часа

Теперь мы знаем: удалось. И как блистательно, как точно удалось! Не дать играть молодой команде в ее стремительной и легкой манере, которой она по-

корила весь Тампере. Исходя из этой задачи, Чернышев и Тарасов, видимо, отказались от того, чтобы начать игру в предельно высоком темпе, как этого ожидали. Ведь темпом чехословацких нападающих не удивишь!

В то время, как в одном из домиков спортивной деревни два советских тренера складывали свой боевой план игры, где-то рядом, в таком же светлом и чистом домике, этим же занимались и два других тренера — Владимир Боузек и Владимир Костка. Они тоже, судя по всему, выбрали спокойное начало. Но не это определило ход игры в первые же минуты. Чехословацкие тренеры почему-то приняли еще одно решение: поставить в ворота не Дзурилу, который зарекомендовал себя одним из лучших вратарей чемпионата, а Надрхала. Чем можно было объяснить такой неожиданный вариант? Может быть, тем, что Дзурила в Инсбруке в матче с командой СССР пропустил три шайбы? Но такое решение ничего не дало нашим соперникам. И они признали это, сменив вратаря уже в первом периоде, после того, как советская команда повела со счетом 2 : 0.

Трудно сравнивать этот матч с любым другим, самым ярким, самым волнующим. А чего стоил третий период! Внезапный успех чехословацкой команды. Счет 1 : 2. Чехи воспрянули духом и начали бешеные атаки в надежде еще раз зажечь красный сигнал за воротами советской сборной.

Виктора Коноваленко не пришлось менять во время матча. Он стоял в воротах, отражая бешеный натиск чехов. Сколько раз шайба смирялась, прижатая ко льду его рукавицей!

И, наконец, апофеоз этого яркого спортивного зрелища: за одну минуту до конца игры тренеры чехословацкой команды заменили вратаря шестым полевым игроком, чтобы использовать последний шанс и добиться ничьей. Все, что произошло в следующее мгновение, видимо, широко известно читателям. Но я не могу не рассказать о том, что видел сам на ледяном поле в Тампере. Вбрасывание у наших ворот. После свистка судьи две клюшки одновременно ударили по шайбе, лежащей в синем кругу. Она с грохотом врезалась в борт и, отскочив от него, покатилась к советским воротам. Один из наших игроков успел отбить коварный резиновый кружок, и он медленно заскользил через все поле к открытым чехословацким воротам. Затаив дыхание, зрители, все игроки на поле и все сидящие на запасных скамьях следили за этим медленным скольжением черного кружочка. И вдруг зал взорвался криками, хохотом, аплодисментами. Прокатившись через все поле, шайба точно попала в ворота чехословацкой команды — 3 : 1. Судьба первенства решена. До конца матча — полминуты.

А в следующей игре неудача постигла и замечательного канадского вратаря Бродерика. Шведы, добившись победы, сделали серьезную заявку на серебряные медали и одновременно обеспечили нам золотые, независимо от результата встречи с канадцами на следующий день.

Так сложилась ситуация последнего дня чемпионата. Незавидным было положение чехословацких хоккеистов, которым предстояло выдержать натиск шведов: ведь в этой встрече решалась судьба второго места в чемпионате. Нашей команде осталось провести на поле всего лишь один час чистого времени. И в то время, когда этот матч нам уже ничего не давал, канадским хоккеистам он мог принести призовое место.

Эту последнюю встречу чемпионата я как бы заново увидел уже после того, как советской команде был вручен кубок и Борис Майоров поднял его высоко над головой.

На приеме в честь закрытия чемпионата Александр Альметов рассказал мне, как пришлось трудно ребятам. Канадцы яростно атаковали, стремясь во что бы то ни стало к победе.

— Но ничего, все обошлось,— сказал, улыбаясь, Альметов.— Чего стоят все эти последние синяки и шишки перед победой! А тут еще так порадовали дебютанты сборной — вратарь Виктор Зингер и нападающий Анатолий Ионов. Они с честью выдержали тяжелое испытание.

— Но в этом матче был еще один дебютант,— вмешался в наш разговор судья Анатолий Сеглин.— Правда, этот дебютант все три периода просидел на скамье запасных, но всеми своими мыслями был с ребятами на поле. Вы хотите знать, кто это? Михаил Александрович Шолохов. Я получил особое задание помочь нашему замечательному писателю разобраться в происходящих событиях. Ведь Михаил Александрович честно признался нам, что впервые присутствует на хоккейной игре. И видели бы вы, как быстро он себя почувствовал завзятым хоккеистом. Шолохов очень волновался, а когда все уже кончилось, сказал мне, вытирая пот со лба: «Вы знаете, у меня даже ладони мокрые».

Я спросил Александра Альметова, как он расценивает закончившийся мировой чемпионат.

Вот его ответ:

— Чехословацкая команда стала сильнее, чем была в Стокгольме и в Инсбруке, канадцы — слабее. Ну, а шведы по-прежнему на уровне. Поистине неувядаемые шведы!

И знаете, мне кажется, чехословацких друзей подвела их феерическая победа над канадцами. Она вскружила им голову. Еще бы, сыграть 8 : 0! Ведь после этого весь журналистский корпус уже заранее стал отдавать им золотые медали.

А через несколько минут я увидел своего собеседника на сцене рядом с другими советскими хоккеистами. Им вручали золотые медали чемпионов мира и Европы.

Вот оно то, о чем мы думали, когда начинался хоккейный чемпионат в Тампере! Семь побед в семи встречах. Это ли не убедительно!

Тампере, 15 марта.

— золото !

Вот они, наши мо-ло-дцы! Среди спортсменов — Михаил Александрович Шолохов.

НАШ КОНКУРС

Каждый день почта приносит в «Огонек» толстую пачку писем. На конвертах — слова «Навеки вместе!», девиз нашего конкурса. Пишут люди разных профессий — колхозники, инженеры, ученые, рабочие, врачи. Но у многих из тех, кто прислал письма, в годы войны была — а у некоторых осталась и сегодня — другая почетная профессия: солдат. Среди участников конкурса — сотни освободителей Чехословакии. И они рассказывают о том, с какой горячей любовью, с каким подлинно братским чувством встречали их на чехословацкой земле.

В конкурсных материалах, присланных в «Огонек», нередко говорится о людях, следы которых затерялись. Быть может, наши читатели в Чехословакии помогут разыскать этих людей?

Мы не спали третьи сутки. Рев танковых двигателей, лязг гусениц, пулеметные очереди, выстрелы из пушек, крики «Наздар!», села и города Чехословакии. Мы забыли о сне и отдыхе.

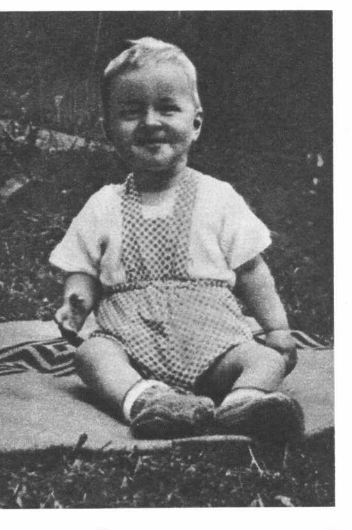
Танкисты Десятого особого добровольческого Уральского танкового корпуса стремительно двигались к Праге, где восставшие чехи держались уже пятые сутки. Наши танковые радиостанции принимали далекий голос непокоренной Праги: «Руда Армада, скорее на помощь!» Осунувшийся от бессонных ночей дважды Герой Советского Союза командир бригады Михаил Георгиевич Фомичев давал последние указания. «Мы должны быть в Праге на рассвете 9 мая» — это был, пожалуй, его самый короткий приказ за годы войны. И снова грохот выстрелов, сливающийся с лязгом гусениц. Шел последний день войны — мы не знали об этом. Как и не знали, чьи танки останутся на пражских улицах вместе с экипажами, которые так и не успели выспаться после штурма Берлина...

И вот перед нами долгожданная цель: в 5 часов утра 9 мая притихшая, кое-где освещенная огнем пожаров Прага ждала своих освободителей. В серой предрассветной утренней мгле появилась и первая вражеская баррикада: толстые бревна, засыпанные крупным булыжником, перегородили широкую улицу.

Расчищая себе дорогу огнем, вперед двинулся танк гвардии младшего лейтенанта Гончаренко. Толстые бревна прогнулись, посыпался камень, и вдруг страшный удар потряс машину, она вспыхнула. Наши сердца дрогнули, переполненные ненавистью к нашим врагам и к врагам наших друзей. Заговорили танковые пушки, сплошной ливень огня обрушился на тех, кто с фаустпатронами и пулеметами притаился в подвалах пражских домов. На штурм баррикады шли все новые и новые машины — улица была очищена от врага. И сразу же тысячи горожан окружили наши танки, тысячи дружеских рук жали наши руки, нас обнимали, целовали. По нашим щекам, покрытым слоем пыли и пороховой гари, текли слезы счастья. Крики «Наздар, наздар!», полного значения которых мы тогда еще не понимали, но так хорошо чувствовали, были громче гула танковых двигателей.

Впереди находился враг, в предсмертной агонии он цеплялся за каждый дом, за каждый квартал. Надо было идти вперед. И молодые русские парни снова и снова шли в атаку на своих грозных «тридцатьчет-

ИСТОРИЯ, У КОТОРОЙ НЕ БУДЕТ КОНЦА

Это чехословацкий гражданин Юрий Герман.

А это моя дочка Оля.

Эта история началась весной 1952 года. Я училась тогда в 4-м классе. Однажды наш пионерский отряд получил письмо от пионеров одной пражской школы. Сколько радости было в глазах ребят, когда мы читали его! Имен в письме было много, и, кроме общего ответа, в Прагу полетели персональные письма.

И вот 15 мая я получила ответ от Марии Побржисловой. Девочка рассказывала о себе, о своей семье... Весь вечер мы перечитывали это письмо, рассматривали фотографию...

Я не ошибусь, если скажу, что почти все пионерские письма похожи одно на другое: школьные и пионерские дела, детские радости, приветы от родителей и друзей.

Со временем почерк становится более характерным, мы растем. Меняется и содержание писем — появляются планы на будущее.

«Здравствуй, моя дорогая подруга Ирочка! Шлю я тебе свой горячий привет. Я уже окончила 8-й класс. Я поступила в педагогическое училище...»

«...Я учусь на 3-м курсе педучилища. Еще год — и я буду учительницей. Это красивая работа. Три года я буду работать в дальнем районе ЧССР».

А потом на наших письмах появились новые фамилии — мы вышли замуж в один и тот же год. В письмах замелькали имена и приветы мужей, семейные новости, планы, радостное ожидание малышей...

15 августа у нас с Володей родилась дочка Оленька. В далекий Жандов (там жила теперь Мария) полетело письмо: «У нас дочь. А у вас?» Ждали ответа с нетерпением. Но никто не мог даже подумать, что ответное письмо принесет столько смеха и волнения.

«Моя дорогая Ирочка!

Когда ты написала, что ваша Оленька родилась 15 августа (1961 года), мы не могли поверить этому. У нас мальчик. И он родился 15 августа. Мы его назвали Юрием. Люди его называют «маленьким космонавтом». Имя Юрий — как первый космонавт Гагарин, фамилия Герман — как зовут Титова».

А потом — маленькие подарки, игрушки, первые материнские радости и огорчения.

«...я тебе уж очень долго не писала. Прости. Я была больна, и Юрик болел. Но теперь мы уже здоровы.

Юрик веселый, милый мальчик. Он нам приносит много радости.

Посылаю вам фотографию. Юрик говорил «мама», «папа», «баба», но опять все забыл и говорит только то, что удается.

Ваша Оленька, наверно, уже ходит? Уже что-нибудь говорит? За подарки, что вы прислали нашему малышу, большое спасибо. Очень ему понравился медвежонок и попугай. Ботиночки он носит. Сначала он их постоянно снимал и все рассматривал...»

«...Юрик здоров. Хорошо бегает. Все уже говорит, только «р» еще плохо. Что ваша Оленька? Я бы ее хотела посмотреть...»

Растут наши близнецы. Очень скоро они узнают друг о друге от своих мам, которые уверены, что у этой истории никогда не будет конца. Вы представляете, как это будет здорово! Подрастут наши дети, начнут дружить; потом эта дружба перейдет к внукам нашим. И так из поколения в поколение...

Ирина САВИНОВА,
техник-конструктор

Новгород.

Особое задание

Летный состав нашей эскадрильи 585-го авиационного полка ночных бомбардировщиков 1 марта 1942 года, как всегда, готовился к боевым вылетам. В тот день начальник штаба полка майор Тиракьян отдал мне распоряжение:

— Из-за нелетной погоды боевые вылеты эскадрильи отменить. Один экипаж должен быть в готовности для выполнения особо важного задания.

Погода была действительно плохой: сплошная облачность высотой 150—180 метров, изморось, обледенение и видимость 1 000—1 500 метров.

Кому же лететь, чтобы выполнить задание в такую погоду, как не командиру эскадрильи?

Поздно вечером на старт к самолету подъехала автомашина с офицером штаба армии и комиссаром эскадрильи. Офицер спросил меня, знаю ли я села Александровку и Алексеевку в районе станции Матвеев Курган. Я показал их на своей карте. Тогда он говорит:

— Там 3 600 словаков, которых фашисты насильно погнали на Восточный фронт. Они не хотят вое-

СИРЕНЬ

верках», облепленных букетами пражской сирени. Это было редкое и, пожалуй, необыкновенное зрелище: жители Праги буквально бежали за нашими танками, они, пренебрегая опасностью, показывали нам вражеские батареи и пулеметные гнезда, окопы «фаустников» и заминированные участки улиц.

По броне моего танка дробно застучали пули, впереди на площади разорвался снаряд. Я лихорадочно искал через смотровой прибор вражескую пушку, спрятанную где-то в зелени парка, и вдруг увидел, что по площади с огромным букетом сирени бежит маленькая девочка. Она не знала о смертельном поединке экипажа советского танка с врагом, она видела только ярко-красную звезду на танке и бежала, бежала изо всех сил, спеша передать свой букет тем, кто принес жизнь и освобождение ее родному городу.

Длинная очередь немецкого пулемета огненной трассой перерезала ей путь, но она не понимала опасности и как ни в чем не бывало продолжала свой бег к краснозвездной машине. Это была вся благодарная Прага, вся близкая мне Чехословакия, протянувшая букеты сирени советским танкистам.

Танк рванулся из своего укрытия, свалил какой-то киоск, вырвался на площадь и своим могучим бронированным телом закрыл девочку. По броне вновь застучали пули, тяжелый снаряд разорвался рядом и градом осколков осыпал машину. У меня в запасе было несколько считанных секунд, секунд, которые потребуются немцам для выстрела, быть может, последнего для меня и моего экипажа. Солнце всходило над Прагой, я видел в перекрестье прицела вражескую пушку и темно-зеленые фигурки врагов, суетившихся около нее. Мы успели раньше.

Сделав выстрел, я выскочил из танка и втащил девочку в машину.

Танк задним ходом вновь ушел в укрытие. На том месте, где стояла немецкая пушка, зияла воронка. Из-под наших шлемов струился холодный пот, а пятый «член экипажа», крепко обняв нас, совсем по-взрослому кричал над оглохшими ушами такое чудесное слово «наздар».

Нас окружили плотной толпой жители Праги, маленькая белокурая девочка сидела у меня на плече, замерев от восторга, с букетом сирени в руках, она была героем этого последнего утра войны и находилась теперь среди своих.

Оставив девочку в толпе жителей, мы вновь, квартал за кварталом, продолжали очищать город...

Эта фотография сделана в тот самый день, 9 мая, на улице Волковице в Праге во время короткой паузы между боями. Рядом со мной — двое чешских товарищей. Я не знаю их имен, но эти люди очень дороги мне. Начиная с рассвета 9 мая и до конца боев они ни на шаг не отходили от моего танка, помогая находить и уничтожать фашистов. Может быть, удастся разыскать этих людей?

Впереди закованная в гранит текла Влтава, мы остановились у моста, с противоположной стороны из-за здания парламента самоходное орудие противника вело огонь. Шли последние часы войны. Рота готовилась к последней атаке. И вновь, как и при штурме первой баррикады, открыли огонь пушки моей роты, пушки моих друзей Михаила Акиньшина и Анатолия Злобина, Геннадия Каширина и Вани Иванова.

Последние минуты войны. Посредине древнего моста страшный удар потряс мою машину, запах гари слился с нежным запахом букета сирени, оставленного чешской девочкой в танке. Я потерял сознание.

Друзья вытащили меня и мой экипаж из горящего танка, холодная вода из Влтавы привела нас в чувство. Война закончилась, мы дошли до Праги и освободили ее. Длинные колонны пленных гитлеровцев тянулись за город, на улицах разбирали баррикады.

Когда я смотрю на свою медаль «За освобождение Праги», мне всегда вспоминаются маленькая девочка Илонка, с букетом сирени бегущая к краснозвездной машине под немецким огнем, крики «Наздар!», заглушающие рев моторов, и горящий, как факел, танк Гончаренко.

Виктор КРЮКОВ, гвардии подполковник, кавалер четырнадцати орденов и медалей

Кировакан,
Армянской ССР.

вать против нас и готовы сегодня ночью прорваться через линию фронта. Эти вот листовки-пропуска должны быть сброшены немедленно в их расположение. Завтра будет поздно!

Словацкая часть, входящая в состав немецкой танковой армии фон Клейста, рассказывал офицер, зимой 1941—1942 года несла охрану Азовского побережья на участке Таганрог — Мариуполь. Словаки всячески помогали нашим людям продовольствием и давали возможность целым группам беженцев под покровом ночи переходить по льду замерзшего залива на наш берег к Азову. Все это, конечно, стало известно немецкому командованию, словаки были переброшены к линии фронта. Нам сообщили, что гитлеровцы готовят расправу с ними завтра, 2 марта. Медлить нельзя!

...Со штурманом Кропотовым выбрали и изучили маршрут. Несколько небольших пачек листовок аккуратно уложены в штурманской кабине. Прогретый мотор быстро запустился, еще 3—4 минуты — и наш «Р-5» в воздухе.

С высоты 120—130 метров земля уже не просматривается. Пришлось немного снизиться. Штурман, высунувшись из кабины, смотрит не вперед, как обычно, а под самолет и чуть назад. Так ему легче распознать едва различимые ориентиры. Наши мысли заняты одним: во что бы то ни стало найти нужные нам села. От нас сейчас зависит жизнь стольких людей, которые сегодня симпатизируют советскому народу, а завтра могут стать нашими верными боевыми друзьями...

Подлетаем к передовой. Видны два-три пожара, действующие огневые точки. Летим на север вдоль линии фронта. Теперь стреляют и по самолету. Под острым углом выходим на линию железной дороги Таганрог — Матвеев Курган. Ее узнаем по темным контурам снегозащитных посадок, выделяющихся на снегу. Промелькнули черно-белые полосы улиц Матвеева Кургана. Вот поворот железной дороги на запад. Теперь не проскочить бы, разглядеть реку Миус. Все внимание сосредоточено на пилотировании самолета — ведь нет запаса высоты и не будет времени на исправление ошибки. И все же то и дело отрываю взгляд от приборов и смотрю на землю. Хочется помочь штурману, хочется обязательно найти расположение словаков!

Вышло расчетное время. Ни Алексеевки, ни Александровки не видно. Делаю круг, второй. Под крылом — заснеженная земля. Всюду темень — нигде не видно ни костра, ни света фонаря, ни ракеты.

И вдруг радостный возглас штурмана Кропотова:

— Справа — хаты!

Снижаюсь до 80 метров. Еще круг. Теперь и я вижу: мелькают под крылом хаты. Наконец слышу слова штурмана:

— Под нами Александровка, чуть восточнее — Алексеевка.— И успокоенно: — Делаем заход на сброс...

Тщательно, маленькими пачками, за три захода штурман сбрасывает все листовки-пропуска. «Точно в руки!»

Через два дня комиссар нашего полка майор Буханец сообщил мне, что листовки-пропуска были сброшены нами вовремя и точно в цель. Словаки в ту же ночь перешли на нашу сторону...

Александр МХИТАРОВ, генерал-майор авиации запаса

Дорогие товарищи!

Посылаю вам снимок, который сделан 11 мая 1945 года в Чехословакии, в городе Рождяловице. На нем изображен один из моментов встречи советских воинов с жителями города. Я на снимке в центре, с чешской девочкой на руках. Есть у меня просьба: помогите узнать, как сложилась жизнь этой девочки — ведь ей, вероятно, уже года двадцать три — двадцать четыре. А мне исполнилось пятьдесят. Я часто вспоминаю май сорок пятого, людей Чехословакии—добрых, душевных, приветливых. Желаю им счастья и успехов в труде на благо мира и социализма.

Василий УРТАЕВ

Нефтекамск,
Башкирской АССР.

Раньше дядя Сэм — символ Соединенных Штатов — носил цилиндр и жилет в звездах. Ныне он выбросил эту одежду за ненадобностью. Теперь он носит платье иного покроя — в соответствии со своими идеалами. У себя в стране он облачается в полицейский мундир и берет в руки дубинку. Выезжая за рубеж, он напяливает стальную каску, натягивает солдатские башмаки и прихватывает автомат.

От американского штата Алабамы до Вьетнама не одна тысяча миль. Но дядя Сэм всюду остается самим собой. Его мировоззрение не терпит, когда кто-нибудь где-нибудь поднимается на защиту своих человеческих прав. Он готов подавлять стремление людей к свободе с одинаковым усердием и в джунглях и на улицах американских городов.

В Алабаме дядя Сэм явился в облачении полицейского. Явился для того, чтобы навести порядок. Ему не понравилось, что негритянское население небольшого городка этого штата — Селмы — захотело зарегистрироваться в качестве избирателей. «Порядок» был наведен: три с половиной тысячи человек были брошены за решетку.

Во Вьетнаме дядя Сэм не дает остыть своему автомату, то и дело нажимает на кнопку бомбосбрасывателя. Он не намерен позволить вьетнамцам самим решать судьбы своей страны. Итог его деятельности — сотни сожженных и разрушенных деревень, тысячи патриотов, павших от его руки и рук тех, кто продал ему душу за доллары.

Дядя Сэм хотел бы жить в мире, где можно безнаказанно стрелять и бить дубинками по головам. Но мир не хочет жить по таким правилам. И дяде Сэму приходится хитрить.

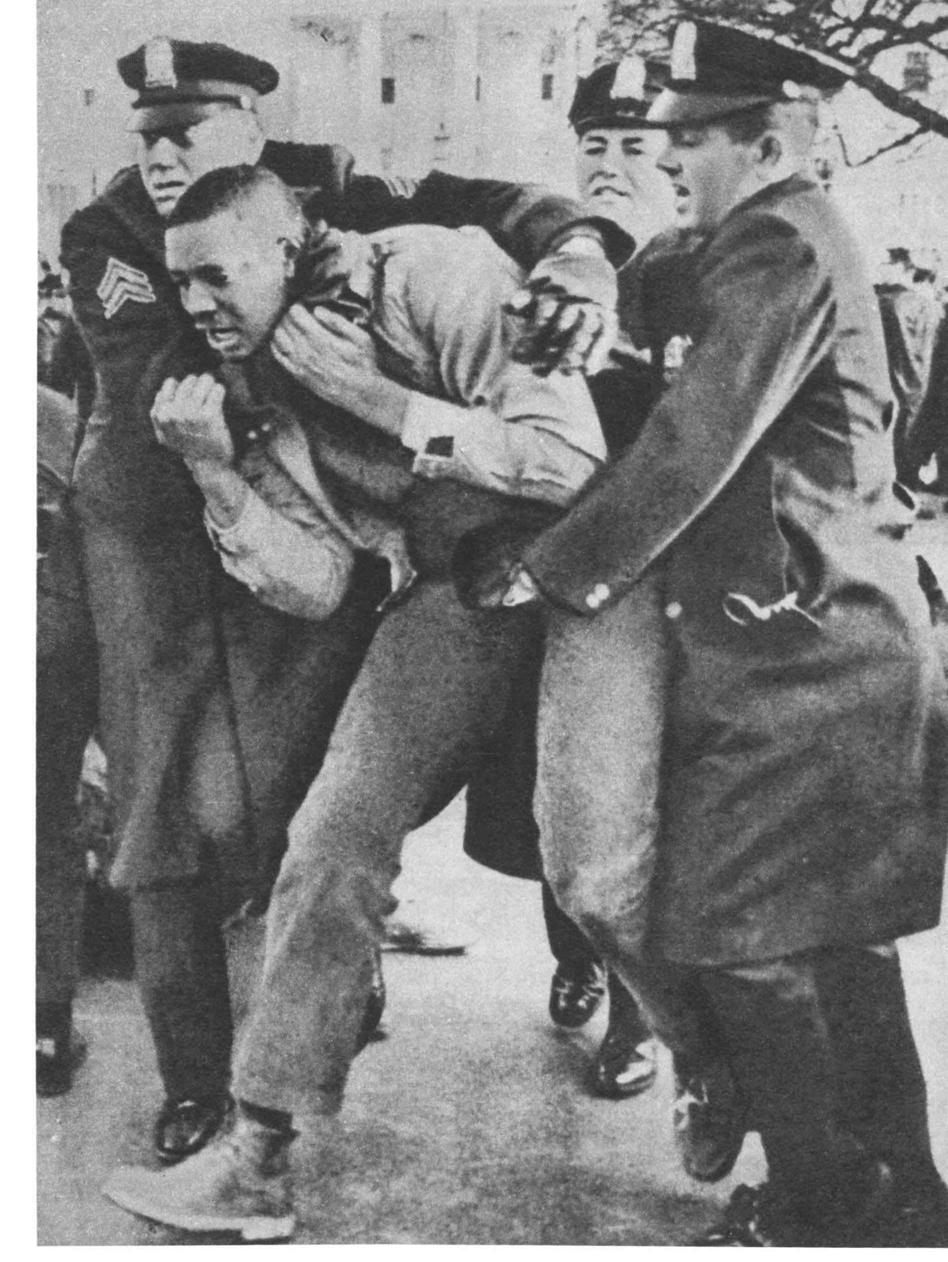
В Селме бесчинствуют расисты. Федеральные власти США по этому поводу даже выражают возмущение. Но проходят годы, а федеральное правительство не предпринимает никаких реальных шагов для того, чтобы защитить права негров — граждан США. Негритянское население Селмы, сказал американский священник Уильям Уэнст, начинает считать, что «губернатор Алабамы и президент Джонсон действуют заодно».

Свою политику в Южном Вьетнаме руководители США стараются представить как действия во имя «защиты свободы в Юго-Восточной Азии». Посылку новых контингентов американских войск в Южный Вьетнам они называют «помощью» этой стране. Но этому не хотят верить даже некоторые американские сенаторы. Один из них, Уэйн Морзе, который состоит в той же партии, что и американский президент, заявил после отправки морской пехоты в Да-Нанг: «Притворство в том, что мы помогаем народу Южного Вьетнама, теперь отброшено. Отныне война будет вестись американцами, ради американских целей и под американским командованием».

Зловещий образ дяди Сэма с дубинкой и автоматом предстает как угроза миру, как символ реакции.

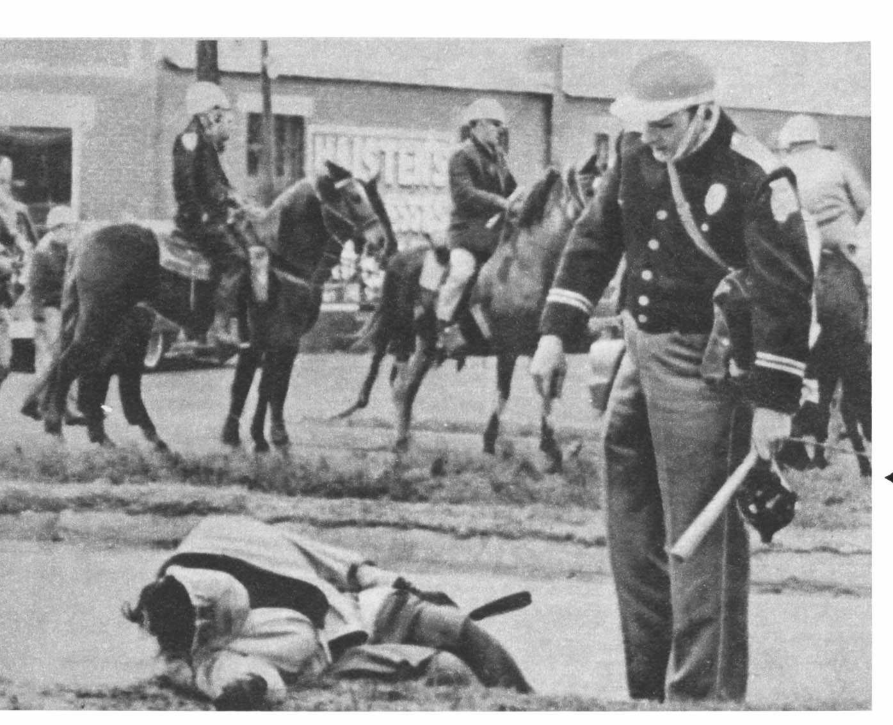
Но разве дядя Сэм — это вся Америка? Америка — это и негр, поднявшийся на защиту своих прав, это и демонстрант, требующий под окнами Белого дома: «Верните американские войска из Вьетнама!»

А. СЕРБИН

Около Белого дома...

ДОМА И

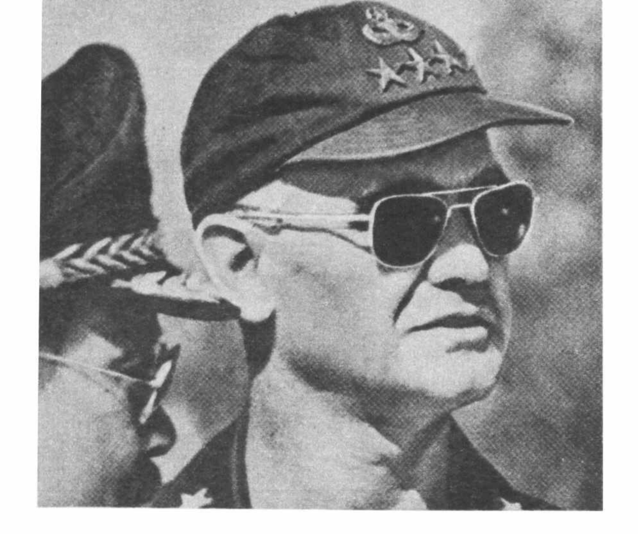
◀ Селма. Эта женщина хотела внести свое имя в списки избирателей. Против нее и ее соратников были применены дубинки и слезоточивый газ.

В Вашингтоне, протестуя против бесчинств расистов, люди блокировали уличное движение. ▶

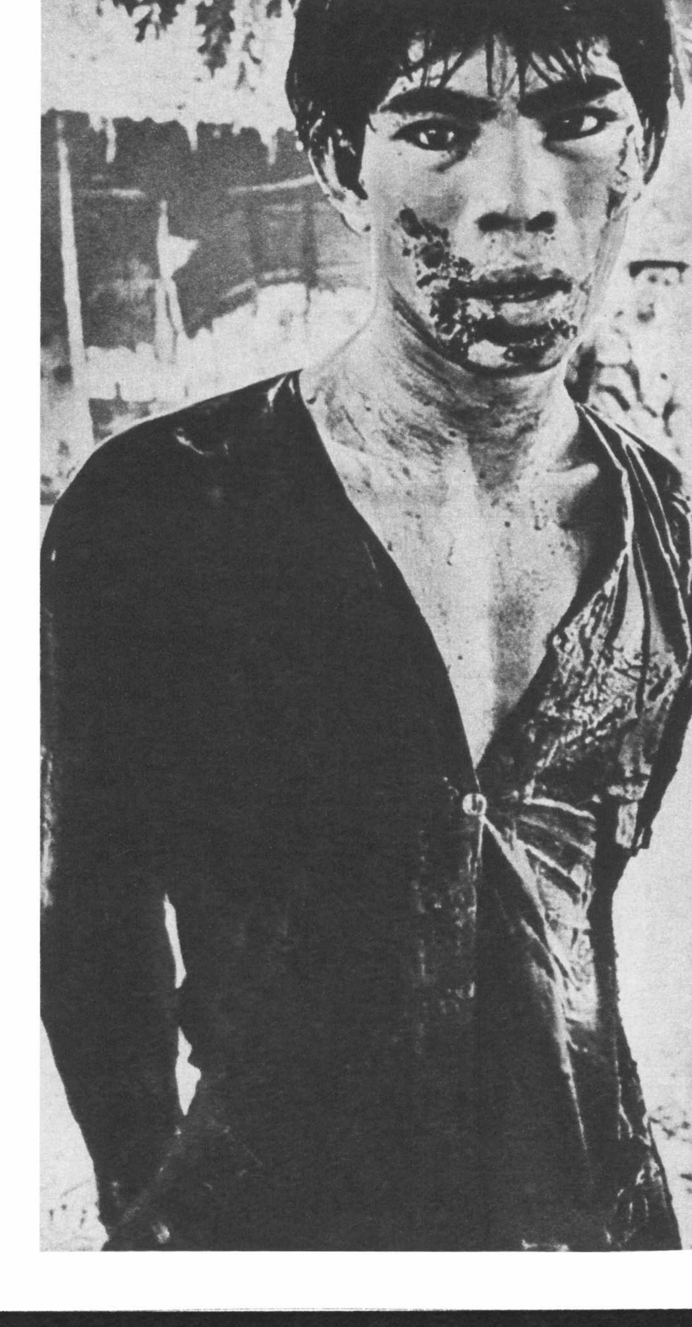

После расправ над борцами за расовое равенство в Селме по Соединенным Штатам прокатилась волна демонстраций. В Нью-Йорке, в Чикаго, в городах Юга, на Западе страны люди требовали от правительства действий — защиты американских граждан от расистов. Власти стали действовать — вот так, как в Лос-Анжелосе, где полиция была брошена против американцев, устроивших сидячую забастовку у правительственного здания. ◀

Американский генерал Уильям Уэстмореленд руководит военными операциями в Южном Вьетнаме. Это он разрабатывает планы уничтожения «подозрительных» деревень и облав на патриотов. Имя молодого борца за независимость Южного Вьетнама, который изображен на снимке справа, неизвестно. Во время одной из операций, разработанных американскими генералами, он попал в плен. Пытаясь получить сведения о партизанах, враги подвергли его диким пыткам: ему проткнули палкой грудь и стали лить туда воду. Но палачи ничего не смогли сообщить своим американским хозяевам. Патриот не сказал ни слова.

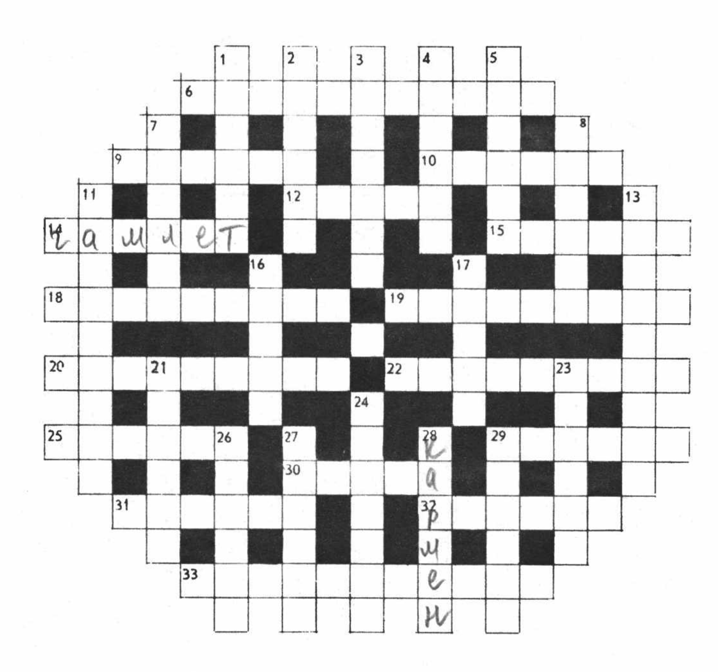

Аэродром близ Сайгона. Вертолеты со знаком ВВС США готовы вылететь на операцию против партизан Южного Вьетнама. В другом конце страны, в Да-Нанге, американцы создали еще один аэродром, откуда самолеты, пилотируемые летчиками из США, вылетают на бомбежку мирных селений Демократической Республики Вьетнам.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Недавно новые контингенты американской морской пехоты высадились на землю Южного Вьетнама. США планируют еще более широкую интервенцию. Наместники США в Сайгоне требуют теперь, чтобы в Южный Вьетнам была послана американская дивизия в полном оснащении.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Приспособление для рук при работе с радиоактивными веществами. 9. Река в Дании. 10. Шведский естествоиспытатель XVIII века. 12. Один из Больших Антильских островов. 14. Трагедия В. Шекспира. 15. Сплав меди с цинком. 18. Многолетнее травянистое растение. 19. Океаническая птица. 20. Роман О. Бальзака. 22. Ученое звание. 25. Озеро на Прикаспийской низменности. 29. Персонаж фильма «Все остается людям». 30. Осветительный прибор. 31. Сухие стебли льна и конопли. 32. Ягода. 33. Второстепенный член предложения.

По вертикали:

1. Свидетельство о праве на изобретение. 2. Рыбообразное животное. 3. Меховой товар. 4. Кормовой злак. 5. Духовой инструмент. 7. Спортивная игра. 8. Верхняя мужская одежда, распространенная в Азии. 11. Почтовое отправление. 13. Романс М. И. Глинки. 16. Заяц. 17. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 21. Планета. 23. Трап. 24. Хлопчатобумажная ткань. 26. Земляной вал. 27. Соединительная часть трубопровода. 28. Опера Ж. Бизе. 29. Столица Ирландии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

3. Картина. 7. Азамат. 8. Орбита. 9. Микиндани. 13. Шомпол. 14. Дрозд. 16. Сказка. 17. Мандарин. 18. Мерлушка. 20. Плотва. 22. Анкер. 23. «Цыганы». 25. Акватория. 28. Чеснок. 29. Гудрон. 30. Кальман.

По вертикали:

1. Ластик. 2. Ангола. 4. Таганрог. 5. Изотоп. 6. Струна. 9. Моллакара. 10. Инсоляция. 11. Кормило. 12. Украина. 14. Длина. 15. Днепр. 19. Скатерть. 21. Терцет. 24. Гудзон. 26. Вокзал. 27. Реглан.

На первой странице обложки: Ударница коммунистического труда Тамара Падалка, крутильщица Черниговского комбината синтетического волокна. (См. в номере «Профессия?— Волшебница!»)

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Перекаты Черной речки. (См. в номере «Рыбка с веселым характером».)

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

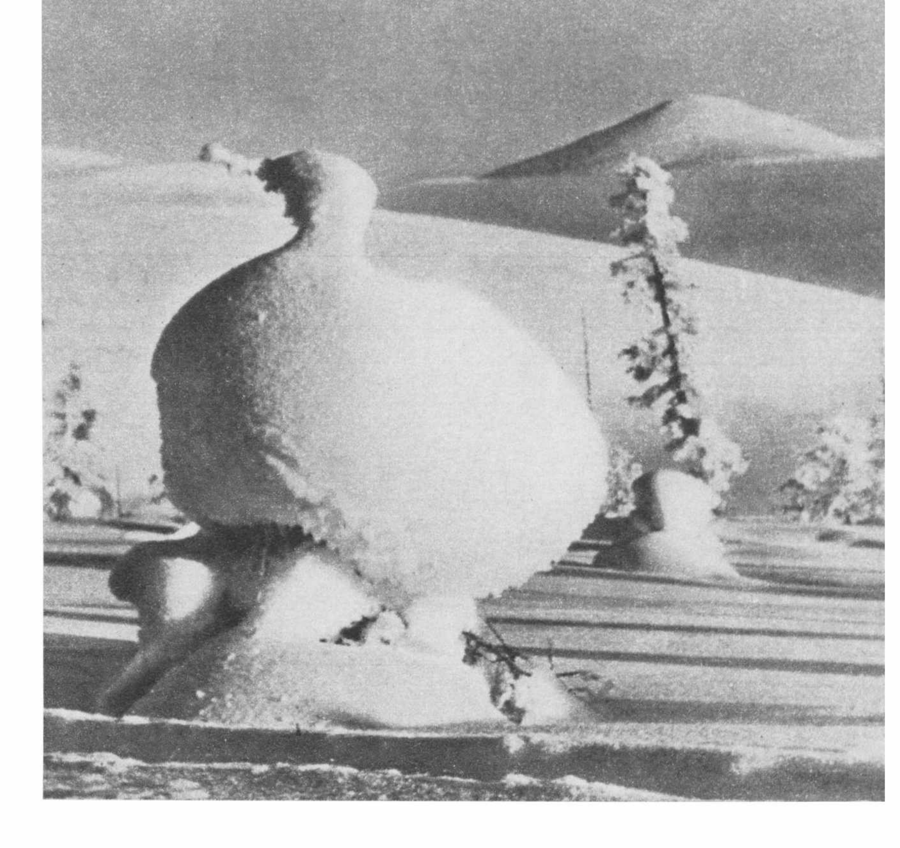
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

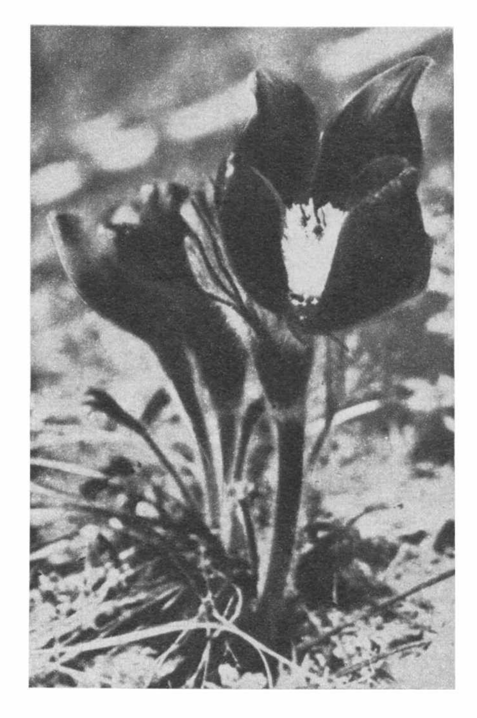
Рукописи не возвращаются. **Оформление Л. ШУМАНА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01948. Подписано к печати 18/III 1965 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 2 000 000. Изд. № 220. Заказ № 643.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Дорогая редакция!

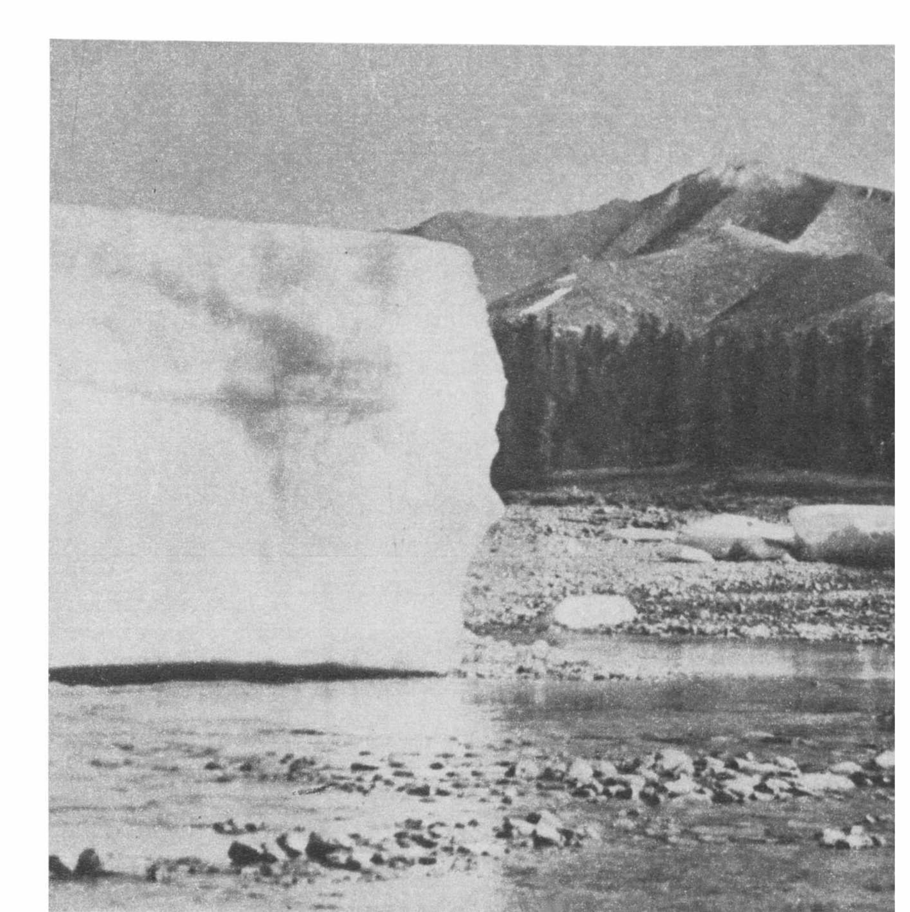
Вот уже три года, как я живу на Колыме. Три года в этом далеком северном краю, и с каждым днем он все больше нравится мне, очаровывает своей своеобразностью.

Я побывал в разных районах Советского Союза, много видел, познавал, фотографировал. Я люблю природу в ее многообразии, неповторимости и считаю, что неинтересных мест нет и быть не может.

Смутно представлял я этот далекий край до приезда сюда. Узнав, я полюбил Колыму и хочу, чтобы узнали и полюбили ее читатели «Огонька».

Предлагаю вашему вниманию несколько фотоснимков.

Суров наш край. Морозы 55° С леденят душу, кажется, сковывают все живое. Даже деревья не шелохнутся в этом морозном тумане, точно боятся сломать звеняще-хрупкие ветки. В это время мороз—

Колыма

владыка Колымы. Он зорко хранит от постороннего взгляда свои тайны, чудеса творения зимы. Только мгновенно выхватив фотоаппарат из-под шубы, можно успеть сделать лишь один кадр, как мороз, увидев это кощунство, сковывает шторку холодом. Надо снова прятать аппарат под шубу и (не стоит шутить с морозом!) уносить ноги. Все же перехитрить мороз удалось, и вот снежная «куропатка» перед вами.

Долго зима сковывает холодом землю, но весна, точно торопясь наверстать упущенное, быстро входит в свои права. На небольших, промерзших до дна реках нет привычного русскому человеку тихого ледохода, нет гомона прилета грачей, скворцов. Вешняя вода с ревом несется по наледи, сокрушая все на своем пути. Быстро сходит снег, и вот на южном склоне сопки появился первый подснежник.

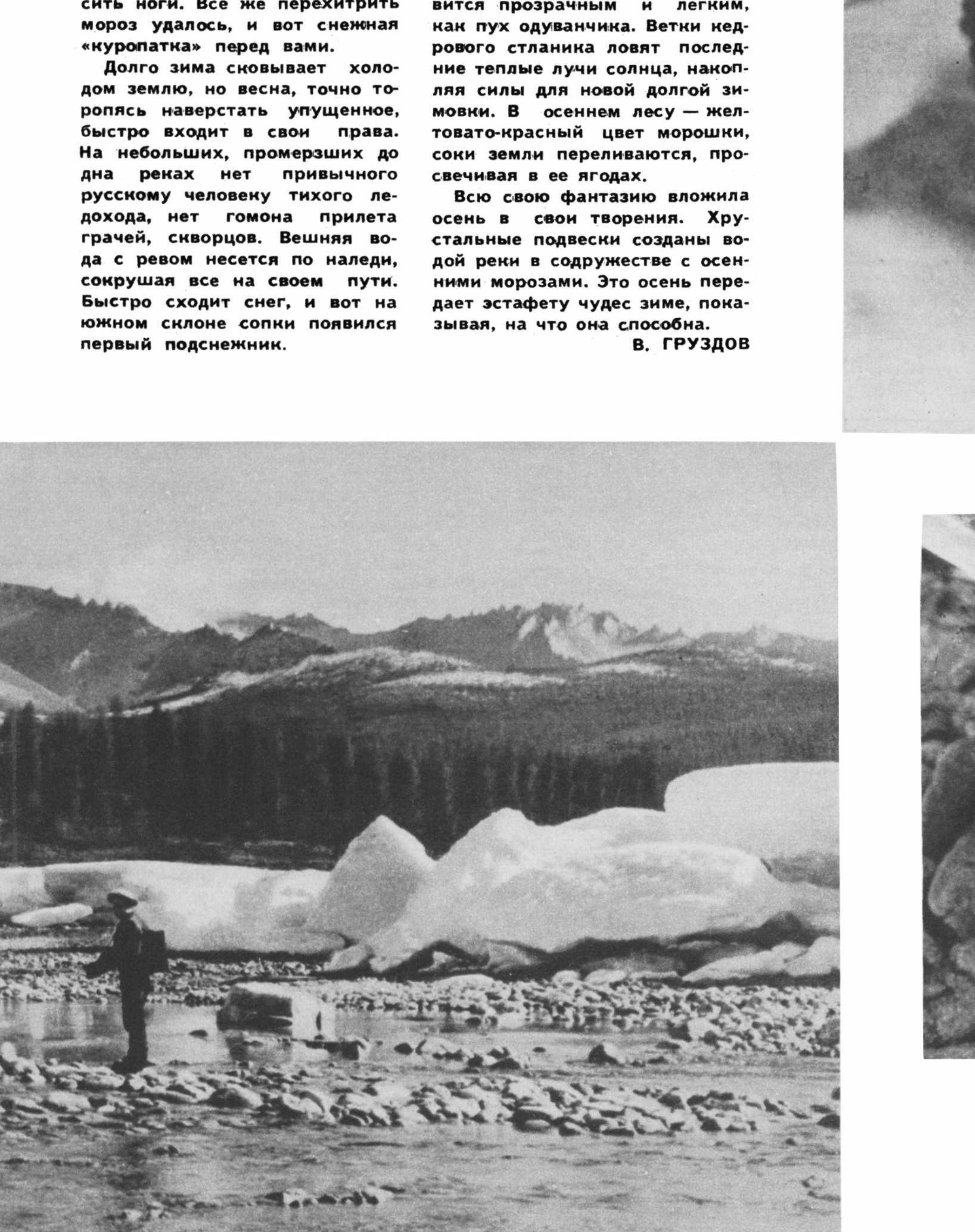
Лето короткое и капризное. Нередко уже в начале июля горы покрываются первым снегом.

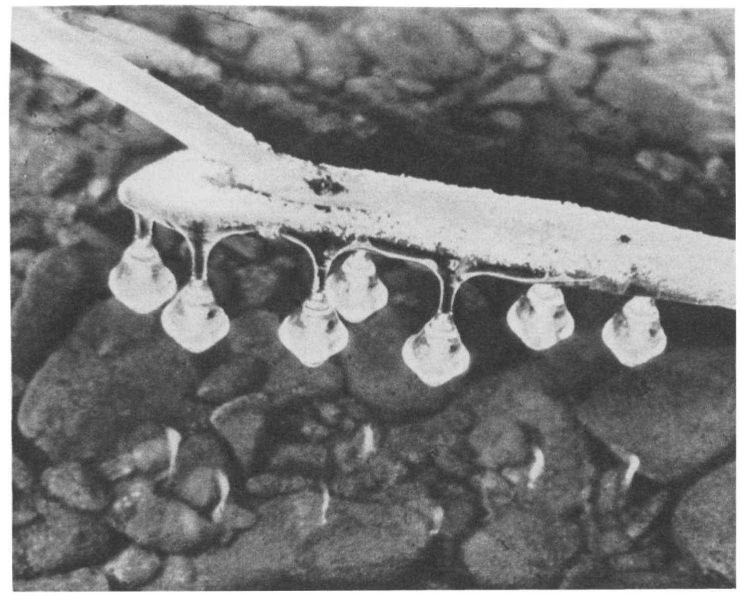
Прекрасна Колыма в осеннем наряде! Еще зелены долины, а вершины сопок уже в мареве осенних листьев. Через несколько дней зелень долин пронизывается желтизной тополя, а затем и весь лес становится прозрачным и легким, как пух одуванчика. Ветки кедрового стланика ловят последние теплые лучи солнца, накопляя силы для новой долгой зимовки. В осеннем лесу — желтовато-красный цвет морошки, соки земли переливаются, просвечивая в ее ягодах.

Всю свою фантазию вложила осень в свои творения. Хрустальные подвески созданы водой реки в содружестве с осенними морозами. Это осень передает эстафету чудес зиме, показывая, на что она способна.

В. ГРУЗДОВ

Цена номера 30 коп.   Индекс 70663